

ГРАНДМАСТЕР ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЧАРЛЬЗ ПАЛЛИСЕР

КВИН КАНКС

Том 2

ГРАНД МАСТЕР

Грандмастер исторического детектива

Чарльз Паллисер
Квинканкс. Том 2

«ЭКСМО»

1989

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Паллисер Ч.

Квинканкс. Том 2 / Ч. Паллисер — «Эксмо»,
1989 — (Грандмастер исторического детектива)

ISBN 978-5-699-98216-5

Выдающийся роман Чарльза Паллисера буквально взорвал нишу не только исторического детектива, но исторического романа вообще. Он является одним из лучших образцов реконструкции атмосферы эпохи и тонкой игры с каноническим литературным жанром. По викторианским детективам Конан Дойла и Коллинза нам известно, что «старая добрая» Англия была не такой уж доброй. Но на самом деле все было куда хуже, чем изображали даже самые смелые классики. Англия имела такое дно, такую изнанку, что они способны удивить даже искушенных читателей XXI века. Вынужденный пройти через все круги этого ада, Джон Хаффам постепенно приближается к разгадке тайны, которая преследует его с самого детства. Тайны пяти кланов, чьи чудовищные отношения намертво слили их в загадочном орнаменте квинканкса...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-98216-5

© Паллисер Ч., 1989
© Эксмо, 1989

Содержание

Книга III	6
Глава 61	6
Запись первая	6
Запись вторая	8
Запись третья	10
Запись четвертая	11
Запись пятая	14
Глава 62	16
Книга IV	37
Глава 66	37
Глава 67	40
Глава 68	48
Глава 69	54
Глава 70	57
Книга V	71
Глава 71	71
Глава 72	73
Глава 73	75
Глава 74	79
Глава 75	83
Часть четвертая	85
Книга I	87
Глава 76	87
Глава 77	88
Глава 78	90
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Чарльз Паллисер

Квинканкс. Том 2

Charles Palliser

THE QUINCUNX: THE INHERITANCE OF JOHN HUFFAM

Copyright Charles Palliser, 1989. All rights reserved

© Брилова Л. Ю., перевод на русский язык, 2014

© Сухарев С. Л., перевод на русский язык, 2014

© Куренная М. В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Э», 2017

Книга III Брачная ночь

Глава 61

Запись первая

18 декабря 1819

Дорогой сыночек Джонни!

Ты не понимаешь, конечно, не понимаешь. Да и как тебе понять? Ты плохо вел себя, но ты сам не знал, что говоришь. Тебе невдомек, что означает приход мистера Барбеллиона. Это означает, что нас нашел наш Враг. И ты привел его прямиком к нам! Но ты не виноват, тебе еще не по уму это понять. По-настоящему я не сержусь. Вот пойду сейчас наверх и помирюсь с тобой.

Ты спал, я последила, не притворяешься ли ты, но ты на самом деле спал.

Мне хочется, чтобы ты все понял, и я решила записать рассказ о том, как жила до твоего рождения. Ты прочтешь его уже взрослым, когда он будет тебе по уму. Если нужно будет раскрыть все полностью, то кое-что в моем рассказе тебе будет трудно читать, а мне трудно записывать. Я отдам тебе эту книжечку в твой двадцать первый день рождения и позволю прочитать. А может, устрою так, чтобы ты нашел ее после моей смерти.

* * *

19 декабря

Как странно, едва я затеяла рассказать тебе о прошлом, как узнала о смерти Дяди Мартина! А ведь с ним связано очень многое из того, что я буду описывать.

Я родилась в доме моего Отца на Чаринг-Кросс и до замужества жила там с ним вдвоем, потому что матушка скончалась, когда я была еще ребенком. Точный адрес я не скажу, так как мне не хочется, чтобы ты туда являлся. Это был большой старый дом, наша семья жила там очень много лет. Прежде, наверное, это было роскошное здание, с верхнего этажа открывался вид на Королевские сады Нортумберленд-Хауса, но в мои времена этот район уже не принадлежал к фешенебельным.

Место это было вовсе не хорошее. В трактирах вокруг квартировали солдаты, их салютные косички и грубые манеры всегда меня пугали. Часто они затевали драки. В дни приемов у Короля парк охраняли часовые, нас с няней туда не пускали, и приходилось поворачивать домой, потому что кроме парка пойти было некуда, да и там, конечно, гулять можно было только при дневном свете (впрочем, совсем безопасно там не бывало никогда). Когда мы ходили вдоль стены Прайви-Гарденз, мне всегда велели не глазеть по сторонам. И еще поблизости была таверна «Кубок».

Дом был чудной, мрачный – думаю, он такой и до сих пор, если еще стоит. Батюшка рассказывал, что он был выстроен на месте средневекового монастыря, Сент-Мэри Раунсивал и показывал старинную резьбу на задних фасадах домов в соседнем дворе (по его словам, это были монастырские строения). Дом располагался поодаль от улицы, в тихом дворе, перед фасадом имелся собственный мощеный дворик и пристройка-вестибюль с парадной дверью. Когда дом только построили, нынешний задний фасад был передним, но в проме-

жутке между ним и улицей уже давно возвели другие дома, так что главный вход переместили и дополнили вестибюлем. От задней двери можно добраться до улицы прямой дорожкой между соседними домами; это важно, а почему – я постараюсь объяснить как-нибудь позднее. Дом был высокий, построенный беспорядочно, с множеством низких и темных комнат, в панелях из темного дерева, с величественной лестницей в большом центральном холле, куда выходили двери всех комнат. На стене в боковом холле висела крест-накрест с алебардой сабля с кривым лезвием, и мистер Эскрит обыкновенно пугал меня упоминанием, что в давние времена она послужила орудием убийства.

Мой Папа редко с кем-либо виделся, он весь ушел в одно-единственное занятие. Родни у нас почти не было: Папа, а еще раньше его Отец с большинством из родственников поссорились. Мои владения составляли две небольшие комнаты на третьем этаже в задней части дома, по соседству с комнатами гувернантки; там я проводила большую часть времени, либо с гувернанткой, либо, чаще, сама с собой: гувернантки надолго не задерживались, отчего, боюсь, я толком так ничему и не научилась. Папа днями просиживал в своей библиотеке за юридическими книгами и составлением судебных бумаг либо консультировался в адвокатских конторах. Его заботило лишь одно, как вернуть себе Права на усадьбу Хафем, которые, по его мнению, были отняты у него обманом.

Больше в доме никто не жил, кроме мистера Эскрита. Когда я была девочкой, он достиг уже глубокой старости, ведь его служба нашей Семье началась во времена моего Прадедушки; мистер Эскрит поступил к нему совсем в юном возрасте кем-то вроде доверенного Секретаря, а теперь как профессиональный юрист помогал моему Папе в делах с законом. Это был добрейший старый джентльмен, хотя временами на него по никому не понятной причине нападала меланхолия (здесь было вычеркнуто: особенно в тех случаях, когда он) ... он не отказывался со мною играть, и в раннем детстве у меня не было лучшего, чем он, приятеля.

Кроме мистера Эскрита был еще только мистер Фортисквинс (Дядя Мартин, как я его звала), тоже с незапамятных времен связанный с нашей Семьей: его Отец служил управляющим Именем у моего Прадеда, когда тот владел Хафемом. Он был одних лет с моим Папой, и воспитывались они, можно сказать, как Братья. Видишь ли, Папа еще младенцем потерял Отца, моего Дедушку, а в три или четыре года – и мать. У Дяди Мартина мама тоже умерла совсем рано. (Помнишь, та леди, которая когда-то жила в нашем коттедже?) И вот отец Дяди Мартина взял моего Папу к себе, жить с ним и его сыном в Хафеме. (Отец сэра Персевала Момпессона, сэр Хьюго, купив у моего Дедушки Имение, оставил мистера Фортисквинса в должности управляющего.) Мистер Фортисквинс обитал в Старом Холле (по крайней мере, в части здания, другое крыло использовалось для какой-то другой цели). Как видишь, Папа рос бедным сиротой в Имении, которое совсем недавно принадлежало его Семье; представляю, до чего ему было обидно, когда новые владельцы задирали перед ним нос, а то и вовсе его не замечали. Сказав «бедный», я должна пояснить, что в наследство ему досталась только ежегодная рента с Поместья, это было одно из условий, на каких оно было продано его Отцом. (Увы, его бедный Отец был отчаянный мот, он расточил большую часть наследства еще до того, как вступил во владение им, так что к тому дню, когда умер его собственный Отец, на имении висело много долгов и пришлось продать его на невыгодных условиях.)

Папа с Дядей Мартином вместе учились в Кембриджском университете (оставшихся денег на это как раз хватило), и когда они вернулись в Лондон, мистер Эскрит пригласил их жить в старом доме. Я должна объяснить, что этот дом был ему (то есть мистеру Эскриту) завещан за его заслуги моим Прадедом и он уже долгие годы жил там один-одинешенек. (Когда-то он был женат, но жена его давно уже умерла. Папа мне рассказывал, что вроде бы был у них и ребенок, который вырос и стал взрослым, но от него мистеру Эскриту достались

одни неприятности и потому, насколько я знаю, никто в доме никогда о нем не заикался.) И вот эти двое молодых людей стали жить в доме мистера Эскрита и изучать право. Мистер Эскрит к ним очень привязался, Папа тоже его любил, но Дядя Мартин как будто нет, и мистера Эскрита это сильно огорчало. Так продолжалось несколько лет, пока Дядя Мартин не женился и не зажил своим домом. (Его жена умерла, когда я была еще совсем маленькой, и детей ему не оставила.)

Теперь я должна объяснить, почему мой Папа считал, что имеет Право на Поместье Хафем. Дело в том, что, когда он впервые приехал в Лондон (совсем мальчишкой – ему было шестнадцать), он отправился навестить мистера Эскрита и услышал от него Тайну: ему, мол, достоверно известно, что мой прадедушка, Джеффри Хаффам, незадолго до смерти добавил к своему Завещанию Кодацил, но кто-то его спрятал. Однако мистер Эскрит не сомневался, что Кодацил этот где-то есть и его можно найти. Суть его состояла в том, что он ограничивал Дедушкины права как наследника, то есть продажа Поместья сэру Хьюго становилась недействительной, поскольку существовало условие наследования, не отмененное и не приостановленное. Мистер Эскрит предложил Папе накапливать ежегодные выплаты, которые будут ему поступать, пока ему не хватит денег выкупить Кодацил. Папа загорелся и занялся Процессом в Канцлерском суде. (Мне следовало объяснить, что Дедушкино Завещание уже было оспорено.) Дядя Мартин, который, как я сказала, всегда недолго любил мистера Эскрита, обвинил его в том, что тот внушает Папе ложные надежды получить обратно Имение Хафем и подбивает тратить на эту затею все свое время и деньги. Но оказалось, что мистер Эскрит был прав, а Дядя Мартин ошибался: в день, когда мне исполнилось семнадцать, произошло событие, которое все переменяло.

Запись вторая

12 апреля

Погоди, увидишь, какая умная была твоя Мама. Имея прибыль с тысячи Фунтов, мы заживем совсем по-другому. Три сотни нас бы и близко не спасли. И неправильно было говорить о ней такие вещи. Она нам предана. Джонни, тебе еще будет стыдно за свои слова. Я ей сказала, что не смогу платить ей столько, сколько она просила (мистер Сансью очень строго мне это отсоветовал), а она все же от нас не ушла.

Вернусь к прежнему своему рассказу: в один прекрасный день мой Папа позвал меня в Библиотеку. Там был еще и мистер Эскрит, и оба они были сильно взволнованы. Папа сказал мне, что, по словам мистера Эскрита, Кодацил найден! Тут как раз пришел Дядя Мартин, и Папа попросил мистера Эскрита повторить всю Историю. Вот как она мне вспоминается: как я уже, наверное, упоминала, сорок лет назад мистер Эскрит служил доверенным агентом у моего прадедушки, Джеффри Хаффам. Старого джентльмена очень тревожило, как бы его сын (мой дед), наделавший долгов, не продал после его смерти Имение, и он, чтобы этому помешать, добавил к своему Завещанию Кодацил, в котором Имение было объявлено заповедным. (Мой дедушка, Джеймс, был тогда неженат, по этой причине, а также и по другим старый джентльмен написал такие условия, что, если мой дедушка умрет, не оставив наследника, тогда Поместье наследует Сайлас Клоудир, в ту пору единственный внук старого джентльмена.) Как бы то ни было, через год или два, когда старый джентльмен умер, кто-то тайком забрал Кодацил. Много лет мистер Эскрит искал документ, так как (говорил он) догадывался о его судьбе. Наконец он нашел тогдашнего владельца и тот согласился продать Кодацил за 4000 фунтов.

Когда он кончил рассказ, Дядя Мартин попросил его ненадолго выйти. Папа возражал, твердил, что у него нет секретов от старого джентльмена, но мистер Эскрит очень обиделся и пожелал непременно выполнить просьбу Дяди Мартина. Когда он ушел, Дядя Мартин спро-

сил Папу, верит ли он в эту Историю. Отец фыркнул и ответил, что верит. Они обсудили, где взять деньги, и Папа сказал, что заложит ежегодный доход с имения. Дядя Мартин был против, потому что это поставит под удар мое будущее, а еще, добавил он, найти кредитора будет нелегко, ведь по денежному рынку ползут слухи, что у Момпессонов расстроены Дела. Недавно он побывал у сэра Персевала и леди Момпессон с ежегодным визитом вежливости (у него осталась эта привычка, поскольку между Семьями в свое время существовала связь), и они ни словом об этом не обмолвились, но всем и каждому известно, что доходов от арендаторов поступает все меньше, ведь Момпессоны ничего не вкладывают в землю. Он сказал: Печально думать, что усовершенствования, которым мой Отец посвятил всю жизнь, пошли прахом. Но суть дела такова, что тебе не следует рисковать своим доходом ради глупой авантюры, а нужно затянуть пояс и откладывать деньги на случай, если поступления прекратятся.

Папа ответил: Такое Благоразумие, Мартин, не в моей натуре, ты забыл, видно, мой семейный девиз: «Tutor rosa corum spines», то есть цветок безопасности покоится среди грозных шипов. А потому вот что я думаю: мой двоюродный братец Сайлас Клоудир тоже выиграет, если Кодацил найдется, а у него денег куры не клюют. Предложу-ка я ему купить Кодацил вдвоем. Он сел за стол и начал писать.

Тут, Джонни, я должна кое-что объяснить. Мистер Сайлас Клоудир, хотя он много старше Папы, приходился ему двоюродным братом, ведь Джеффри Хаффам – отец его матери. (Ее звали София Хаффам, и Замужество ее не обошлось без переживаний, потому что Клоудир для Хаффамов слишком низкородная семья.) Оттого он был вовлечен по наследству в Процесс в Канцлерском суде, где был одной из Сторон, из-за этого у них с Папой много лет назад произошла ссора, и с тех пор они не поддерживали родственные отношения. У мистера Клоудира было два сына, Питер и Дэниел. У Дяди Мартина, который не доверял мистеру Клоудиру и опасался его, от такой новости глаза на лоб полезли. Но было у него и еще одно соображение, и он сказал: Это верно, что и у тебя, и у Клоудира есть причины желать, чтобы Кодацил был представлен в Суд. Однако, мало того что он мошенник, ваши интересы полностью противоположны, ведь, если Эскрит не ошибается, Клоудир и его наследники получают Поместье Хафем только при том условии, если он переживет тебя и Мэри. Папа на это рассмеялся, поцеловал меня и произнес: Вот именно. Но этого ждать не приходится. Мэри на сорок лет его младше. Но Дядю Мартина это не убедило, он попросил папу образумиться, а когда увидел, что папа стоит на своем, предложил сам ссудить ему деньги на определенных условиях. И здесь я должна... Нет, не стану вдаваться в это сейчас, хотя вскорости постараюсь все же дать объяснения.

Мистера Эскрита позвали обратно. Он едва не плакал, и у меня тоже на глазах выступили слезы. Он сказал: Мистер Джон, я поступил на службу к вашей Семье почти что с пеленок, пять десятков лет назад. И вот меня выгоняют из комнаты, чтобы обсудить, что у меня на уме и можно ли мне доверять! Никому не под силу такое стерпеть. Папа встал и обнял его: Простите меня, дорогой старый дружище. Никто в вас не сомневается. Мы с дочерью доверяем вам абсолютно. Но когда папа рассказал, что собирается попросить у мистера Сайласа Клоудира денег в долг, чтобы купить Кодацил, мистер Эскрит пришел в ужас и стал убеждать, что Папа и мистер Клоудир – злейшие враги; тут он заодно с Дядей Мартином умоляет Папу не иметь со старым джентльменом никаких дел. Папа, однако, упрямо стоял на своем. Жребий был брошен, мистеру Клоудиру и его сыновьям было послано приглашение зайти к Папе как-нибудь утром.

Через несколько дней они явились. Услышав их стук, мистер Эскрит тут же удалился к себе. Мистер Клоудир оказался ссохшимся старичком на согнутых ногах. Выглядел он гораздо старше, чем я думала, и его хитрое личико не внушало симпатии. Одет он был тщательно и аккуратно, по старой моде. Старшему его сыну, Дэниелу, высокому и полному муж-

чине с круглым пухлым лицом, я дала бы не меньше сорока. В своей неприметной одежде он очень походил на респектабельного адвоката, кем и был на самом деле – адвокатом, я имею в виду. Когда он стоял рядом со своим младшим братом, можно было подумать, что это отец и сын. Впрочем, Питер нисколько не походил ни на одного из своих родственников. Роста он был среднего, стройный, лицо бледное и печальное, с большими карими глазами. Улыбка (правда, улыбался он редко) полностью преображала его лицо, прогоняя всякие следы печали. Одет он был элегантно, как подобает модному молодому джентльмену.

Служанка принесла вино и печенье, и Папа с кузенком заключили мир. Старому мистеру Клоудиру явно не терпелось узнать, зачем его пригласили. Чуть погодя Папа встал и произнес: Что ж, старый дружище. Мы перейдем к делу, а молодежь пусть знакомится друг с другом. Странно было это слышать, потому что по годам он недалеко ушел от молодого мистера Клоудира, а по виду и манерам казался младше его. Взяв старого мистера Клоудира под локоть, он увел его из комнаты. Теперь, Джонни, я должна все объяснить. Прежде чем продолжить, я должна все объяснить про твоего отца. Но подожду, сперва мне нужно собраться с духом.

Запись третья

Рождество, 1822

Эта бедная женщина. Сколько ей пришлось вынести. Что-то она застанет, когда вернется домой? Пока я ее слушала, в голове крутились мысли о прошлом и о Лондоне. В ее Истории есть вещи, которые тесно смыкаются с моей собственной жизнью. Ты стал о ней расспрашивать, и я решила, что должна все тебе рассказать на этих страницах, хоть я не прикасалась к ним уже два года.

Тут я должна сделать Признание. Я знаю, ты прочтешь эти записи достаточно взрослым, чтобы все понять. Я пообещала рассказать тебе о твоем отце и сейчас выполняю обещание. Прежде всего я должна вернуться к тому, что произошло, когда Дядя Мартин попытался отговорить Папу от каких-либо дел с мистером Клоудиром. Тебе нужно знать, что...

(Тут отсутствовало несколько страниц, которые матушка вырвала и заставила меня сжечь.)

...Это случилось, как ты узнаешь, в ночь перед тем, как мы прибыли в Хартфордскую Гостиницу.

Ну вот, наконец это сказано!

Теперь я должна вернуться к тому времени, когда я впервые познакомилась с Клоудирами. Пока Папа беседовал в Библиотеке со старым джентльменом, я пыталась вести разговор с его сыновьями. Это оказалось очень трудной задачей, потому что молодой мистер Клоудир ни на минуту не закрывал рот, а его Брат скоро совсем замолк, а мне гораздо больше хотелось послушать его, чем старшего Брата. Молодой мистер Клоудир говорил только о себе, о своих занятиях адвокатурой, о своем домашнем хозяйстве, словно меня интересовала только его персона. Когда он упомянул свою маленькую дочурку, я с облегчением ухватила за эту тему и стала о ней расспрашивать. Я понятия не имела даже о том, что он был женат, и было очень неловко (не знаю как ему, а мне уж точно), когда ему пришлось объяснять, что его супруга умерла при родах. Папа не удосужился ничего не рассказать мне про наших гостей.

Наконец к нам присоединились Отец и старый мистер Клоудир. Старый джентльмен дрожал от волнения, и вскоре гости раскланялись, предварительно взяв с нас обещание почтить их ответным визитом. Когда они ушли, Отец обнял меня и сказал: Он согласился! Он так же заинтересован Кодацилом, как я. Он не успел ничего добавить, потому что нужно было переодеться к обеду. Но когда пришел Дядя Мартин, Папа поведал, как мистер Клоудир согласился дать ему в долг денег. Мартин спросил об условиях и о том, выставял ли

старый джентльмен какие-нибудь требования, и Папа наконец признался: Он настаивал на каком-нибудь залоге. И я согласился выплачивать пожизненно двадцать процентов в год и передать ему полис. Мартин был очень недоволен, он сказал, что это против моих интересов; если Папа умрет, не успев выплатить Заем, то основная сумма долга повиснет на его Имени. Папа сказал: Ерунда! К тому времени, как я умру, Имение вернется ко мне и Долг будет выплачен. А Мартин ему: Ни на что нельзя полагаться, Джон. А если ты умрешь раньше, чем ожидаешь? (Как часто я вспоминала эти слова!) Я просила их сменить тему, но Мартин не унимался: Я тебе таких условий не ставил. Признайся честно, Джон, были и другие условия, о которых ты промолчал? Он говорил с горечью. Папа ничего не ответил. Тогда Мартин добавил: Не сомневаюсь, вам обоим приятно будет узнать, что я в конце концов решил жениться. Мой Отец вскричал: Ну и дурак! Я уже говорил тебе на днях: глупо обзаводиться женой в твоём возрасте, когда человек столько лет прожил холостяком. Мартин был обижен, но когда он сказал, что его невеста – Джемайма, наша кузина, Папа, который ее всегда недолюбливал, добавил масла в огонь: Девчонка охотится за твоими деньгами. Ты ведь знаешь, у нее за душой ни гроша, если она не выскочит замуж, придется всю жизнь провести в гувернантках. Я боялась, как бы Папа не рассказал Мартину, как она однажды пыталась его на себе женить (чему я не верила), но он разгадал ее игру, однако мне оставалось только молчать. Мартин произнес: Все ясно, ты не веришь, что молодая женщина может полюбить старика вроде меня. Что ты ставишь под сомнение мой здравый смысл, я еще могу простить, но ты оскорбляешь мою нареченную супругу, а уж это выходит из всяких рамок. Возьми свои слова обратно, иначе я под этой крышей не останусь. Папа отказался, и Мартин ушел. Я вздохнула с облегчением, хотя, конечно, не могла не пожалеть о том, что Папа, похоже, потерял своего самого старого друга.

Запись четвертая

6 апреля 1823

Может, я была не права, что скрывала от тебя, но я хотела как лучше. Нехорошо было с твоей стороны говорить грубости. В конце концов, мистер Сансью уверял, что мы удачно вкладываем деньги, и ты тоже этому верил. Мне просто не повезло, только и всего.

В последующие недели Клоудир были у нас частыми гостями. Первые три или четыре раза Питер являлся вместе с Отцом и Братом, старшие закрывались в Библиотеке, а мы трое беседовали в Гостиной. Чем ближе я знакомилась с Питером, тем больше он мне нравился, а вот мое мнение о Дэниеле не менялось к лучшему. Постепенно я начала подозревать, что Питер чем-то встревожен и немного боится своего Брата. Однажды Дэниел пошел вместе со своим Отцом в Библиотеку обсуждать юридические дела по поводу Займа, и мы с Питером остались наедине. Тут Питер стал откровеннее, рассказал о своем детстве и о матери, которая умерла, когда он был маленьким. Он очень ее любил, тосковал после ее смерти и не прижился в школе, куда его послал Отец. Потом он заговорил о Делах, которыми занимались его Отец и Брат, и произнес: Бывает, что, повинуясь людским законам, человек преступает законы божеские. Тут в комнату вошел его Брат и смерил его сердитым взглядом: О чем это ты толкуешь? Не докучай молодой леди скучными предметами. Я заверила, что мне очень интересно, и Дэниелу это как будто не понравилось. Вскоре они ушли.

На следующий день мистер Клоудир и его старший сын явились без Питера. Почему его нет, они не объяснили, и, когда старший мистер Клоудир удалился беседовать с Папой о Делах, младший остался со мной. Я спросила, как поживает его брат, и он ответил: К сожалению, мисс Хаффам, ему сегодня не здоровится. Это с ним бывает. Я сказала, что огорчена его неважным здоровьем. Он странно на меня взглянул и произнес: Давайте поговорим о более веселых предметах. (Помню, как, произнося это, он положил руки на колени и начал

сплетать и расплетать пальцы. Ладони у него были широкие и красные, а пальцы напоминали сырые сосиски.) Он стал рассказывать о своей маленькой дочке. Любовь к ребенку была единственной чертой, которая мне в нем нравилась. Вскоре он повел речь о том, что хочет жениться во второй раз, я пыталась перевести разговор на менее личные темы, но его было не сбить. Услышав, что он нашел, по его мнению, подходящую женщину, я перепугалась. Притворяясь, что не понимаю намеков, я оттягивала объяснение, пока мне на выручку не явились наши Отцы.

Старый джентльмен вошел, потирая руки, смерил меня многозначительным взглядом и заметил: Надеюсь, мы не помешали. Мистер Дэниел Клоудир глупо ухмыльнулся; Папа, к моему огорчению, улыбался, словно участник веселой затеи. Молодой мистер Клоудир проговорил: Ну, Отец, если на то пошло, мы с мисс Хаффам очень хорошо ладили, пока вас не было. Старый джентльмен сказал моему Отцу: Молодежь она и есть молодежь, да, Хаффам? Вскоре они удалились, и я вздохнула свободней, но тут ко мне обратился Папа: Радостно видеть, дорогое дитя, что вы с мистером Дэниелом Клоудиром так хорошо понимаете друг друга. Не сдержавшись, я высказала, как он мне противен. Папа отозвался: Ты меня очень удивила. И к тому же, позволь признаться, разочаровала. Ибо учла ли ты, дорогое дитя, преимущества Союза с этим Семейством? Я не могла произнести ни слова, и он продолжил: В этом случае твои и мои интересы в Процессе совпадут с интересами Клоудиров, Кодацил поможет мне вернуть Титул собственности на Имение Хафем, ты, как моя наследница, получишь его в свой черед, а твой брак с сыном старого Клоудира будет означать, что дети от вашего союза будут одновременно и моими, и его наследниками.

Едва понимая, что говорю, я спросила, которого из сыновей он имеет в виду. Он ответил: По мне так все равно, однако мистер Клоудир, как я понял, думал о Дэниеле. Меня вполне устроит любой твой выбор, если тебе не по вкусу старший, бери, на здоровье, младшего. От всего этого голова у меня пошла кругом. Чуть погодя Папа спросил: Ну как, сказать старому Клоудиду, что ты согласна? Я вскрикнула в испуге, и он сердито бросил: Выходит, ты отказываешься? Тут я снова замотала головой, и Папа потребовал объяснить, чего же, бога ради, я хочу. Слова застряли у меня в горле, а он торопил: Ну же, я должен что-то ответить Клоудиду, он ждет как на иголках. Внезапно он вскрикнул: Придумал! Скажу, ты не возражаешь против одного из них? Я кивнула, он поцеловал меня и назвал своей родной девочкой. Он отправил это известие мистеру Клоудиду и через несколько дней рассказал, что Документ с условиями Займа подписан.

Через несколько дней все было подготовлено для выкупа Кодацила. Мистер Клоудир со старшим сыном явились в дом утром и встретились с мистером Эскритом, который очень нервничал. Удивительно было видеть его таким испуганным, забывшим о джентльменских манерах! Мистер Клоудир отсчитал Папе деньги – 4000 фунтов в банкнотах! – он подписал Документ (мистер Эскрит расписался как свидетель) и отдал. Потом Папа дал деньги мистеру Эскриту, и тот вышел из комнаты.

Медленно-премедленно старинные стоячие часы натикали час. Отец шагал взад-вперед по комнате, потирая себе нос, старый джентльмен сидел и покусывал ручку трости, его сын со скрещенными на груди руками глядел в окно. Наконец мистер Эскрит вернулся и протянул Папе небольшой сверток. Тот принял его трясущимися руками и отнес на письменный стол, под лампу. Вскрыл и стал рассматривать вынутый оттуда лист пергамента, мистер Клоудир с сыном напряженно следили. Лицо у Отца пылало, глаза лихорадочно блестели, я перевела взгляд на мистера Клоудира – он волновался не меньше, в черных глазах сверкали искры, на скулах играли желваки. Его сын так стиснул свои лапищи, что розовая кожа побелела. Наконец Папа произнес: Документ подлинный, нисколько в этом не сомневаюсь. Взгляните, Клоудир, вы ведь юрист. Молодой мистер Клоудир пересек комнату и только что не выхватил у него пергамент. После долгого изучения он согласился с моим Отцом. Старый

мистер Клоудир выкрикнул: Читай же, бога ради! Молодой мистер Клоудир прочел документ вслух, и они начали его обсуждать. Мистер Клоудир сказал: Я ждал четыре десятка лет, чтобы этот документ был представлен в Суд. Больше ждать не могу, я старик. Надеюсь, завтра же вы пустите его в ход. Папа бережно свернул документ в трубку и положил в заранее приготовленный серебряный футляр (ты много раз его видел). Повесил на цепочку для часов и сунул в кармашек. Потом сказал с улыбкой: Завтра Суббота. Я это сделаю в Понедельник. И, пока он не поступит в Суд, я буду держать его при себе. А теперь, джентльмены, окажите нам с дочерью честь с нами отобедать. К моему неудовольствию, они согласились. Папа по случаю радостного события выпил немало вина, Клоудир оставались трезвыми и настороженными. Когда убрали со стола, я удалилась в гостиную наверх, но через несколько минут туда вошел молодой мистер Клоудир. Пока я готовила чай, он завел речь о Кодациле, о том, как он объединил интересы двух семей. Прежде чем я успела что-нибудь вставить, он без околичностей сделал мне предложение. Я ответила решительным отказом. Он зло процедил, что в таком случае наши Отцы друг друга не поняли, так как у его Отца создалось впечатление, что ответ будет положительный. Тут вошли Папа и мистер Клоудир. Я заметила, что Папа выпил больше, чем было у него в обычае. Выслушав рассказ сына, мистер Клоудир спросил моего Отца: Что это значит, Хаффам? Я попросила разрешения уйти, но Папа сказал: Мне это тоже чертовски непонятно. Я повторил Клоудиру твои собственные слова. С какой стати ты передумала? Я молчала. Старый мистер Клоудир сказал: Все верно, юная мисс. По словам вашего Отца, вы согласились стать супругой любого из моих сыновей.

Я выдавила из себя, что сказала другое: я не возражаю принять предложение одного из его сыновей. Старый джентльмен вскричал: В чем же разница? У меня не поворачивался язык ответить, но тут вмешался мистер Дэниел Клоудир: Ага, теперь я понял. «Один из сыновей», а не «любой из сыновей», вот условие юной леди, и честь ее предпочтения, очевидно, досталась не мне. Папа крикнул: Похоже, так оно и есть! Молодой Питер – вот кто у нее на уме. Отлично, свадьба не отменяется. – Свадьбы не будет! – прервал его старый мистер Клоудир. – Да какая разница, одного она возьмет или другого? – Мистер Клоудир крикнул: Мой наследник Дэниел, а не Питер. Питер... Он замолк и переглянулся со своим сыном, и тот закончил за него: Мы пытались сохранить это от вас в тайне, мисс Хаффам, но мой Брат всегда был со странностями. Короче говоря, он ненормальный. Я закричала, что это гнусная ложь, и старый джентльмен фыркнул: Ах, так вы все знаете лучше всех? Тогда вам, конечно, известно, что около месяца назад нам пришлось поместить его в надежную комнату, где за ним день и ночь следит слуга, чтобы он себя не поранил. Что до вас, Хаффам, вы пообещали, что ваша дочь вступит в брак с моим наследником, а теперь, как я вижу, не собираетесь сдерживать обещание. Папа сказал: Моя совесть чиста. – Вы обманули меня, Хаффам. Без ваших заверений касательно этого вопроса я не ссудил бы вам деньги. Выходит, Мартин был прав, когда подозревал, что Отец согласился еще на одно условие, то есть мой брак! Папа вскипел: «Обманул»? Да как смеете вы, Клоудир, обвинять в этом Хаффам? Схватив мою руку, он до боли ее сжал. Это все ты виновата. Из-за твоего дамского жеманства я теперь в дурацком положении. Не желаю, чтобы меня обвиняли в нечестности, слышишь? Выбрось из головы Питера и соглашайся на Дэниела. Я ударила в слезы, и Папа меня отпустил. Воспользовавшись этим, я выбежала из комнаты. По ту стороны двери я повернула затвор, в темноте пересекла комнату и заперла также и следующую дверь. Теперь я была в безопасности! Все еще всхлипывая, я привалилась спиной к двери. Сердце у меня разрывалось при мысли о том, чему подвергается Питер. И тут я вздрогнула, услышав поблизости чье-то дыхание. Чей-то голос проговорил из темноты: Мисс Мэри, это вы? Это был мистер Эскрит. Мои глаза уже привыкли к темноте, и я разглядела его на обычном месте, у пустого камина. Он сказал: Меня не хватились за обеденным столом, так ведь? И правда. Никто не подумал послать за ним. Вашему Отцу я

больше не нужен, мисс Мэри. Кодацил теперь у него, а обо мне он и думать забыл, хотя, если бы не я, не видать бы ему Кодацила как своих ушей. Он рассмеялся, и я подумала, а не приложился ли он тоже к спиртному. Потом он добавил: Он что же, забыл, Клоудирь меньше всего заинтересованы в том, чтобы у вас был наследник, ведь ваш законный ребенок встал бы между старым Клоудиром и наследственным имением? Я поспешно вышла и поднялась к себе.

Запись пятая

5 июля

Я напишу им и расскажу, что случилось. Не сомневаюсь, когда они узнают всю историю, они нам помогут. В конце концов, они наши родственники. И заинтересованы в том, чтобы с тобой и со мной ничего не случилось. Но тебе я не говорю, ты не должен об этом знать. Я пойду и повидаяюсь с ними тайком от тебя.

Услышав новости о Питере, я всю ночь не спала. Верно, мне случалось видеть его очень унылым, молчаливым, но словам его жестокого брата я все равно не верила. Назавтра и в следующий день я все больше сидела у себя в комнате и с Папой встречалась только за обедом – он был сердит и со мной не разговаривал. Мистер Эскрит брал еду на подносе к себе, я последовала бы его примеру, если бы Отец мне разрешил. На второй день за обедом он сказал: После того как ты в тот вечер так бесцеремонно нас покинула, мистер Клоудир и его сын рассказали мне кое-что о юном Питере – тебе, думаю, не помешает это узнать. Родня давно уже заметила его болезненную склонность к меланхолии. Однако в последние годы, а особенно в последние месяцы, у него появились необычные симптомы, свидетельство того, что психическое заболевание приняло выраженную форму, и потому пришлось ограничить его свободу. Они опасаются не только за его собственное благополучие, но и за жизнь других людей. Он начал выдвигать самые необычные обвинения против Отца и Брата. Если он вдруг попытается с кем-нибудь из нас связаться (впрочем, по их мнению, это маловероятно), мы должны быть настороже. По их словам, его состояние ухудшилось в последнее время из-за... из-за чего-то, что произошло в этом доме. Я спросила, что он имеет в виду, и Отец ответил: Боюсь, дорогая, что предмет его одержимости – ты. Он утверждает, что любит тебя и хочет видеть. Откашлявшись, он смущенно добавил: По правде, дорогая, они говорили, что он отзывался о тебе с крайне развязной фамильярностью. Меня это очень взволновало, но не в том смысле, о каком думал Отец. Далее он повел речь о том, что, по их со старым мистером Клоудиром общему мнению, в деле о брачном союзе между мной и его старшим сыном лучше всего будет елико возможно поторопиться, так как Питер поймет, что я для него недоступна, только когда я стану женой его Брата. Тут, однако, случилось нечто необычное.

Вошла служанка с письмом, которое, по ее словам, принес к дверям какой-то швейцар. Папа удивился: Э, да тут печать Момпессонов. Я узнала герб, четыре краба по углам квадрата, один в центре и девиз: Chancerata Periat Rosa. Папа сломал печать и принялся за чтение. Увидев, как он покраснел, я спросила, нет ли там плохих новостей. Сначала он меня не понял, а потом сказал: Плохие новости? Наоборот. В жизни не получал таких хороших. Лучше не бывает. На новые вопросы он отвечать отказался, ушел в Библиотеку и не выходил оттуда, пока я не удалилась к себе. На следующее утро, спустившись к завтраку, я застала его уже там, в превосходном настроении, разве что по лицу было видно, что он, наверное, всю ночь не спал. Идти в суд он не готовился, и я спросила почему. Он ответил, что его планы поменялись, он не пойдет с утра к адвокату, чтобы представить Кодацил в Суд, – спешить нет нужды. Меня удивило, как он говорит о документе, за которым так долго охотился и ради которого глубоко погряз в долгах. Потом он назвал меня Молли, что случалось только

в минуты самой большой нежности. Если не хочешь замуж за мистера Дэниела Клоудира, можешь не выходить. Тебе светит лучшая партия, чем какой-то Клоудир. Я не осмелилась сказать, что лучшая партия, чем Клоудир, мне не нужна, если только выбор оставят за мной. Вечером зашел старый Клоудир, узнать, как идут дела в Суде. Папа рассказал мне потом, как он бесился, когда слышал, что дела не сдвинулись. А кроме того, что Папа больше не намерен выдать свою дочь за его старшего сына.

Глава 62

Мелторн, 23 июля

Ох, Джонни, мне так страшно! Тот же самый человек! Уверена, это был он. Длинный – великанище! – и черная прядь. И бледное лицо. Не иначе. Значит, я была права, они нас нашли. Мистер Барбеллион работает на них, чего я и опасалась. Мы погибли. Нужно бежать. Что с нами будет, не представляю. Особенно теперь, когда не сбылись мои надежды и сэр Персевал отказал в помощи. Они так дурно с нами обошлись. Пригрозить, что расскажут тебе о твоём отце! Какая жестокость!

Но ты пока не поймешь. Прошло три недели, мистер Клоудир все больше злился на Папу. Он являлся чуть ли не каждый день, под конец Папа распорядился его не пускать, и он ушел прочь в ярости. Как-то утром, когда я сидела за работой в передней гостиной, вошла служанка и сообщила, что меня желает видеть мистер Питер Клоудир. Сначала я решила, что она спутала имя, но она стояла на своем. В самом деле, в гостиную вошел Питер, в таком виде, что я до полусмерти испугалась. Бледный как полотно, небритый, щеки ввалились, глаза огромные, неестественно блестят. Одежда грязная, в беспорядке. Я предложила ему стул напротив. Сначала он только хватал ртом воздух, потом выдал из себя: Мисс Хаффам, я должен извиниться за свой вид. Объяснять нет времени, мне нужно бежать. Я вскрикнула, и он добавил: Меня держали взаперти в доме Отца. Но я подкупил слугу, чтобы он меня выпустил. Отец хочет, чтобы меня объявили душевнобольным. Голова у меня шла кругом. Когда его Отец уверял, что Питер сумасшедший, я ни минуты не сомневалась в его нормальности, но то, как он выглядел теперь... Он продолжал: Но хватит об этом, нет времени. Я пришел предупредить вас и вашего Отца – против вас готовится заговор. Они говорили мне, что вы должны выйти за моего Брата. Предупреждаю: если вы это сделаете, они с моим Отцом намерены вас убить. Я отвернулась, чтобы скрыть выступившие в глазах слезы. Выходит, его Отец сказал правду! Питер сумасшедший. Он встал и произнес: А теперь мне пора, пока меня не схватили. Похоже, я видел на улице Агента моего Отца и он следовал за мной до вашего дома. Я спросила, куда он направляется и на чью помощь рассчитывает. Он ответил: Лондон большой город, в нем можно спрятаться даже от моей Семьи с ее присными. Мне очень хотелось предложить, чтобы он остался, но как я могла? Увидев и услышав Питера, мой Папа непременно вернул бы его семье. Не исключено, что так даже было бы для него лучше. По пути к двери он остановился: Чуть не забыл! Еще кое-что... Не говорите никому из моей семьи название прихода, где венчались родители вашего Отца. Постаравшись не выдать свое удивление и испуг, я торжественно заверила, что последую его совету, и мы обменялись рукопожатием. Я просила его приходить, если нужна будет помощь, он поблагодарил и вышел. Я смотрела ему вслед. Когда Питер скрылся, из подворотни напротив вышел очень высокий мужчина и последовал за ним. Джонни, этого самого человека ты сегодня описал! Это тот, кто пытался тебя похитить! Точно он!

Думая о Питере, я не знала, чего хотеть. Быть может, размышляла я, чем ему скитаться одиноким безумцем по большому городу, пусть бы он лучше попал в руки Агентов его Семьи. Я вернулась в гостиную. После долгих размышлений я решила не говорить Папе о том, что здесь был Питер.

Глава 63

Лондон, 22 сентября

Столько всего произошло со времени последней записи. Ты, наверное, прав насчет Джемаймы. Она меня терпеть не может. Как она язвила меня, заведя разговор о твоём отце. Знаю, я с ней плохо поступила. Но гадко было с ее стороны упоминать о той ночи, о при-
скорбных обстоятельствах Питера и так далее. Я бы не пошла к ней, но понадеялась, что ей

что-нибудь известно, ведь раз я вернулась в Лондон, то мне захотелось узнать, но ей, похоже, ничего не известно. (Наверное, обратиться некуда, кроме как к одному человеку. Не хочется об этом и думать, но, наверное, пойти придется.) Написала о тех временах, и они словно бы ожили перед глазами. Папа думал, что она стакнулась со старым мистером Клоудиром, но я не могу в это поверить. Как было досадно, что нельзя все тебе объяснить, но ты был слишком мал и не понял бы – то есть, я хочу сказать, ты слишком мал и не поймешь. Когда это попадет тебе в руки, ты будешь уже достаточно большим. Надеюсь, ты не станешь слишком строго судить твою бедную Маму. Теперь ты понимаешь, почему она нас не любит. Ты как в воду смотрел! Так больно было возвращаться в Лондон. В карете я видела, как ты радуешься, а на меня нахлынуло прошлое со всеми бедами. Для тебя все было таким новым, а для меня таким мучительным. Оказаться на Пиккадилли, у отеля «Голден-Кросс», совсем рядом с папиным старым домом. Я знала, что ты ничего не знаешь. Я решила, что нам надо уехать, еще тогда, когда тебя пытались похитить и похититель оказался тем давним Агентом мистера Клоудира и его сына. Но в августе, после вторичного прихода мистера Барбеллиона, стало ясно, что уезжать надо немедленно. Нам нужно было заново от них спрятаться. Уж не знаю, как они нас нашли, но грабитель, который много лет назад вломился к нам в дом, точно был от них. Лондон очень для нас опасен. И в то же время нет лучше места, чтобы спрятаться.

Теперь я должна вернуться к тому вечеру, когда приходил Питер. После обеда мы с Отцом пили чай в передней гостиной, и тут служанка доложила, что у дверей ждет старый мистер Клоудир. Папа велел сказать, что он дома, я тоже решила остаться, вдруг услышу новости о Питере. Он вошел и сел с нами пить чай, мило болтая о погоде, о том, как шел по столице и видел столько перемен по сравнению с временами своего детства; через Сохо и Сент-Джеймс, мол, проложена большая новая улица, сооружен мост Стрэнд-Бридж. И как он, совсем еще юношей, вместе со своим Отцом побывал в этом доме в гостях у моего Дедушки (ему он приходился дядей). Потом он пустился в воспоминания о моем деде, которого Папа не помнил, так как в день его смерти был еще младенцем. Внезапно мистер Клоудир сказал Папе: Как вам, наверное, говорили, бракосочетание ваших Отца и матери породило немало неприятностей, поскольку они бежали и обвенчались тайно. Было ли установлено, где это произошло? Тот самый вопрос, по поводу которого меня предостерегал Питер! Выходит, я была не права насчет него! Я потихоньку этому порадовалась, но внезапно вспомнила его слова, что, если его Отцу станет известен ответ, мы окажемся в опасности. Папа говорил: Это странная история, но до меня, конечно, дошли только отголоски. Вы, несомненно, знаете, что мой дедушка решительно возражал против этого союза. Что я могла сделать? Можно было бы притвориться, что мне стало дурно. Старый джентльмен, по-моему, заметил мои страдания; ловя на себе его взгляд, я боялась выдать, что Питер меня предостерег. А Папа продолжал: Семейство моей матушки, Амфревиллы, были мелкие землевладельцы, дела у них шли совсем плохо, и Дедушка считал, что они недостойны его сына. Папа излагал историю, я слушала в мучительном волнении. Но под конец он все же сказал, что не знает ответа на вопрос мистера Клоудира. Взгляд старого джентльмена выразил крайнюю досаду, а также недоверие.

Когда он ушел, я рассказала Папе о приходе Питера и о его совете держать язык за зубами. Папа нахмурился: Значит, положение еще хуже, чем я опасался. Старый Клоудир задумал оспорить наши права на наследство Хаффамов, так что, как только Кодацил будет принят Судом, Поместье немедленно перейдет в его руки. Видишь ли, брак моих родителей всегда оставался окутан тайной, поэтому те, кто желал бы отнять у нас наследство, заявляли, будто он не имел места. Старый Клоудир хочет не просто найти эту запись, ему нужно уничтожить все документы, имеющие отношение к их браку. Как я понимаю, он пересмотрел все приходские метрические книги в Лондоне и вокруг Хафема, но ничего не нашел, и, поскольку свидетелей, должно быть, давно нет в живых, дока-

затем таким образом ничего не возможно. Убедившись, что слова Питера не были словами сумасшедшего, я рассказала Папе о том, что Клоудир собиравшиеся меня убить. Это он тоже выслушал очень серьезно и поведал о слухах (переданных ему Мартином), что старый мистер Клоудир отравил свою первую жену, чтобы вступить в брак с богатой вдовой, которая потом тоже умерла. Он сказал: Не то чтобы я этому верил, но такие слухи говорят о том, какого люди о нем мнения. Твоя смерть в его интересах, поскольку, вспомни, мы с тобой должны умереть, не оставив наследников, пока жив старый Клоудир. (Как раз то же самое говорил мне мистер Эскрит!) Поэтому я думаю, что, представив в Суд Кодацил, я подвергну наши жизни серьезной опасности со стороны Клоудиров. Вот я и не намерен это делать. Пусть остается, где есть. Папа коснулся футляра на часовой цепочке. Кроме того, может, он мне и не понадобится. Помнишь, около месяца назад мне пришло письмо с печатью Момпессонов? Кое-кто из их домочадцев обещал добыть документ, в свете которого значение Кодацила сведется к нулю. Я стала его расспрашивать, но он замолчал.

Прошла неделя, поздним вечером я сидела в передней гостиной и читала. Внезапно от окна донесся легкий стук, словно ветки на ветру бились о стекло. Но только за окном ничего не росло. Я взяла свечу и подошла к окну, чтобы откинуть занавеску. Из темноты на меня глянуло дикими глазами чье-то бледное лицо. Я глухо вскрикнула и готова была позвонить в колокольчик, но тут узнала Питера. Несмотря на его безумный вид, я без колебаний пошла отпереть дверь, ведь все его прежние слова оказались правдой. Я вышла в холл, как можно тише отперла дверь вестибюля, ключ от которой (могу сказать) всегда оставался в замочной скважине, потом повернула громадный ключ в замке уличной двери и отодвинула тяжелые засовы. Он вошел и наскоро объяснил, что в последний раз его выслеживал тот высокий человек, которого заметила и я – тот самый, Джонни, которого ты видел в Мелторпе! Этот человек его поймал и отвел в дом Брата, где его заперли. Питер сказал: Чтобы я не сбежал снова, к двери приставили слугу. Потом послали за знакомым отцом, который содержит частный дом для умалишенных, и научили его выхлопотать поручение Канцлерской Комиссии по делам умалишенных, чтобы она меня освидетельствовала и, если я буду найден безумным, лишила всех Прав и отдала во власть моей Семьи. Сегодня эта Комиссия меня осмотрела. Подозреваю, что они подкуплены и вынесут вердикт против меня, поэтому решил не дожидаться его, а бежать. Питер заранее подготовил путь бегства через окно и сумел выбраться на свободу. Он продолжил: Но, может, я в самом деле сумасшедший. Я начал сомневаться в себе. А как вы думаете, мисс Хаффам? Речь его, конечно, была очень торопливой и взволнованной, однако мне было совершенно ясно, что он не безумец, и я его в этом уверила. Я сказала, что его приход за помощью в дом моего Отца очень меня радует; он вначале настаивал, что явился только попрощаться, перед тем как покинет Англию, но я уговорила его подождать, пока я позову Папу. Он благодарен Питеру, сказала я, за его предостережение, и оба мы понимаем: его в тот раз схватили как раз потому, что он пришел нас предупредить. Я позвонила в колокольчик и распорядилась, чтобы позвали Отца. К моему восторгу, при виде Питера он расплылся в улыбке и обнял его. Дорогой мой мальчик, как же я вам благодарен. Вы поступили честно и великодушно, предупредив нас о планах вашего Отца. Папа настоял на том, чтобы Питер поселился у нас на правах гостя. Потом позвал мистера Эскрита, чтобы спросить его юридического совета. Они пришли к заключению, что Питеру в нашем доме ничто не грозит, даже если Комиссия решит не в его пользу. Папа собрал слуг и попросил их молчать.

В ближайшие дни Питер никуда не выходил, и правильно делал, так как мы заметили, что у дома днем и ночью маячат посторонние, в том числе уже знакомый мне долговязый субъект. Папа по уши ушел в какие-то таинственные дела с мистером Эскритом; я догадывалась, что они связаны с письмом, на котором стоял герб Момпессонов. По этой причине мы с Питером много времени проводили вместе и вскоре убедились, что наши чувства

друг к другу остались прежними. Жестоким ударом для нас стал выпуск судебного приказа о признании Питера умалишенным. Питером со временем овладела меланхолия: он не видел выхода из своего положения и стыдился того, что живет из милости у посторонних, по существу, людей, хотя и родственников. Он заявил, что в данных обстоятельствах – признанный сумасшедшим, без гроша за душой и без возможности найти себе занятие – не имеет права питать ко мне нежные чувства. Но под конец он преодолел свои моральные сомнения и попросил моей руки, и я, конечно, ответила согласием. Вопрос заключался в том, как эту новость примет Папа. Вообрази же себе нашу радость, когда мы услышали, что он в восторге и все получилось так, как он и надеялся. Я заплакала от счастья и кинулась в его объятия. Я знаю, Папа любил Питера и считал, что тот хорошо поступил по отношению к нам. Так что, видишь, Джонни, они с моим отцом друг друга очень любили и уважали. Никогда в этом не сомневалась.

К нашему удивлению, папа сказал: Свадьба должна состояться как можно скорее. О предварительном оглашении, Питер, нечего и думать, а то тебя найдет твой отец. Имея судебный приказ против тебя, он может предотвратить ваш брак, но если церемония состоится, ему до тебя уже не добраться. Помимо прочих соображений, он захочет помешать бракосочетанию хотя бы потому, что ваши дети закроют ему путь к наследству. Он призвал мистера Эскрита, и тот объяснил, что все, в чем мы нуждаемся, это специальная лицензия от Докторз-Коммонз с указанием церкви. Папа сказал: Все будет в порядке. Мы с Питером заулыбались. Свадьба пройдет в тесном кругу. Я, как отец невесты, конечно, буду присутствовать. Шафером будет мистер Эскрит, свидетелей найдем в церкви. Даже наша прислуга не будет знать. Вот что! Скажем им просто, чтобы приготовили в этот день званный обед, а по какому случаю праздник, объявим, когда вернемся из церкви. Тут Папа меня удивил: Я приглашу на обед Мартина с его невестой. А какое событие мы празднуем, они узнают на месте. Он держался очень загадочно, и я не знала, что думать о его намерении возобновить старую дружбу. Пригласить на мою свадьбу Мартина с молодой женой! На следующей неделе я несколько раз заставала Отца беседующим с мистером Эскритом и Питером, и при моем появлении все трое с виноватым видом замолкали. Я беспокоилась, так как знала из опыта, что в делах, связанных с Процессом, Отцу может запросто изменить благоразумие. Все шло, как было задумано, приглашение было послано, Мартин его принял. В условиях строжайшей тайны явился художник-миниатюрист, чтобы сделать наши портреты для медальона, который я тебе показывала.

Наступил день, который должен был стать счастливейшим в моей жизни, – 5 мая. Погода стояла прекрасная, церемония прошла замечательно. Пополудни мы вернулись в отцовский дом на свадебный завтрак. Папа объявил слугам новость, они очень обрадовались, особенно когда услышали, что, подав обед, на остаток вечера могут быть свободны. Тут Папа сказал, что намерен передать Питеру одну важную вещь, чтобы он хранил ее для меня. Речь шла о Кодациле, который он поместил в серебряную шкатулку для писем – ту самую, что у нас когда-то украли. По его требованию я пообещала свято беречь документ и использовать его в интересах моих наследников. Туда же он вложил письмо, в котором, как он сказал, объяснялись юридические вопросы. Вечером прибыли Мартин и миссис Фортисквинс и услышали новость о свадьбе. Я не осмеливалась поднять глаза, но говорили они то, что полагается в таких случаях; потом, правда, я поймала на себе странный взгляд Джеймаймы. В целом обстоятельства были не совсем ловкие, но за обед мы сели в довольно хорошем настроении. Тем не менее даже в этот день разговор, как всегда, свернул к Процессу – Мартин завел речь о Момпессонах: Позавчера я побывал на Брук-стрит и застал там полнейший кавардак. Почему, я тебе расскажу, если сам правильно понял. Но кстати, Джон, я принес тебе... Папа довольно резко его оборвал, и меня поразило, что он вообще способен остановить начавшийся разговор о Процессе. Ладно, дружище. В такой день давай не гово-

ритель о Делах. Мартин явно удивился, но промолчал, хотя в ходе дальнейшей беседы я заметила, что его жена не сводит глаз с него и Папы. Когда подошло время десерта, Отец позвал горничных и кухарку и дал им четыре бутылки вина, две шампанского и две мадеры, чтобы они выпили за невесту и жениха. Он сказал, что на весь вечер их отпускает. Они пришли в восторг и поспешили исполнить его распоряжение. Мы пили вино, закусывали орехами и фруктами, и тут между Отцом и Питером вспыхнула ссора. Произошло это так внезапно, что причины я не поняла. Меня поразило то, что ни он, ни Папа ни разу на меня не взглянули.

Повод невольно подал мистер Эскрит. А началось все с вопроса Мартина к Питеру: Чем вы подумываете заняться в будущем, мистер Клоудир? Тот ответил: Единственное, в чем я разбираюсь, это книги. Так что надеюсь сделаться независимым книгопродавцем. Мистер Эскрит заметил, что для этого требуются деньги, и Питер сказал: Да, и мистер Хаффам великодушно обещал дать мне Заем. Мистер Эскрит, удивленно подняв брови, обратился к Папе: Но ведь требуемая сумма, мистер Джон, превышает ваши нынешние возможности? Папа ответил, обращаясь к Питеру: Твой уважаемый родитель предоставил мне Заем на таких грабительских условиях, что я остался гол как сокол. Тем не менее сотню или две я выделить смогу. Питер нахмурился, но тут вмешался мистер Эскрит: Это щедро, мистер Джон, очень щедро. Думаю, если бы не это замечание, Питер бы смолчал, но, к несчастью, разговор продолжился: Может, это и щедро, однако боюсь, мистер Хаффам, что пара сотен, и даже вдвое большая сумма, не обеспечит мне того объема торговли, который требуется, чтобы содержать вашу дочь так, как вы, вероятно, того желаете. Папа крикнул: В самом деле? И сколько, по-твоему, я могу от себя оторвать? Сколько, ты думаешь, у меня осталось денег, после того как твоя семейка обобрала меня до нитки? Желаете от меня денег, так добейся, чтобы твой папаша вымогатель не драл с меня семь шкур за Заем. Питер отозвался очень спокойным голосом: Должен попросить вас, сэр, не говорить в подобном тоне о моем отце. Он плохо поступил со мной, но вам, как я понимаю, не сделал никакого зла. Стукнув кулаком по столу, Папа проревел: Что? Ты, сидя за моим столом, берешь под защиту этого чертова мерзавца, Сайласа Клоудира? Мартин и мистер Эскрит запротестовали, но на губах миссис Фортисквинс мелькнула слабая улыбка, словно она втайне радовалась происходящему. Питер сказал: Вам не следовало одалживать у него деньги. Папа, грозный как туча, поднялся на ноги: Вот вам мораль торговца! Пользуясь затруднительным положением клиента, вытребовать грабительские условия, а потом поздравлять себя с тем, что хитро обстригал дельце. И вот вам, мой собственный зять, сидя за моим столом, защищает эту мораль. И одновременно просит дать ему денег, чтобы и он, в свою очередь, мог залезать в карманы других порядочных людей. Что ж, молодой человек, могу вам сказать одно: если вы в самом деле ждете, что я снабжу вас капиталом, то ваши Отец и Брат правы, объявляя вас сумасшедшим. Он замолк, глядя на Питера. Через мгновение Питер тоже встал. Он по-прежнему не глядел в мою сторону и держался очень странно. Казалось, ему стыдно за то, что он собирается произнести. Слово не воробей, прошу вас думать о том, что говорите. – Думать о том, что говорю? Я уже не подумал о том, что делаю! Выдать дочь за торговца, чьи предки сплошь акулы-ростовщики, за... за... короче, за одного из Клоудиров – не думаю, что в английском языке найдется другое слово, способное вместить все мое презрение. Тут я, поднявшись на ноги, вскричала: Отец, что ты говоришь? Он даже не взглянул в мою сторону. И тут заговорил Питер: Сэр, если вы не возьмете сказанное обратно, мы с женой не сможем дольше оставаться под вашей крышей. – Не возьму обратно ни звука. – Тогда мы должны удалиться. Идем, Мэри, вставай и собирайся. – Даже и теперь он на меня не взглянул. Я плакала, просила Отца отказаться от своих слов, умоляла Питера не уводить меня из дома. Мартин и мистер Эскрит меня поддержали, но Папу и Питера было не уговорить. Питер спросил вполголоса, есть ли у меня деньги, потому что у него нет ни гроша. Я сказала, что у меня есть тридцать фунтов,

и он попросил мистера Эскрита заказать наемную карету. Я пошла наверх за деньгами, побросала в сундучок кое-какую одежду. Прежде мне не приходилось ночевать вне дома, и я понятия не имела, что брать с собой. Надев дорожное платье, я спустилась. Когда прибыл извозчик, я рыдая попрощалась с Папой и гостями, и мы сели в карету. Карета отъехала от дверей отцовского дома – так началась моя замужняя жизнь. Питер распорядился везти нас в «Голову сарацина» на Сноу-Хилл. Сидя с ним рядом, я думала о том, бывало ли когда-нибудь, чтобы первая брачная ночь началась со столь неблагоприятных предзнаменований. Питер казался мне совершенно незнакомым человеком. В гостинице он снял комнату, где я ждала, пока он с кучером сгружал наши сундуки. Вскоре он вернулся и сказал, что должен пойти и заказать нам места в ночной карете в направлении Питерборо (по пути к Сполдингу), которая должна отправиться через час с небольшим. Я удивилась и спросила, зачем нам в Сполдинг. Разве у нас есть там друзья? И зачем пускаться в дорогу на ночь глядя? Он ответил: Пожалуйста, не спрашивай. Из сумки он извлек малиновый редингот, которого я никогда прежде не видела. Снял зеленый редингот, в котором приехал, и быстро вышел. Я ждала, его не было. Наконец он вернулся. Отсутствовал он, я уверена, не больше сорока минут. Ну сорок пять. Входя в комнату, он улыбался. (Могу поклясться.) Когда он подошел, я заметила у него на руках кровь. Я в испуге отшатнулась. Он посмотрел на свои руки: Да, я порезался. Но не волнуйся, это все лишь царапина. Он смыл кровь над умывальником и повернулся ко мне – я заметила, что у него порван рукав. Когда я ему на это указала, он улыбнулся: Придет время, я все тебе расскажу. Это очень длинная история. Вскоре мы сели в карету и пустились в путь по темным улицам. Питер сидел молча, но когда мы проехали Излингтон, внезапно рассмеялся. Это было страшнее всего, а чего я боялась, ты, уж конечно, понимаешь сам. Но при других пассажирах я не могла заговорить о том, что меня волновало, и мы и дальше ехали молча.

Тем не менее в три часа пополудни, когда мы добрались до ближайшей к Лондону станции, гостиницы «Синий дракон» в Хартфорде, Питер сказал с прежней веселой улыбкой: Здесь мы остановимся. Ты слишком измучена, чтобы ехать дальше, да и нужды нет. Сжав мою руку, он добавил: Как только мы останемся одни, я объясню все, что сегодня произошло. Мы вышли из кареты, он снял комнату и что-то заказал на ужин. Когда принесли еду и мы сели за стол, он начал: Дорогая моя девочка, как же ты, наверное, испугана. Представляю себе, о чем ты думаешь – что вышла, в конце концов, за сумасшедшего. И Отец твой тоже недалеко от него ушел. Но позволь, я все объясню и успокою тебя. То, что ты видела сегодня, было представлением. Я спросила, что он этим хочет сказать, и он объяснил: Это была игра, спектакль, розыгрыш. Мы с твоим Отцом ссорились не по-настоящему. Все это было подготовлено заранее. Джонни, я не знала, что подумать. Он сказал: Заметила, как плохо я сыграл свою роль? А вот твой Отец так вошел в образ, что я думал, не злится ли он на самом деле. Его бы сам Кембл не переиграл. Я не осмеливался даже взглянуть в твою сторону, чтобы не сбиться. Я была поражена, сомнения начали отступать. Питер уверил меня, что все Папины обидные грубости были придуманы заранее. Я спросила, зачем они с Папой устроили это спектакль, и он ответил, что они не верили в мою способность кого-либо обмануть. Целью было ввести в заблуждение мистера и миссис Фортисквинс, внушить им, что между Папой и нами порваны отношения. Это был единственный способ обезопасить нас и наших будущих детей. Он сказал: Какие там ссоры из-за денег, вот, смотри, твой Отец дал мне двести фунтов. Он вынул толстую связку банкнот, и тут я ему поверила. Час был уже совсем поздний, а вернее ранний, мы оба очень устали. Все как будто успокоилось, но позднее Питер вернулся к тому же разговору. Из кармана малинового редингота он вынул сверток в бурой бумаге и сказал: Вот предмет, который все объяснит. Это за ним я ездил обратно в дом твоего Отца, пока ты остава-

лась в «Голове сарацина». Питер возвращался в дом Отца? Меня это удивило, голова у меня опять пошла кругом.

Я спросила, что это, но Питер сказал, что вскрыет сверток после завтрака и все мне объяснит. Я просила вскрыть сверток немедленно. Я настаивала, время уже было к рассвету. Мы поспорили, но потом Питер все же сломал печать, вынул замшевую обертку и начал извлекать какой-то предмет. Ага, вот! Тут он с криком уронил предмет на пол. Это была толстая связка банкнот, заляпанная чем-то темным и липким. Руки у Питера были красные, глаза смотрели с ужасом. Что такое? Как это сюда попало? Он подобрал упаковку и, держа ее на вытянутых руках, осторожно заглянул внутрь. Его тут нет! Я умоляла сказать, о чем это он, но Питер не говорил. Он твердил, что ему надо немедленно вернуться в дом к Отцу, а я должна оставаться в гостинице. Я стала возражать, а он сказал: Тебе здесь ничто не грозит, потому что никто не знает, где ты. Если ты вернешься со мною вместе, все наше бегство потеряет смысл. Он позвонил официанту и распорядился немедля заказать почтовую карету в Лондон. Потом он открыл серебряную шкатулку для писем и показал мне письмо, а под ним Кодацил (вот откуда взялись пятна крови на письме), и дал мне его со словами: Помни, если Кодацил попадет в руки моего Отца, тебе и твоему Отцу будет грозить опасность. Он оставил мне большую часть из 200 фунтов, полученных, как он сказал, от моего Папы, но отделил банкноты, запятнанные... Откуда бы они ни происходили, они мне не принадлежат, и я должен их вернуть. Потом он вымыл руки, обнял меня и вышел. Вскоре я услышала стук колес и выглянула из окна гостиной. Из двора под арку направилась почтовая карета, выехала на улицу и, к моему облегчению (я боялась сама не знала чего), повернула назад по лондонской дороге.

Глава 64

Кондьюит-стрит, 37, 24 сентября

То, что она сказала, очень меня расстроило и навело на ужасные мысли. Нужно было пойти повидать его. Жутко было снова увидеть это место. Подробней не скажу, а то как бы ты его не нашел. Дом стоял где и прежде, ничуть не изменившийся, разве что еще больше обветшал. Я позвонила в колокольчик и подождала ответа, позвонила еще раз, другой, третий – и только тут поняла, что звонок не работает. Я стала стучать. Наконец кто-то подошел к двери, чуть ее приоткрыл и выглянул. Я назвала себя, наступило долгое молчание. Но вот дверь отворилась – Джонни, это был он! В точности такой же, как в последний раз. Я спросила, один он живет или не один. Он ответил: Кто станет со мной жить? Раз в день приходит одна старушка делать уборку, если не напьется. Я спросила, можно ли войти, он сперва не двинулся, но потом распахнул дверь шире. В холле было холодно и темно, и так грязно, словно там годами не убирали. Он последовал за мной со словами: Почему ты пришла теперь, когда столько лет не приходила и не писала? Казалось, он вот-вот заплачет. Я не могла выдавить из себя ни слова. Вспомнилось, как часто он брал меня на колени, когда я была маленькой. Но тут я заглянула в заднюю приемную: сабля и алебарда висели крест-накрест на прежнем месте. Он перехватил мой взгляд и пояснил: Мне нравится, чтобы все вещи находились там, где им положено.

Он пригласил: Пойдем в сервизную. Там разведен огонь. В ту самую комнату, подумай, Джонни! Я отказалась. Он повел меня в переднюю гостиную. Окна там были закрыты ставнями, рваные, траченые молью занавески задернуты. Мы сели, он предложил мне вина, я кивнула, но, когда он налил, не смогла отпить ни капли. Он сказал: Все эти годы я гадал, что с тобой случилось, не знал даже, жива ты или нет. Фортисквинс ничего мне не говорил. Ничего. Он всегда плохо ко мне относился. Уж не знаю почему. Может, из-за каких-то наговоров. Или ревновал, потому что твой отец был ко мне привязан. Это была его месть, настроить тебя против меня, лишить меня твоего доброго отношения. Что он тебе наговорил? Какие басни вложил в голову? Я пыталась сказать, что ничего, но он про-

должил: Не иначе как ты теперь плохо обо мне думаешь. А ведь, вспомни, вся моя трудовая жизнь прошла на службе вашему Семейству. Почти семь десятков лет. И внезапно, когда твой Отец, которого я любил, как сына, когда он... обнаружить, что тебя отодвинул в сторону... О, мисс Мэри, это было нехорошо. Меня так давно никто не звал «мисс Мэри», и, услышав это, я заплакала. Он взял меня за руку и ласковым-преласковым голосом попросил поведать все, что со мною было. Я рассказала кое-что, и он восторженно: Ты родила ребенка? Наследника Хаффамов? Мне это нужно знать. Мне вспомнилось, как Мартин настаивал на том, чтобы сохранять твоё рождение в тайне. Я спросила, зачем это ему, и он снова рассердился, сказал, что я ему не доверяю. Крикнул: Я всю жизнь посвятил вашему Семейству. Всем пожертвовал, чуть ли не душой. Мне его слова показались странными. Я вставила, что знаю, сколь многим мое Семейство ему обязано, но он сказал, что нет, не знаю. И ни одна живая душа не знает. Известно ли тебе, что я заботился о твоём прадеде Джеффри Хаффаме, когда он лежал на смертном одре? Служил по мере сил твоему бедному, несчастному деду? И ты спрашиваешь, почему мне не безразлично, что делается с вашим родом, продлится ли он? Я обещала, что он узнает то, чем интересуется, если расскажет, что произошло в ночь, когда мы в последний раз виделись. Он сказал: Так вот, что тебя сюда привело. Ты не раскаялась в своем не внимании, а чего-то от меня хочешь. Я не могла это отрицать. Я ответил на вопросы при дознании и перед Большим Жюри. Фортисквинс наверняка тебе говорил. Что я могу сейчас к этому добавить? Я повторила слова Питера о розыгрыше. Было ли это правдой? Он долго молчал. Я отвечаю, если ты скажешь, родился ли у тебя ребенок? Я призналась, что родился. Это было очень странно. Он отвел взгляд и скрючился – то ли от горя, то ли от радости, не знаю. Когда он снова посмотрел на меня, его глаза были полны слез. Значит, у заповедных владений по-прежнему есть наследники. Но ты сказала только, что родила ребенка. Скажи, он жив сейчас? Это мальчик или девочка? Я сказала, что дам ответ только в обмен на обещанные сведения. И он сказал: Ссора была розыгрышем.

Тогда я попросила рассказать: какова была цель розыгрыша? Почему он не упомянул об этом на дознании? И следует ли из этого, что Питер невиновен? Он отказался отвечать, пока не узнает, жив ли мой ребенок. Я сказала, пусть сначала ответит. Рассердившись, он встал и шагнул ко мне, и я так испугалась, Джонни. Он такой большой и чудной на вид. И от него потянуло бренди. Зачем ты пришла на самом деле? Ты ведь за все эти годы ни разу обо мне не вспомнила? А теперь являешься с этими обвинениями. Я вскочила со стула и пошла к дверям. Заверила, что хотела ему написать, но мистер Фортисквинс мне не позволил. Он сказал: Он тебя настроил против меня. Я пересекла холл и открыла дверь вестибюля. Он последовал за мною со словами: Мартин думал, что я обманывал твоего отца. Ты, наверное, с ним согласна. Но если ты полагаешь, что у меня есть деньги, то ты ошибаешься. У меня ничего нет. Ничего, кроме этого никудашного дома. Мне не посчастливилось. Чертовски не посчастливилось. Я выбралась на улицу и поспешила прочь. Не знаю, действительно ли он собирался на меня наброситься, но в одном я уверена: Джонни, тебе туда нельзя. Ни в коем случае! Думаю, он опасен, свихнулся за годы одиночества. Но, по крайней мере, я узнала одно: Питер говорил правду насчет ссоры. Больше мне ничего не известно, однако, во всяком случае, он не лгал.

Теперь я должна вернуться назад и досказать остальное. После отъезда Питера день тянулся бесконечно. Вокруг слышались шумы, кто-то прибывал, кто-то отбывал. Хлопали двери, в коридоре звучали шаги, но у моей двери никто не останавливался. Есть мне не хотелось. Поздним вечером в дверь постучалась горничная со свечами и грелкой и была удивлена, застав меня одну, в темноте. Как ты понимаешь, в ту ночь я почти не смыкала глаз. Утро для меня началось рано, серое и пасмурное. Миновал еще один томительный день. Сидя у окна, я следила за всеми и всем, что приближалось к гостинице; стоило под арку

въехать карете, как я начинала ловить шаги Питера, но их не было. Незадолго до полуночи, когда я уже собиралась ложиться, в дверь постучали и вошел Мартин. Он смерил меня долгим непонятным взглядом, а потом сказал, что произошло.

Я упала без памяти, Мартин позвал служанку, которая стояла под дверью. Она уложила меня в постель, послали за хирургом, чтобы он прописал мне снотворное. После двух-трех часов беспокойного сна я пробудилась, и Мартин рассказал остальное. Вчера, когда в дом вернулся Питер, его обыскали и нашли банкноты, запятнанные кровью. Было установлено, что это те самые банкноты, которые были выданы Папе. Питера арестовали и обвинили в убийстве. Мартин заверил, что, по его абсолютному убеждению, совершена ужасная ошибка. (О Джонни, что я могла сказать? Я ведь знала, что Питер возвращался в дом и обратно явился с кровью на руках.) На допросе Питер сначала отказался отвечать. Наконец Мартину удалось поговорить с ним наедине, и Питер сообщил, где я нахожусь, и попросил отправиться ко мне. Мартин промедлил, только чтобы дать показания, и сразу поехал сюда. Он изложил суть дела. Питеру он посоветовал молчать, на что тот имел полное право. Свидетели – он сам, его жена и мистер Эскрит ухитрились не упомянуть ссору, вызвавшую отъезд Питера. Слуги, к счастью, все время находились внизу и ничего не слышали. После того как мы с Питером уехали, миссис Фортисквинс удалилась наверх, чтобы приготовить чай, а трое джентльменов остались в столовой. Мартин передал Папе пакет, который был ему доверен, и Папа вышел с мистером Эскритом, чтобы поместить пакет в сейф в сервизной. Мартин сказал: Прошла минута-другая, мне, после давешних неприятностей, не хотелось сидеть за вином в одиночку, и я собрался подняться к своей жене, но тут вернулся Эскрит и предупредил, что они с твоим отцом еще немного задержатся и что твой Отец просит меня подождать, так как собирается обсудить со мной с глазу на глаз события этого вечера. Эскрит забыл закрыть за собой дверь, и вскоре я заметил, как мимо прошел, со стороны холла, посторонний. Я уверен, что это был не Питер: сложение то же, но редингот другой, ярко-красный. Я предположил, что это слуга, который без моего ведома оставался в доме. Через несколько мгновений та же фигура прошла обратно. Я задумался, кто это может быть, поскольку мне показалось странным, что я не знаю нового слугу. Кроме того, если это был слуга, почему он как будто не спустился в комнаты для слуг. Через минуту или две послышались крики. Я вбежал в Библиотеку – там было пусто. В сервизной меня ждало страшное зрелище. Твой Отец лежал ничком. Он был пронзен насквозь старой саблей, которая висит на стене задней приемной – рукоятка все еще торчала у него из спины. Эскрит лежал рядом, и вначале я принял его тоже за мертвого, потому что голова его была в крови. Сейф был открыт и опустошен. О чем я промолчал на следствии: Эскрит вскоре очнулся и сказал, будто это сделал Питер. Я возразил, что он, видно, ошибся, ведь Питера в доме уже не было, но старый джентльмен настаивал на том, что Питер вернулся. Когда слуги услышали об убийстве, началась паника от страха, что убийца еще в доме. Я обыскал дом сверху донизу и никого не нашел. Задняя дверь была закрыта, ключи от нее имелись только у кухарки и у мистера Эскрита. Я пошел в переднюю часть дома: дверь вестибюля была взломана, уличная дверь стояла отпертая и распахнутая. Убийца, наверное, вошел через нее. Каким-то образом он отпер замок, а потом пробил дыру в стекле и деревянной раме двери вестибюля. Я предположил, что, когда я видел его из столовой, он собирался выйти через заднюю дверь, но, поскольку она была закрыта, вернулся и покинул дом тем же путем, каким вошел. Все это мне пришло в голову позднее. А тогда я окликнул кого-то из прохожих и попросил вызвать караул, который вскоре прибыл. Но прежде я вернулся к Эскриту и сказал, что в доме никого не обнаружилось и что он, вероятно, ошибался, когда говорил, будто видел Питера. Он согласился и уверил, что не будет упоминать об этом в разговоре с властями. Так что явившемуся констеблю он сказал, что не видел, кто напал на него. Однако слуги пересказали констеблю его прежнее утверждение, и ему был задан об этом вопрос. Он ответил, что, обвиняя Питера, он сам не знал что говорит.

Эскрит настаивал на том, что его ударили сзади и нападавшего он не видел. К несчастью, коронер, обращаясь к жюри, предположил, что он лжет, дабы не поставить Питера под удар. Отыскали официанта на постоялом дворе, он подтвердил, что видел, как вы с Питером приехали и заказали места в ночной карете. Согласно его свидетельству, он проводил тебя в отдельную комнату; как уехал Питер, он не видел, но утверждать, что тот не уезжал, тоже не может. В результате дознания жюри согласилось с коронером и вынесло вердикт о том, что Питер совершил преднамеренное убийство. Его взяли под стражу. Теперь он должен был предстать перед Большим Жюри. Если бы они сочли доказательства достаточными и утвердили проект обвинительного акта, его дело поступило бы в суд. И вот еще что: когда его спросили, где находишься ты, он отказался ответить. Представь, какие страшные подозрения при этом возникли. Но впоследствии я переговорил с ним, он рассказал, где тебя найти, и настаивал на том, чтобы ты держалась подальше от Лондона. Больше всего он боялся, как бы Отец с Братом, чтобы вернуть себе власть над ним, не начали угрожать, что причинят тебе вред. Мартин все время повторял, что это ужасная ошибка и Питер не виноват. Но он не знал того, что знала я. Он указал, что единственной уликой против Питера были банкноты, но Папа вполне мог отдать их ему без ведома мистера Эскрита. И, если убрать мотив ограбления, других мотивов для убийства не остается, ведь о ссоре никто не упоминал. Не было также и свидетелей, которые бы подтвердили, что Питер возвращался в дом. Мартин был уверен, что тот, кого он видел в коридоре, был не Питер. Кроме этого, была еще всего одна улика: убийца как-то исхитрился не сломать переднюю дверь, а открыть ее, и это указывало на кого-то, кто имел возможность сделать копию ключа. Но такая возможность была не только у Питера, но у всех других домочадцев. Напротив, факт, что дверь вестибюля была взломана, говорил в пользу Питера, потому что он мог бы сделать себе копию и этого ключа. Возникало предположение, что убийца был посторонний, который вскрыл замок отмычкой, а может, дверь почему-то была не заперта и он воспользовался случаем. Мартин спросил, смогу ли я свидетельствовать в пользу Питера – сказать, например, что он все время оставался со мной в гостинице. Что я могла сделать? Я промолчала, он удивленно поднял брови и сказал, что в таком случае мне следует не мешаться в дело и оставаться на месте, пока он не вернется и не сообщит результаты слушания в Большом Жюри.

Как дальше тянулось время, не хочу вспоминать; прошла, наверное, неделя. Наконец Мартин вернулся. Он рассказал, что вмешались Отец и Брат Питера и старый мистер Клоудир воспользовался своей властью как опекуна душевнобольного, чтобы назначить Питеру адвоката, и назначил не кого иного, как мистера Дэниела Клоудира! Этот джентльмен тут же запретил всем – в том числе и Мартину – общаться с Питером. Мартин сказал, что и он сам, и все остальные свидетели повторили Большому Жюри показания, данные прежде, только мистер Эскрит, под давлением Дэниела Клоудира, был вынужден признать, что мы с Питером уехали из-за того, что они с Папой жестоко повздорились. Мистер Дэниел Клоудир упорно добивался этого признания, так как строил защиту на том, что Питер душевнобольной, и делал упор на его странном поведении в тот вечер, однако Мартин был очень зол и повторял, что, если бы не всплыла на поверхность ссора, у Питера были бы неплохие шансы. Теперь же все обернулось против него. Сам заключенный не имел, конечно, права давать показания, но Судья задал ему несколько вопросов. Питер не переставал повторять, что не желает, чтобы его интересы представлял Брат, что Отец, назначив его, злоупотребил своими полномочиями, что Отец и Брат хотят его смерти на виселице, так как ему известно об их противозаконных поступках. Это произвело очень неблагоприятное впечатление на Жюри. И когда Судья предложил ему объяснить, почему он поссорился с Тестем, Питер рассказал из ряда вон выходящую Историю: это, мол, была не настоящая ссора, а розыгрыш, который они задумали совместно с мистером Эскритом. По его словам, никаких разногласий из-за денег не было и Папа сам дал ему часть банкнот, которые были при нем найдены, а потом,

незнамо откуда, в его карман попали другие, запятнанные кровью, и он возвратился в Лондон – узнать, что произошло, и вернуть деньги. Мистер Эскрит на повторном допросе заявил, что ничего не знал о предполагаемом денежном подарке Питеру, хотя, как Папин доверенный Агент, имел сведения обо всех его финансовых операциях. По поводу Истории, что ссора была разыграна по предварительному сговору, он, мол, только желал бы, чтобы это было правдой. Тут мистер Дэниел Клоудир ввернул, что Комиссия по Невменяемости недавно признала Питера душевнобольным, что члены Комиссии здесь присутствуют и готовы это подтвердить и что мистер Сайлас Клоудир и его домашние слуги также могут засвидетельствовать нездоровое поведение заключенного в последние месяцы. Тогда Судья предложил Жюри вынести вердикт, что Питер не может предстать перед Судом ввиду своей невменяемости, и они так и сделали. Судья распорядился, чтобы Питер был передан на попечение его Отца, который взялся поместить его под надзор содержателя некоего заведения под названием Убежище. Судья предписал, чтобы (как выразился Мартин) обвинительный акт против него не был отозван, а хранился в протоколе. Это значило, как объяснил Мартин, что Питер на всю жизнь останется в сумасшедшем доме. Если сочтут, что к нему вернулось душевное здоровье, его привлекут к суду за убийство.

Из-за всех этих бед я неспособна была думать о своем будущем, но Мартин настоял, чтобы я не возвращалась в Лондон, а наоборот, спряталась; он боялся, что до меня доберется старый мистер Клоудир, желающий получить Кодацил. Если, напомнил Мартин, Кодацил попадет в Суд, Клоудирам будет выгодна моя смерть, ибо, как единственная наследница Хаффамов, я буду стоять между старым мистером Клоудиром и Имением. Мартину все еще принадлежал старый дом его Отца в Мелторпе, который стоял пустой, и он предложил мне жить там бесплатно. Разумно ли будет прятаться так близко к Хафему, спросила я, и он ответил, что да, ведь никому не придет в голову меня там разыскивать. (Он добавил в шутку, что о том же говорит и девиз моей Семьи: искать безопасность в самом сердце опасности.) Это было так любезно с его стороны, что я с благодарностью согласилась, и он сопроводил меня туда и предоставил дом в мое распоряжение. По дороге я выбрала себе имя миссис Мелламфи, мы придумали, что я недавно овдовела и Мартин – Отец моего покойного мужа. Слава богу, я уже рассказала тебе обо всем этом и повторяться нет нужды. Потом он нанял для меня слуг, миссис Белфлауэр и Биссетт, привел в порядок дом и возвратился в Лондон улаживать мои дела. Разумеется, все это бросало тень на мою репутацию, отчего верхушка деревенского общества не пожелала со мной знаться. В особенности через несколько месяцев, когда сделалось заметно мое положение.

Мартин стал душеприказчиком Отца, так как после ссоры тот не позаботился изменить завещание. Наследницей, конечно, была я, только наследовать было почти нечего, кроме Ежегодной Ренты с Хафема, поскольку даже дом принадлежал мистеру Эскриту. Чтобы расплатиться с отцовскими кредиторами, самому крупному из которых, старому мистеру Клоудиру, Папа задолжал четыре тысячи фунтов, Мартину пришлось продать мебель и посуду. (Он ухитрился спасти немного столового серебра, фарфора и часть книг.) Когда дела были улажены, у меня осталось только несколько сот фунтов и Ежегодная Рента. Однако, поскольку я была замужней женщиной, вся моя личная Собственность принадлежала моему супругу, он же был объявлен недееспособным и его права перешли к его опекуну, которым являлся, конечно же, старый мистер Клоудир. Мартин поэтому опасался, что старый мистер Клоудир от имени своего сына заявит претензии на получение Ежегодной Ренты, и так оно и случилось. В результате Момпессоны отказались платить как мне, так и ему, и старый мистер Клоудир затеял тяжбу в суде лорд-канцлера, сделав ее частью прежнего многолетнего Процесса (суд лорд-канцлера, если ты однажды туда обратился, принимает к рассмотрению любые дополнительные иски), и Мартин высказал опасение, как бы Процесс не растянулся еще на долгие годы. (Кстати, он упомянул также, что приблизительно в это же время мистер

Дэниел Клоудир прилюдно поругался со своим Отцом и отрекся от него – обращение Отца с Питером, сказал он, заставляет его стыдиться и негодовать. По словам Мартина, он отказался от участия в Делах старого джентльмена; дошло даже до того, что, вступая приблизительно в то же время во второй брак, он принял фамилию своей новой жены (об этом было объявление в «Газетт»).

Первые несколько месяцев я жила на деньги, данные Питером; немного помогал и Мартин. Затем, однако, выяснилось, что у меня будет ребенок. Именно тогда (как я уже объясняла) Мартин поместил для меня две тысячи фунтов в Консоли, и на это мы и жили, пока я не стала жертвой мошенничества. Но он предупредил, что из-за Джемаймы этим да бесплатным жильем его помощь мне и ограничится. Кроме того, он не исключал возможности, что старый мистер Клоудир, узнав о твоём существовании, потребует, чтобы его назначили твоим опекуном (ведь любой рожденный мною ребенок помешает ему унаследовать Имение Хафем). Поэтому необходимо было хранить в тайне и где я живу, и что у меня родился сын. О твоём существовании было известно только в Мелторпе, где меня знали просто как миссис Мелламфи. Конечно, Мартин старался хранить секрет от своей жены, но когда он не смог вести дела без посторонней помощи, она обо всем дозналась. Из-за жены он не навещал меня после твоего рождения. Я непрестанно думала о загадке Папиного убийства, и в конце первого года в Мелторпе (в декабре, перед твоим рождением) получила ужасное о нем напоминание: ночью кто-то взломал два дома на Ратклиффской дороге и убил обитавшие там семьи. Мне хотелось думать, что Папу убил не Питер, а кто-то посторонний, и я гадала, не был ли это тот же самый злодей. Однако власти заподозрили кого-то и схватили, но до суда дело не дошло, потому что этот человек повесился, и загадка осталась загадкой. Время шло, и я о чем только не передумала. Я подозревала всех, всех без исключения. Питера, мистера Эскрита и даже... О Джонни, мысль, что Отец моего ребенка убил моего Папу, была невыносима! Чего только я себе не воображала. Мне даже приходило в голову, что это я – хотя и не сознательно – послужила причиной того, что Папа был убит, а муж оказался в тюрьме. Он был не виноват, его довела до этого страсть ко мне.

Со временем я все больше беднела; Мартин обещал позаботиться о том, чтобы мы с тобой не впали в нищету, но меня тревожило, что с нами будет после его смерти (у него было плохое здоровье), ведь, по его словам, он не осмелился включить меня в свое завещание. И вот, когда тебе было два годика, я сделала большую глупость, с которой начались все наши беды. Мне пришло в голову добыть денег с помощью Кодацила. Я спросила Мартина, будет ли прок, если я, как в свое время намеревался Папа, представлю Кодацил в Суд; он ответил, что преимуществ это мне не даст, а, напротив, подвергнет большой опасности со стороны Клоудиров. По его мнению, самым разумным шагом было бы продать Кодацил Момпессонам, зная заведомо, что они (дабы удержать у себя Имение) уничтожат его и таким образом старому мистеру Клоудире станет незачем на нас покушаться. Помня обещание, данное Папе за несколько часов до его... я отказалась. Я чувствовала, что этот документ стоил Папе жизни, и то, что он добыл его для меня и моего потомства, он считал своим главным и единственным достижением. Сбыть документ с рук, чтобы его уничтожили, значило бы совершить ужасное предательство. Тут я начала гадать, почему Мартину так хочется, чтобы Кодацил попал к Момпессонам; мне даже подумалось, что их интересы ему ближе, чем мои. Если слова Питера о розыгрыше были правдой, значит, они с Папой почему-то не доверяли Мартину. (Теперь, когда я уверена, что Питер говорил правду, мне еще больше, чем прежде, хочется знать, справедливы ли были мои подозрения.)

Поэтому я решила действовать потихоньку от него и послала сэру Персевалу копию Кодацила, чтобы обосновать свое требование Ежегодной Ренты, – таким образом я исполнила бы обещание, данное Папе, и получила бы Ренту. Я не учла, что, поскольку Кодацил ставит под сомнения его права на Хафем, сэр Персевал решит, что я его шантажирую; потому-то

он так и разозлился, когда мы с тобой к нему ходили. Если бы я не провалила всю затею, он, наверное, помог бы нам, ведь мы с ним родственники. С тех пор пошли всякие неприятности. Поскольку нужно было скрывать от сэра Персевала свое место жительства, я наняла адвоката, мистера Сансью; выбрала я его наугад, по газетному сообщению о каком-то судебном процессе. Я написала ему под прикрытием Мартина, которого попросила просто отправить мое письмо. В письме содержалась просьба пересылать для меня письма, и мистер Сансью согласился. Потом я собственноручно скопировала Кодацил и через мистера Сансью отправила его сэру Персевалу. Мартин ничего об этом не знал, мистер Сансью и Момпессоны не могли установить, где я живу. И все же, как тебе известно, и он, и они меня обнаружили, вот только не знаю как. Иногда я даже задумывалась, не Мартин ли сказал сэру Персевалу?

Глава 65

Парламент-стрит, Бетнал-Грин, 29 марта

Как она могла так поступить? В ответ на все мое добро? Вот так меня предать? Чтобы мы убегали, как преступники. Оставив все: одежду, вещи. Я точно ничем ее не обидела. Позволяла взваливать на Сьюки большую часть работы. Думала, она хорошо к нам относится. Почему люди так... И еще эта гадкая миссис Маллатрат.

Столько всего произошло со времени последней записи! Если бы я знала, как худо нам придется, не поехала бы, наверное, в Лондон. Но до чего же мне не повезло, сразу наткнуться на эту мерзкую-премерзкую женщину, которая нас ограбила. С этого и начались наши беды, ведь пропали мои вышивки, а они бы помогли нам продержаться.

Мы пробыли здесь неделю. Это ужасно. Комнатушка такая тесная и темная. Этот район не узнать. Я постаралась скрыть от Джонни, как удручена. Прежде сады, зелень, а теперь, куда ни взглянешь, грязные домишки. Но она добрая женщина, пусть даже простая и грубоватая. Джонни не прав. Он становится такой упрямый. Она хорошо к нам относится. А вот муж ее мне не нравится.

10 апреля

Как же любезно с его стороны – купить Джонни новую одежду. Наверное, Джонни ему нравится. И все же добряком его не назовешь. Она рассказывала, он бьет ее. Мы совсем сдружились, хотя она заставляет меня работать до седьмого пота.

* * *

29 апреля

Гадкая, гадкая женщина. Как же она меня унизила. Надо отсюда уходить.

* * *

Орчард-стрит, 15 июня

Думаю, нам с ней будет хорошо. Она, видно, добрая и честная. Но, наверное, зря мы ушли от тех людей, по крайней мере, там мы были сыты. Джонни становится такой задиристый. Точь-в-точь Папа. Я теперь часто о нем вспоминаю. Наверное, потому что наш старый дом так близко. Видел бы он меня теперь. Когда он прошлой ночью меня разбудил, я не решилась рассказать о кошмаре, который мне снился. Мне привиделся Папа весь в крови, его лицо, его славное милое лицо, когда он... узнал ли он. Он удивленно поднял глаза, словно знал человека, который Со словами, это, мол, я виновата. Все из-за меня.

* * *

24 июля

Нет времени писать. Думаю, на Хелен и Пичментов работать труднее, чем на ту женщину. Сказала Джонни, зря мы оттуда ушли. Всего два грана.

* * *

30 августа

Вот бы иметь красивое платье. До чего же не хочется явиться пугалом перед всеми этими людьми.

* * *

Первое сентября

Это просто ужас. Ужас. Мне было так стыдно. Зря мы остались. И под конец, джентльмен – да какой же джентльмен, – а я-то считала, что он куда лучше мистера Пентекоста... Но он проводил меня обратно, потому что Хелен осталась и

* * *

16 октября. Полночь

У меня сердце рвалось, когда пришлось его отдать. Джонни меня заставил, до чего же он жестокий. Но я его выкуплю. Сколько пробудилось воспоминаний. Эти ужасные ломбарды! Что говорил мне Питер. И что случилось потом. Не могу заснуть, все об этом думаю.

* * *

2 часа

Рассказала все Хелен. О смерти Папы. О моем замужестве, не похожем на замужество. О том, кто Отец Джонни. Все. Она дала мне снотворное.

* * *

18 октября

Такие чудесные сны.

* * *

5 ноября

Она говорит, нужно вести учет.

2.

* * *

8 ноября 3.

* * *

9 ноября 3.

* * *

10 ноября

5.
7.
6.
9.
10.

* * *

Декабрь

11.
10.
12.
11.
14.
14.
13.
11.
15.
14.
14.

* * *

Январь

17.
12.
14.
15.
18.
18.
19.
17.
19.
20.
24.

* * *

19 мая

Ох, как было плохо. Думала, не выживу, но с помощью Хелен продержалась. Больше в рот не возьму гадкое зелье.

* * *

22 июня

До чего же грустная История! Как ей не посчастливилось! Почти так же, как мне. Леди Момпессон, похоже, злая женщина. Такая мстительная! Я, наверное, была не права, что на них надеялась.

* * *

16 июля

Они нашли нас! Этот человек! Этот ужасный великан! Который следил той ночью за Питером и который в Мелторпе пытался украсть Джонни. Нам нельзя здесь оставаться. Но как они узнали где...

* * *

Голден-Сквер, 27. 19 июля

Она приняла нас так радушно, что я растрогалась. Зря я слушала Джонни, когда он меня уговаривал ей не верить. Вовсе она меня не ненавидит. Я думала, она в детстве меня терпеть не могла, за то что у меня было столько всего, а у нее ничего не было. Но в конце концов, я ее тогда жалела. Отдавала свои старые платья, когда ей не во что было принарядиться. И если она меня невзлюбила и хотела отомстить, значит, все же... Думаю, я ее чем-то обидела. Но как Хелен могла предать. И вспоминать не хочется.

* * *

20 июля

Какой забавный маленький человечек этот мистер Степлайт, но очень любезный. Джентльмен с головы до пят. Похоже, Джемайме он очень не по душе.

* * *

Грейт-Эрл-стрит. 22 июля

Когда же это кончится. Я уж было поверила, что наконец мы в безопасности. Как жаль, что я не... Не выношу это место и этих ужасных людей. Но как же к нему попал наш вексель! Джонни не должен знать, что вексель попал к нашему Врагу, так как теперь, когда мы в его власти...

* * *

23 июля

У меня ужасное предчувствие насчет Джонни, что я его больше не увижу. Когда он уехал с мистером Степлайтом, я плакала не переставая. Но, по крайней мере, теперь ему ничто не угрожает.

* * *

26 июля

Человек от мистера Степлайта все еще не принес обещанные деньги. Миссис Фортисквинс вчера ко мне не приходила, но я жду ее сегодня.

* * *

28 июля

Мистер Степлайт не пришел, хотя должен был уже вернуться в Лондон. Знать бы, как там Джонни. Сегодня приходила миссис Фортисквинс. Сказала, давать мне деньги – это бросать их на ветер, потому что я их все равно потрачу. Почему она так.

Та девушка обещала, что принесет мне. Того, что есть, хватит ненадолго. Потому что пройти через это еще раз мне не под силу.

1.

* * *

13 августа

Осталось несколько шиллингов, этот ужасный человек рассказал, что со мной будет, если через два дня я не заплачу долг: меня поведут на суд к магистрату. Я должна отправиться к ним за помощью. Он согласился за десять шиллингов проводить меня к ним. Мои последние монеты. Мы отправляемся завтра.

1.

Я пропала. Меня принял дворецкий, мистер Ассиндер, выслушал и пошел переговорить с сэром Персевалом. Вернувшись, он передал слова сэра Персевала: ему, мол, нечего мне сообщить и он не желает, чтобы его больше беспокоили по этому поводу. Джонни теперь в безопасности, а что случится со мной, им все равно!

2.

* * *

Коммон-Сайд. 18 августа

В первый раз могу писать, с тех пор как меня сюда привели. Это было так унижительно. Хуже мне уже не будет. По крайней мере Джонни в безопасности.

2.

* * *

20 августа

Он по-прежнему здесь! Я всегда его недолюбливала. Думала, он хуже, чем его друг. Не хочу иметь с ним ничего общего, хотя письмо его, как будто, дружелюбное и любезное.

* * *

Мастерз-Сайд. 30 августа

Я думала, женщина, которая ухаживала за мной во время болезни, делала это по доброте сердечной, а оказывается, он ей платил! Она сама мне в этом призналась (хотя обещала ему молчать), и я послала ему записку. Ее муж – его сокамерник, так это здесь называется. Это благодаря ему меня перевели. Он навестит меня, когда мне станет лучше.

* * *

2 сентября

Он так много мне объяснил! Не могу писать, пока все не обдумаю.

* * *

3 сентября

Он был очень болен, и его жизнь до сих пор в опасности. Он такой добрый. Я была к нему несправедлива. Он обмозговал все, что я рассказала. Говорит, миссис Фортисквинс, вероятно, меня предала, хотя он не будет гадать, почему – он вообще гадать не любит. Она допустила, чтобы меня отправили в такое место. Возможно, это она сообщила моему Врагу, где я. (Все же не понимаю, почему меня предала Хелен. И почему сэр Персевал мне не помог.) Но он говорит, рассуждать стоит только о том, что знаешь наверняка. Он никогда не гадает, что движет другими людьми, учитывает только их очевидные интересы. Что до того, как к мистеру Клоудиру попал мой вексель – он говорит, наверное, вексель ему продал мистер Сансью. Но как получилось, что эти двое объединили силы против меня?

* * *

4 сентября

Он говорит, что хотел бы меня отсюда выволить, но не может, потому что сам не имеет ни гроша и по уши сидит в долгах. Пытается собрать денег, чтобы взять Предписание. В долги он залез потому, что один раз поступил против своих неколебимых принципов: гарантировал вексель своего друга, который плохо вел дела и ему грозило растерять своих клиентов. (Клиентуру он все равно потерял, и оба они оказались здесь.)

* * *

6 сентября

Он опять тяжело захворал, говорят, не выживет.

* * *

8 сентября

Такая печальная новость о мистере Пентекосте. Я снова без друзей. Знаю только одного человека, к кому могу обратиться за помощью. Вот только вспомню ли ее адрес?

* * *

Ист-Хардинг-стрит, 12, 10 сентября

Слава богу, что меня осенило к ней обратиться! Она была сама любезность, теперь я в безопасности и у меня все есть. Она явилась, как только получила мое письмо, и все уладила: внесла за меня залог, чтобы я получила на руки Предписание и могла жить за пределами тюрьмы. Власти хорошо ее знают, она и другим женщинам так же помогала, ее дом включен в Предписания. Не знаю, как смогу ее отблагодарить. Когда я ей об этом сказала, она ответила, пока выбросьте это из головы и набирайтесь сил. До чего же она хорошая.

* * *

13 сентября

Рассказала ей, как Хелен обманула мое доверие, она пришла в ужас и поклялась, если еще раз с ней встретится, порвать все отношения. Она представила меня другим леди, которые у нее живут. Успела только переброситься с ними несколькими словами; очень приятные дамы, как мне показалось. Одна из них рассказала, что у них бывает очень большое общество. Давненько мне не доводилось бывать в хорошем обществе. Она пообещала купить мне новое платье, чтобы и я могла участвовать в приеме. Она очень великодушна, говорит, мы в этом мире должны друг другу помогать. У меня теперь все есть: горничная в услужении, собственная спальня, вещи, как раз такие, какие мне нравятся.

* * *

14 сентября

Она заказала для меня портнихе красивое шелковое платье. Не знаю, как ее отблагодарю и будет ли случай надеть такую вещь, но она говорит, не нужно об этом беспокоиться.

* * *

15 сентября

Она говорит, что теперь мне пора принимать гостей. Не отказываться же, раз она столько для меня сделала, не понимаю только, почему ее друзья жаждут моего общества. Тем не менее я согласилась. Миссис Первиенс сказала, я смогу надеть мое новое платье. Итак, завтра я впервые побываю в обществе.

* * *

16 сентября

Слава богу, он в безопасности! Это все, что меня теперь заботит. Что случится со мной, неважно.

* * *

17 сентября

Нужно бы уйти, но одеться не во что — только в то, что она дала, — а это, она говорит, принадлежит ей — денег ни гроша и куда мне идти? Все думаю о тех созданиях у стены Прайви-Гарденз!

* * *

18 сентября

Она говорит, я дурочка и не понимаю, как устроен Мир; никто никому просто так ничего не делает, нужно быть слабоумной, чтобы в это поверить. Хватит водить ее за нос, она этого больше не потерпит.

* * *

23 сентября

За мной следят на улице. Если я попытаюсь сбежать, меня обвинят в краже одежды.

* * *

24 сентября

Одна из женщин обещала, что достанет мне это.

* * *

25 сентября

Слава богу! Нашелся хоть один добрый человек. Теперь мне уже не так важно, что со мною будет.

1.

* * *

4 октября

Сегодня я встретила Хелен! Здесь, в этом самом доме! Когда я ее упрекнула, она залилась краской. Значит, миссис Первиенс лгала мне. Она все время держала Хелен в другом своем доме. Так меня обманывать! Я должна отсюда бежать. Я поступила неправильно. Глупо.

3.

* * *

7 октября

Я снова болела. Она разговаривала со мной очень грубо. Не знаю, зачем я продолжаю эти записи, он ведь их не увидит. Я их уничтожу. Он не должен больше меня видеть. Не должен знать Правду обо мне.

5.

* * *

9 октября

5.

13 октября

6.

* * *

28 октября

7.

9.

6.

9.

10.

Книга IV Вуаль

Глава 66

Строить догадки – занятие глупое. Как определить, чем на самом деле другой человек руководствуется?

Об этом сроду не допытываешься, а потому куда разумней и вернее вообще не вдаваться в предположения. Мистер Валльями действовал так, а не иначе – вот и все, что можно заключить в данном случае. Неизвестно, был он взволнован или рассержен услышанным – или же им двигали своекорыстие и мстительность, разожженные словами мистера Сансью.

Начать, впрочем, я должен с мистера Сансью. Вот он идет по морозным улицам, дуя на руки в перчатках, явно не замечая вокруг себя предпраздничной суеты. Поглощенный иными заботами, он пробирается к замызганной конторе у старой пристани.

Оказавшись в приемной, он обнаруживает там только мистера Валльями и мальчика-посыльного.

– Добрый день, мистер Сансью, – приветствует его мистер Валльями. – Мистер Клоудир на бирже. Он ждет вас к этому часу и скоро должен вернуться.

Мистер Сансью берет секретаря-управляющего под руку и уводит его в недра конторы, оставив мальчика сидеть у двери.

– Плохи дела, мистер Валльями, – роняет он вполголоса.

– В жизни такого не видывал, – качает головой секретарь. – Даже в девяносто седьмом, когда был не старше этого мальчика. Да и зима выдалась лютая. Именно тогда Английский банк приостановил платежи в первый и – будем надеяться – в последний раз.

Содрогнувшись, мистер Сансью продолжает:

– Сообщают, что в провинции закрылось еще три отделения. Скажу начистоту, я и сам крупно погорел, боюсь худшего.

– Искренне вам сочувствую, мистер Сансью. Как жаль всех этих бедных вдов и сирот, которые остались ни с чем. Несчастные семейства, лишившиеся своего главы – сохрани их Господь! – Мистер Валльями отирает глаза. – Невесело им придется на Святках. Но что до меня самого, то, сказать по правде, в моем положении хуже никому не придется.

Мистер Сансью, с сомнением взглянув на мистера Валльями, встряхивает головой, а потом осведомляется:

– Вы в этом уверены?

– Как нельзя более. Но, слава Всевышнему, терять мне нечего. – Он прыскает от смеха. – У мистера Клоудира есть мой вексель на триста фунтов. Но я давно сижу без гроша, по уши в долгах – и мне от этого холодно, ни жарко.

– Но старик потерпит урон. И солидный. Говорят, будто Квинтар и Мимприсс вот-вот лопнут. И уж он наверняка взыщет с вас сполна.

На миг сдвинув брови, секретарь вновь расплывается в улыбке:

– Да что вы, сэр, мои триста фунтов погоды не сделают. К тому же он знает, что я неплатежеспособен. Его устраивает, чтобы долг висел у меня над головой.

– Но вы меня не поняли, дражайший мой друг. Обращаю ваше внимание на тот факт, что вы, по сути, представляете собой «Пимлико-энд-Вестминстер-Лэнд-Компани».

Вам следует уяснить, что сейчас и речи нет о продаже фригольда ни на один из этих домов.

Мистер Валльями удивлен:

– Совершенно верно, сэр, но, как я уже сказал, мне от этого ни холодно, ни жарко.

– Ошибаетесь, дружище. Ей-богу, я рад был застать вас одного. Меня давно уже мучает совесть, что я не поделился об этом с вами раньше. Ваш работодатель спекулировал с акциями компании, и, учитывая нынешнюю панику, вам нетрудно заключить о значительных его убытках. Остается только объявить о банкротстве компании – другого выхода нет. А как только это произойдет, кредиторы отправят вас в Маршалси.

– Невероятно! Он бы ни за что так не поступил! – Помолчав, мистер Валльями восклицает: – Впрочем, вероятно. Старый мошенник. И это после того, как я столько лет был ему предан!

– Благодарение небу, совесть моя теперь чиста, – произносит законник. – А вы готовы сделать мне одолженье?

– Да-да, – рассеянно бормочет его собеседник.

– Мистер Валльями! – окликает его законник с чарующей улыбкой.

– К вашим услугам, сэр. – Клерк стряхивает с себя задумчивость. – Разумеется. Все, что вам угодно. Поистине, мистер Сансью, вы меня спасли, так я думаю.

– Премного обязан, – откликается юрист. – А что бы вы сказали мне в ответ, если я назову имя «Фортисквинс»?

Взгляд мистера Валльями выражает смятение.

– Угу, – роняет юрист. – Выходит, оно вам известно, ведь так?

– Нет, то есть да. – Клерк беспокойно озирается по сторонам. – Сейчас не время беседовать, мистер Сансью. Умоляю, давайте встретимся позже.

В эту минуту мальчик бежит к парадной двери, и мистер Сансью торопливо шепчет:

– Приходите ко мне в контору на следующей неделе, в четверг вечером.

Между тем появляется пожилой джентльмен, закутанный в кашне, которое мальчик принимается разматывать, описывая круги, будто убогий плясун возле майского дерева. Худое лицо хозяина обращено к юристу:

– Я только что с валютного рынка. С Амфлеттом и Клетором покончено, с Базалгеттом тоже и с Хорнбаклом и Дитмасом в придачу.

Валльями в ужасе трясет головой, не сводя глаз со своего нанимателя.

Даже не взглянув в его сторону, пожилой джентльмен жестом манит юриста за собой внутрь конторы.

– Скверно, очень скверно, – произносит мистер Сансью, когда дверь за ними затворяется. – Лучшие фирмы потерпели крах. Я слышал, что даже Квинтар и Мимприсс могут столкнуться с трудностями.

– Ни в коем случае! – пылко заявляет пожилой джентльмен.

– Вы в этом уверены?

– Я получил подтверждения из надежнейшего источника.

– Правда? Неужто? – мямлит юрист. – Дело в том, что мне предлагали их акции со скидкой в пятьдесят процентов.

– Берите! – восклицает пожилой джентльмен. – Берите, сколько сможете, а остальные купите мне!

– Я покупаю не от своего имени, а для других лиц. Увы, мистер Клоудир, наличности у меня нет. Наши совместные спекуляции выжали меня досуха. И, боюсь, лишили «Пимлико-энд-Вестминстер» возможности отвечать по своим обязательствам.

– Компания пойдет под внешнее управление, – шепотом сообщает пожилой джентльмен, мотнув головой в сторону приемной.

– И он?.. – глянув на дверь, переспрашивает мистер Сансью вполголоса.

Пожилой джентльмен, слегка улыбнувшись, проводит пальцем по тощему горлу.

– В качестве компенсации за это, – откликается мистер Сансю, – я припас великолепную новость касательно другого нашего предприятия. Чего бы вам больше всего желалось от меня услышать?

Мистер Клоудир, впившись глазами в собеседника, молча, одними губами, выговаривает какое-то слово.

– Именно, – усмехается юрист. – Мой посредник уведомил меня, что дело обстоит в точности так.

– Превосходно! – Пожилой джентльмен, хлопнув в ладоши, возбужденно вскакивает со стула. Подступив к юристу, он настойчиво требует: – А вы можете предъявить мне доказательство? Доказательство, годное для суда?

– Еще нет, хотя и пытаюсь. Думаю, скоро получу основания вас порадовать. Однако, мистер Клоудир, мы с вами не оговаривали условий соглашения с учетом этой трудности, и вам оно обойдется дороже. А пока я готов взять то, что вы мне задолжали.

– Половину сейчас и половину по предъявлении доказательства, – настаивает мистер Клоудир.

Юрист неохотно кивает, сейф вновь отпирается, и из рук в руки перекочевывает пачка банкнот.

– Теперь о мальчике, – пожилой джентльмен прерывает паузу.

– Тут все идет как надо, мистер Клоудир. Вторая моя новость: он снова в надежных руках.

Мистер Клоудир радостно обхватывает свои плечи, потом, призадумавшись, замечает:

– Выслушайте меня внимательно. Я хочу, чтобы мои инструкции были исполнены как нельзя точнее.

Поскольку вам, как и мне, разумеется, отлично известно, о каких мерах оба джентльмена договорились, я здесь их покину.

Тем временем в приемной мистер Валльями приказывает рассыльному:

– Чарли, сбегай-ка за бутылочкой лучшего голландского джина.

– Но, мистер Валльями, ближе чем у церкви Святого Павла мне ее не достать.

– Неважно. Делай, что сказано.

Когда мальчик уходит, мистер Валльями прислушивается к невнятным голосам внутри конторы. Затем отщипывает кусочек свечного воска, нагревает над огнем и разминает пальцами до мягкости. Вытаскивает из парадной двери большой ключ и ловко всовывает воск в скважину.

Глава 67

Дочитав записи матушки до конца, я уронил голову на руки и, терзаемый мукой, принялся раскачиваться из стороны в сторону. Во мне боролись вихри чувств, которые я сам не мог бы назвать. Теперь наконец мне стала известна мрачная тайна, которую мать берегла от меня: мой дедушка был зверски убит – и кем? Почти наверняка... – нет, я не в силах был это представить. Как, должно быть, страдала моя мать всякую минуту, пока бодрствовала, стараясь отогнать от себя эту мысль. Дико вспомнить, что я верил, будто хорошо ее знаю, однако и понятия ни о чем таком не имел. И насколько же мало я во всем смыслил! Только теперь я знал наверняка (а раньше только догадывался), кто в действительности мой отец. Выходит, мое настоящее имя и вправду Клоудир. И все же задавался вопросом: так ли это? По праву ли оно мне принадлежит? Оно более мое, чем то, какое я носил столько лет? Или имя, выбранное мной вместе с матерью? С этим именем, несомненно, меня крестили, и все же мне не хотелось, чтобы оно было моим. В конце концов, чем больше я узнавал, тем яснее осознавал, сколь многое еще от меня сокрыто. Что было на страницах, матерью уничтоженных? Что она желала от меня утаить? Имело это какое-то отношение к моему отцу? И он все еще жив? А поскольку мистер Эскрит настаивал на истинности своего совершенно невероятного заявления, означало ли это, что мой отец был душевно здоров? Если да, разве он не становился ввиду этого еще более виновным? Мои мысли описывали один и тот же чудовищный круг: если отец находился в здравом уме – значит, на нем лежит страшная вина; если же что-то и может его оправдать, то только сумасшествие. Безумец или злодей, злодей или безумец – другого выхода не виделось. Как мне примириться с тем, что у меня такой отец? Я повторял слова матушки: «Мне непереносима мысль, что отец моего ребенка – убийца моего отца!» Эта мысль была непереносимой и для меня. Но, быть может, здесь замешан кто-то другой? Разве кое-где обмолвки матушки не указывали на Мартина Фортисквинса? (Но – видит бог! – у меня были причины не желать верить и этому.)

Но почему старый джентльмен отказался открыть больше? Избавил мать от каких-то разоблачений, куда чудовищней? Смогу ли я пробраться в дом дедушки и поговорить с ним сам? И, быть может, узнаю от него нечто такое, что обелит моего отца? Хотя улики против отца были убедительными, существовали люди, которые имели веские причины желать дедушке смерти. Мистер Клоудир и его старший сын так отчаянно домогались, чтобы кодичилл был представлен в суд, что ради этого вряд ли погнушались бы убийством. А Момпессоны, если уж на то пошло, по самым серьезным основаниям стремились этот замысел предотвратить: я не мог выкинуть из головы, что Сансю (он же Степлайт) прибыл в дом миссис Фортисквинс в их карете. Выходит, они тоже так или иначе были связаны с ним, сколь невероятным бы это ни выглядело?

Время близилось к полуночи, над безлюдьем недостроенных домов царила тишина, так не похожая на привычный мне гвалт грачиных гнездовий. С головой уйдя в записную книжку, я не заметил, как стало холодно, и теперь поспешил натянуть на себя покрывало.

Я задумался о несчастливой, загубленной жизни матушки. Она была слишком доверчива, чуралась уловок и совершенно не умела строить планы, полагаясь всецело на удачу. Любовь к ближним сделала ее ранимой. Она превратилась в жертву, безвольно влекомую по жизни, утратившей смысл, к такому же бессмысленному концу. Я такой ошибки не допущу. Не буду никому доверять – только себе. На свете не осталось тех, кого бы я любил, и это давало мне свободу и неуязвимость. Знаю, везения нет – есть только счастливые шансы. Теперь я поставлю перед собой цель – какую, правда, именно, я в растерянности не мог бы пока назвать. Теперь я испытывал не только жалость или ужас. Меня захлестнул гнев. Гнев на миссис Первиенс, на Сансю, на миссис Фортисквинс. Мне хотелось – мне необходимо

было заставить их страдать. В особенности последнюю. Я не мог понять, почему она себя так повела. Что за мыслимая причина побудила ее преследовать мою мать вплоть до самого конца? Какой зуб она против нее имела? Мать, кажется, упоминала о какой-то обиде, но я толком так ничего и не уяснил. Были также Момпессоны со своим доверенным лицом – Ассиндером: теперь мне стало ясно, о чем она толковала в свой смертный час. Она знала, несмотря на мои утешения, что никакой помощи от них ожидать нельзя. Сэру Персевалу ничего не стоило бы помочь той, кому его семейство причинило великое зло и кто вправе был притязать не только на кровное родство, но и на справедливость. В то же время я не в силах был понять, почему он пренебрег помощью, исходя хотя бы из соображений благоразумия, ради собственной же пользы: насколько он, как владелец имения Хафем, был заинтересован в том, чтобы не пресеклась линия наследников неотчуждаемого имущества.

Все сводилось к оспариваемому праву собственности. Многие несообразности в рассказе матушки проистекали отсюда. Почему мой дедушка внезапно решил не предъявлять кодицилл в суд, хотя положил столько долгих трудов на его розыски и погряз по уши в долгах перед человеком, которому не доверял, лишь бы его приобрести? Загадок оставалось множество. Если мой отец душевно здоров и на нем лежит вина, то почему же он признался матери, что возвращался в дом, оставив ее на постоялом дворе? Что там произошло, когда он появился вновь? Действительно ли он был удивлен при виде окровавленных банкнот, распечатав пакет в гостинице в Хартфорде? Тут я вдруг вспомнил письмо дедушки и содрогнулся, поскольку знал теперь, что за пятно имелось на нем, которое так занимало меня ребенком, и когда я по-детски воображал, будто это кровь. Теперь, по размышлении, я пришел к выводу, что, вероятно, слишком поторопился отложить это письмо, когда попытался прочесть его спустя несколько дней после смерти матушки.

Мне вспомнилось, что в письме говорилось о некоем «завещании», упоминание о котором я посчитал плодом фантазии Джона Хаффамы, помешанного на имении Хафем. И все же такой документ, не исключено, существовал. Только этим можно было объяснить кое-какие странности его поведения. И, наверное, именно потому он так внезапно и непонятным образом потерял интерес к кодициллу. Документ, которым он завладел или надеялся завладеть, делал кодицилл излишним! При таком раскладе документ не мог быть не чем иным, как только позднейшим завещанием самого Джеффри! Если так, то оно, по-видимому, отменяло первоначальное волеизъявление! Я вспомнил, что говорили мне мистер Пентекост и мистер Силверлайт: закона об исковой давности применительно к завещаниям не существует. И потому условия такого завещания будут иметь абсолютную силу закона! (Или, скорее, силу Справедливости.) Что это были за условия? Я поспешно ринулся в полутьме к тайнику, где спрятал письмо, и вытащил его оттуда. Из письма что-то выпало. Это была карта – вернее, ее части, – захваченная мной из Мелторпа и доверенная позднее матушке. Меня вдруг осенила мысль: а не найду ли я на ней дом моего деда?

Я придвинул свечу поближе и разгладил помятые листы. Дом, как мне было известно, находился на Чаринг-Кросс, фасадом был обращен на Нортумберленд-Гарденз и стоял в глубине двора, куда вел узкий проход. По карте делалось ясно, что дом мог располагаться либо на Нортумберленд-Корт к востоку от особняка, либо в одном из дворов к западу: Тринити-Плейс, безымянном или же в Крейгз-Корт. Безымянный казался более вероятным.

Затем я обратился к письму дедушки. Развернул его и взялся было читать, но слышал с недостроенной улицы шорох гравия под колесами повозки. Я торопливо сунул письмо и карту обратно в тетрадку и, выскочив из-под одеяла на резкий холод, запихал ее в карман своей куртки, лежавшей на полу. Потом потушил свечу и отодвинул кусок доски, прикрывавшей окно, чтобы выглянуть наружу. Барни с компанией высаживался из пары наемных экипажей, возчиков которых они каким-то образом уговорили двинуться в эти края ночью.

Заслышав, как открывается входная дверь, я шмыгнул на верхнюю лестничную площадку: шумная толпа со смехом и возгласами громче, чем обычно, ввалилась в дом и направилась в гостиную.

Я прокрался вниз по лестнице в комнатку над гостиной, откуда, из-за отсутствия потолочного покрытия, мог слышать все так, словно находился там сам, хотя видеть удавалось немного.

– А ты, Барни, молодцом, – донесся голос Салли. – В непонятках, как это ты изловчился. Выдал, будто в театре.

Раздались одобрителные смешки.

– А ведь повезло нам, верно? – заметил Барни, усаживаясь на диван так, что мне стала видна его макушка. – Утерли мы им нос на славу!

– Скоро они назад? – спросила Мег.

– Джек сказал, часа через два, – отозвался Барни.

– А Сэм мне сказал, он думает, подольше, – возразила Салли.

– Ну, так разве мы им не обрадуемся? Вот и все, – воскликнула Мег.

Все дружно ее поддержали.

– Давай, бога ради, – заговорил Билл, – расскажи Бобу и мне, как что было.

– Мальчишка тихо себя вел? – задал вопрос Барни.

– Даже не шелохнулся, – подтвердил Боб.

– Он нам и не нужен был вовсе, – пояснил Барни. – Джоуи взялся и сделал, что требовалось.

Я подался вперед – разглядеть, кого он имел в виду, но мне это не удалось.

– Но сперва, – продолжил Барни, – надо мне кое-что сделать, пока не забыл.

Я перегнулся еще дальше в надежде увидеть, что именно он собирается делать, однако риск свалиться между балками вниз был слишком велик. Когда разговор возобновился, я с ужасом сообразил, что Барни вышел из комнаты. Я со всей осторожностью поспешил обратно на лестничную площадку: Барни тяжело поднимался по ступеням с нижнего этажа – на мое счастье, медленно и с трудом, спотыкаясь в полутьме, так как был слегка навеселе. Я опрометью взбежал на следующий пролет и сумел раньше его ворваться к себе в комнату незамеченным. Поспешно забрался в постель, натянул на себя одеяло и закрыл глаза. Минуты не прошло, как грузные шаги со скрипевшей лестницы переместились в комнату, приблизились и затихли рядом со мной.

В закрытые веки ударил луч фонаря. Барни шагнул вплотную к постели и, похоже, наклонился надо мной: я ощутил запах джина и табака и слышал его тяжелое дыхание. Приотворяясь спящим, я гадал, не зажмурился ли слишком сильно и не покажется ли ему подозрительным, если меня не разбудит свет фонаря, – или же он в таком подпитии, что не понимает, какой производит шум.

Я уже собирался открыть глаза, когда Барни отодвинулся от меня и с грохотом начал шарить по комнате. Поначалу я опасался на него глянуть – а вдруг он за мной следит, но потом осторожно разлепил веки, однако самую чуточку, лишь бы он не заметил, что в глазах у меня отражается свет фонаря. Барни стоял прямо передо мной – правда, наклонив голову и пристально изучая мою одежду, подобранную им с пола.

Теперь я смотрел на него в упор: низкий лоб, глаза навывкате, крупный нос и выступавшая вперед челюсть – словно с лица его сорвали покров, чтобы я впервые смог как следует его разглядеть. Я словно унесся в прошлое – и вновь стал ребенком, который, как и сейчас, притворялся спящим, однако лежал в своей кроватке в доме матушки и, внезапно очнувшись от кошмара, увидел, что творится нечто необычное: лицо, на которое я сейчас смотрел, было лицом того самого взломщика, глядевшего на меня из окна в Мелторпе!

Зажмурившись, я замер в постели, но сердце мое колотилось так громко, что я не сомневался: Барни услышит его стук. Охваченный ужасом, я не в силах был поверить, что это странное сходство – всего лишь простое совпадение, а вообразил, будто стоявший рядом со мной человек – орудие неумолимой и сложной машинерии, призванной меня уничтожить, от которой спасения мне нет и которая несет мне гибель, как принесла она гибель моему дедушке и моим родителям.

Но тут наконец Барни вышел из комнаты: удостоверившись, что он спустился вниз, я высек огонь и зажег свечу, при свете которой мне необходимо было ободриться и попытаться разгадать смысл сделанного удивительного открытия. Внезапно меня осенило: Барни с самого начала знал о том, что мы с ним знакомы. Причина, по которой он загадочным образом передумал, впускать ли меня в дом, заключалась в моей обмолвке насчет Мелторпа: это сразу его насторожило. Но почему он со мной возится? Да не потому ли, что действует заодно с Сансью и Клоудирами? Только так – и не иначе! Мне вспомнился юрист, упомянутый им в качестве источника подложных векселей, – наверняка это был Сансю! Но каким образом могла возникнуть эта связь между мной и Барни? Поскольку я ничего не знал о личности взломщика и не знал, выбрал он дом матушки случайно или же явился агентом одного из наших врагов, продвинувшись с выяснением по этой линии я был не в состоянии. Но почему вышло так, что я вновь столкнулся с Барни? Я мысленно проследил свои шаги: сюда меня направил Палвертафт; к нему я был отослан стариком Сэмюелом, которого, в свою очередь, нашел в поисках Дигвидов.

Дигвиды! Вот, наверное, и ответ: именно они были связующим звеном между Барни и домом моей матушки. При этом открытии словно бы вытянулись свернутые в клубок нити: я мгновенно разглядел связи, меня опутавшие. Быть может, миссис Дигвид с сыном явились к нам в дом не случайно, как они утверждали, и это как-то соотносилось со взломом, имевшим место несколькими годами раньше? Я припомнил, как той ночью, когда они у нас гостили, застал Джоуи рывшимся в секретере матушки. Это тот самый Джоуи, которого только что называл Барни? Впрочем, все это выглядело слишком уж изощренным хитросплетением. Если строго следовать логике, ни малейшей уверенности о связи между Барни и миссис Дигвид у меня не было. А если такая связь существовала, не приходился ли он ей супругом? Впрочем, вспоминая о ее доброте и чистосердечии, я никак не мог заставить себя поверить, что она связана брачными узами с преступником. Слишком ужасно было представить, что миссис Дигвид обманом проникла в дом матушки, злоупотребив ее великодушием и доверчивостью. Однако иного вывода сделать было нельзя, разве что посчитать вторичное появление в моей жизни взломщика чистой случайностью. Но и на этом невозможно было подвести черту: даже если налицо здесь имелась исключительно игра случая, все-таки парадоксальным образом просматривался и некий умысел. Голова у меня шла кругом, и невзначай мне вдруг вспомнилось, как Барни хвастался, будто убил джентльмена. Из его слов следовало, что произошло это примерно за год до моего рождения. Если он и в самом деле столь таинственно связан со мной и моим семейством, а также действовал по наущению Клоудиров, не могло ли убийство, на которое он намекал, быть убийством... Нет-нет, безумием было заходить в догадках так далеко! И тем не менее все обстоятельства складывались воедино.

Теперь мне стало ясно: моя жизнь подчинялась замыслу, но чужому! Кто же держал в руках тайные нити, кто плел скрытую интригу и почему? Но, по крайней мере, разгадав общий узор паутины, я в нее не попался. Отныне я больше не буду игрушкой в руках судьбы. Сделаю жизнь осмысленной – и целью моей будет найти Справедливость. Отвоевать Справедливость для матушки, моего отца, дедушки и самого себя у тех, кто причинил нам зло. У миссис Фортисквинс с ее двуличной улыбкой. У бессердечных и высокомерных Момпессонов. А главное – у Сайласа Клоудира: вот уж он-то наверняка дергал за все ниточки.

Так или иначе, я твердо знал: нужно бежать – и немедленно. Вскочив, я бесшумно оделся, надев на себя не нарядный костюм, который Салли купила мне в Вест-Энде, но старые обноски, приобретенные ею на Шепердз-Маркет, где я расстался со своими лохмотьями: мне не хотелось ничего похищать у Барни – и я очень сожалел, что пришлось взять верхний сюртук и башмаки.

Одетый, с башмаками в руках, я, прежде чем задуть свечу, окинул взглядом комнату: брать с собой было больше нечего. Коснувшись кармана курточки, я вдруг с ужасом обнаружил, что он пуст. Обшарил пол, но ничего не оставалось, как признать: все вещи – записная книжка матушки, сделанная мной копия кодицилла, карта и письмо дедушки – исчезли. Так вот чем занимался Барни в ту минуту, когда я, открыв глаза, узнал его! Посчитав утрату записной книжки новым посягательством на матушку и на мою к ней привязанность, я, терзаясь мукой, дал волю негодованию. Раздумывать о том, что значит для меня потеря других документов, не приходилось: на душе было тяжело, но горевать времени не было. Я задул свечу и шагнул за порог.

Опасливо спустившись с верхней площадки лестницы, я призадумался, удастся ли мне выскользнуть наружу незаметно: ведь уличная дверь – даже если она и не охраняется – единственный выход из дома, а это значит, что мне придется пройти через коридор в гостиную. Смутно надеясь дожидаться, пока все улягутся спать, я вернулся на свою позицию в каморке над гостиной и стал вслушиваться.

Повесть о вечерних подвигах я, очевидно, пропустил.

– Вот это годится! – сквозь нестройные выкрики и смех прорезался голос Уилла.

– Разрази меня гром, – подхватил Боб. – И потешился же я, глядя на их раздутые физиономии, когда они Джека выследили!

Послышалось хлопанье пробок, все одобрительно зашумели. Время шло. Мне надо было оставаться настороже: вдруг кому-то вздумается подняться по лестнице, боялся я также нечаянно задремать и свалиться вниз.

Началась игра в карты, запиликала скрипка, фигуры закружились в танце. Текли томительные часы, занятые выпивкой, азартными играми, ссорами и даже потасовками, и я сделался свидетелем примеров крайней развращенности, против которой все еще не мог себя закалить.

Внезапно меня вывел из полудремоты голос Мег:

– Эй, а который теперь час?

– Без малого четыре с четвертью, – отозвался Боб.

– Ну, и где же тогда Сэм с Джеком? – продолжала Мег.

– Вот-вот! – воскликнул Барни. – Пора им уже быть здесь.

– Что-то с ними неладно! – заявила Салли.

В эту минуту в дверь постучали – и, подавшись вперед, я увидел, как Боб вышел из комнаты, а потом донесся его голос:

– Кто там?

Ответа я не разобрал, но Боб крикнул:

– Это Джек!

Пока он возился с замком, волнение в гостиной росло. В общем гуле слышались вопросы: «Что стряслось?» и «Где Сэм?»

Гомон перекрыла реплика Барни:

– Спокойно. Я Джека и ждал. Не Сэма.

– То есть как это? – выкрикнул Уилл.

– Мы с Джеком объясним. Занятная история выйдет, в самый раз. – Вдруг он, переменяв тон, выпалил: – Господи, Джек, что это с тобой?

Все затихло, а потом Салли пронзительно взвизгнула, и Джек расслабленным голосом произнес:

- Нечего пугаться, милашка. Не помираю я.
- Да ты же весь в крови! – причитала Салли.
- Поколотили меня чуток.
- Что случилось, Джек? – беспокойно требовал Барни.
- Где Сэм? – добивалась Мег.
- А где денежки? – не отставал Боб.
- Сэм не придет, а добычи я лишился. Палвертафт меня ободрал.

Поднялся гвалт, не смолкавший до тех пор, пока голос Барни, схожий с ревом разъяренного быка, не заставил компанию притихнуть, и тогда удалось разобрать утомленное бормотание Джека:

- Расскажи им, Барни, что мы знали, а я пока отдышусь.

Мне стало видно, как он примостился на кушетку с помощью Салли, которая уселась рядом с ним. Выронив что-то из руки на пол, она принялась отирать кровь с лица своего ухажера.

– Вот что, – начал Барни. – Нам с Джеком было это известно, но от всех вас это пришлось таить. Сэм всегда только и делал, что наущничал Палвертафту.

Это сообщение вызвало шумный ропот. Мне вспомнилось, как в тот раз, когда Сэм и Салли направились со мной в Вест-Энд, Сэм исчезал.

- И что же? – взревел Боб. – А как насчет Нэн?
- Она ни при чем. Мы только притворились, будто поверили, что это она.
- То есть вы с Джеком вралли? – поинтересовался Уилл.

– Ну да, и Сэм тоже, разве что он знал – это не она, а он сам, только ему невдомек было, что и мы это знаем.

– Ничего не пойму! – выкрикнула Салли. Остальные тоже выразили свое замешательство.

– Хорошо, – проговорил Барни, – помните, как в тот раз мальчишка принес известие от Кошачьего Корма? И мы узнали, что кто-то нас продал?

Все при этих словах загалдели, а я стал приглядываться к предмету, выроненному Салли, все больше проникаясь уверенностью, что это записная книжка матушки.

– И вот, как раз после того случая, – продолжал Барни, – Джек вынюхал, что Сэм и есть доносчик, больше некому. Расскажи-ка им, Джек.

– Ну, Сэл меня на него и навела. Сказала, будто видела, как Сэм калякал с лысым дурнем на деревяшке.

Теперь мне стал ясен подслушанный мной разговор между Барни и Джеком, когда Джек делился с Барни важным сообщением от Салли, значение которого она сама не понимала.

Я взглянул на Салли: меня поразило, что при этих словах она вздрогнула и удивленно воззрилась на Джека.

– Пег! – раздались восклицания. Разумелся, конечно же, человек, известный мне под именем Блускин, повешение которого мы наблюдали.

- Точно, – заметил Барни. – Вот я тебя и спросил – верно, Сэл, а ты ответила – верно. Салли, не сводя с него глаз, медленно кивнула.

- И тогда мне стало ясно, как и Джеку, кто есть кто.

– Чтобы наверняка знать, – вставил Джек, – я за ним посматривал, а однажды увидел, как он идет к Олд-Минту, в ночлежку, где живет Палвертафт. Ну, я воротился, сказал Барни и...

– И мы с Джеком, – перебил его Барни, – порешили, как избавиться от Сэма – и так, чтобы Палвертафт не дотумкал, что мы его раскусили. Иначе он бы нам точно помешал с аферой. И договорились шепнуть Сэму, будто думаем, что наушничает Нэн.

Итак, если бы мне удалось подслушать концовку разговора между Джеком и Барни, я бы узнал, что они улавливаются внушить Сэму, будто они верят в шпионство Нэн. И Салли, по-видимому, способствовала этому обвинению единственно из своей неприязни к девушке. Однако я-то, разумеется, знал, что на самом деле не Сэм, а Джек был тайным сообщником Палвертафта.

– Так, выходит, Нэн не виновата? – сердито спросил Уилл.

– Точно, – подтвердил Барни. – И мы с Джеком после того притворялись перед Сэмом, будто думаем, что избавились от палвертафтовского доносчика. А чтобы сбить Палвертафта с толку, договорились перенести аферу на неделю. Но сделали это только с тем, чтобы Сэм решил – мы верим, что отвели Палвертафту глаза, и знали, конечно, что он найдет способ его об этом известить.

– И когда Сэм улучил время? – спросила Мег.

– Скажи ей, Сэл, – распорядился Барни.

Салли молчала.

– Сэл сказала мне, – вмешался Джек, – что Сэм улизнул в тот самый день, когда она отправилась вместе с ним и с мальчишкой покупать тряпки. Так, Сэл?

Салли, побледнев, кивнула.

– И потому, – продолжал Барни, – мы знали, что Палвертафт попытается отнять у нас деньги, как только мы их раздобудем. А раз Сэму страшно хотелось отнести их с Джеком в хибару на Трол-стрит, мы сообразили, что Палвертафт либо устроит там для них засаду, либо уже прячется где-то поблизости.

– Верно, – поддакнул Боб. – Именно так я на месте Палвертафта и поступил бы. Пускай Сэм и Джек принесут денежки туда, куда мне хочется, а уж там я на них и насыду с парочкой дружков.

– Вот-вот, Боб, – согласился Барни. Помолчав, он добавил: – И потому мы с Джеком условились отобрать добычу у Сэма заранее.

– Что же случилось, Джек? – спросил Уилл.

– Едва мы с Сэмом вышли из игорного дома и оказались в узком проулке, что ведет от Бедфорд-Корта к Бедфорд-Бери, он вытащил нож и попробовал меня пырнуть. Но я был начеку, достал из кармана пистолет и его утихомирил.

Все ошеломленно молчали.

Вдруг Салли душераздирающе вскрикнула, и от ужаса волосы у меня на голове зашевелились. Конечно же, она была к Сэму неравнодушна.

– Послушай, Сэл, – сердито проговорил Барни, – нечего этак злиться. Я тебе втолковал, почему нам пришлось это сделать.

Салли закрыла лицо руками – и, когда Джек подсел на кушетке поближе к ней, ото-двинулась.

– Слушай, Сэл, медлить было нельзя. Зазевайся я – и он бы меня прикончил.

Чьи-то голоса Джека поддержали. Салли уговаривали «не злиться очень уж»; разнеслись шепотки с намеком на то, что, раз она так себя ведет, выходит, Джек не зря ее ревновал к Сэму. Салли, однако, оставалась безутешной и не скрывала слез.

– А что все-таки с деньжонками, Джек? – спросил Барни.

– Замешкался я, – скорбно отозвался Джек. – Из-за угла сразу же выскочили Палвертафт с дружком. Пушку перезарядить было некогда – они тут же на меня напали. Шваркнули по башке и сумку выхватили – едва я успел тягу дать.

К рассказу Джека отнеслись сочувственно: вид его неоспоримо свидетельствовал, что ему здорово досталось.

Настроение сборища сделалось теперь самым мрачным: они продолжали пить, но, осознав, что, несмотря на все их старания, их провели за нос, и теперь им оставалось только глушить вином чувство горького разочарования. Всплыли обиды, которые раньше подавлялись в интересах общего дела: поминутно завязывались яростные перебранки, кончавшиеся порой нешуточной дракой. О происходившем внизу я мог судить в основном только по грохоту и выкрикам, но однажды смог увидеть, как Салли, вскочив с кушетки, увернулась от Джека, который пытался ее обнять.

Я и прежде задавался вопросом, на какие черные дела эти люди способны, но теперь все мои худшие ожидания были далеко превзойдены. Хладнокровное убийство из простой корысти, убийство приятеля и компаньона, пусть даже неверного, – злодеяние самое низкое. Но Джек поступил еще более гнусно. Надо было бежать отсюда, даже рискуя жизнью.

Спустя несколько часов шум внизу поутих, и я понял, что бывших моих попутчиков сморил пьяный сон. Этого-то я и ждал: уличную дверь никто не сторожил, и мне предстояло выскользнуть из гостиной в прихожую незамеченным под покровом темноты – поздний декабрьский рассвет еще не наступил.

Я прокрался вниз по ступеням – без свечи это было делом нелегким – и, затаив дыхание, шагнул в гостиную. В темноте от бесчувственных тел, раскиданных вповалку где придется, что мне уже доводилось наблюдать, доносились храп и хмельное бормотание.

Со всеми предосторожностями я принялся снимать запоры и цепочки, преграждавшие выход. Я справился чуть ли не с половиной, как вдруг из-за моей неловкости (орудовать на ощупь было непросто) тяжелая цепь с висячим замком брякнулась о голый пол с таким грохотом, что, казалось, он разнесся эхом по всему дому. Я замер на месте. Поспешно снять все болты и задвижки и мгновенно выскочить наружу мне бы не удалось.

Не в силах шевельнуться, я ждал решения судьбы. Однако к немалому моему изумлению, из гостиной, чтобы меня сцапать, никто не явился. Я заключил, что поднятый мной шум вовсе не был столь страшен, как мне показалось, но тут до моих ушей донеслось слабое шуршание: похоже, где-то возилась крыса. Я на какое-то время перестал дышать: шорох не повторился, и я счел безопасным вновь приняться за работу, одолел последние засовы и протиснулся за дверь.

Мгновение – и меня охватил стылый ночной воздух. Я прикрыл за собой дверь в надежде, что мой побег останется незамеченным возможно дольше, и припустил вперед по ухабистой дороге, поминутно оглядываясь. На углу этой призрачной улицы я оглянулся в последний раз – и мне почудилось, будто дверь распахнута, а на крыльце стоит невысокая фигура. В сумраке трудно было удостовериться, не тень ли это, и я поспешил завернуть за угол.

Оказавшись на порядочном расстоянии, я остановился, чтобы надеть башмаки. Подняв глаза, я увидел перед собой деревянную дощечку с надписью: «Данный участок земли арендуется для застройки. Обращаться к мистеру Холдиманду, “Вест-Лондон-Билдинг-Компани”». Это была та самая компания, что обманула Дигвидов; она же, я не сомневался, была замешана в спекуляциях, разоривших матушку! Возможно, дом, который я только что покинул, входил в число тех, куда она вкладывала капитал! Совпадений все больше! Впрочем, размышлять над ними было некогда, и я прибавил шаг.

Глава 68

Идя на северо-восток, я скоро миновал пустые улицы этой полузастроенной местности, пересек Воксхолл-Бриджроуд, почти пробежал по Рочестер-роу и с облегчением нырнул в знакомые тесные переулки вокруг Пай-стрит и Орчард-стрит в Вестминстере. Поначалу я то и дело оглядывался: раза два мне померещилась фигура в тени, которая тут же застывала на месте, но теперь – даже в столь ранний час – улицы становились все многолюдней, и оборачиваться было бесполезно.

Проходя через Сент-Джеймс-Парк, представлявший собой в те времена топкое пространство с разрушенным китайским мостиком через голландский канал, я поминутно вертел головой, но мог разглядеть только смутные тени женщин – жалких существ с такими болезненными лицами, что заниматься своим ремеслом они могли только в полумраке неосвященных парков.

Куда мне направиться – я не придумал, но интуитивно понимал, что безопаснее всего раствориться в столичной толпе. Оставив по левую руку от себя заброшенную громаду дворца Карлтон-Хаус, уже пять лет ожидавшую сноса, и обойдя кругом площадку, где у старых Королевских конюшен напротив Нортумберленд-Хаус строилась новая обширная площадь, я упорно держал путь навстречу оранжево-розовому рассвету, встававшему впереди над Сити – красивому, но и внушавшему беспокойство как предвестие похолодания.

Хотя я и радовался тому, что вырвался из дома с опасными обитателями, я сознавал, что положение мое отчаянное. Я чувствовал голод, в кармане не нашлось бы и пенни, от обмена одежды на более дешевую вряд ли удалось бы что-либо выручить, а без верхнего сюртука и башмаков в декабрьскую стужу никак не обойтись. Приют для бездомных на Плейхаус-Ярд, принимавший на ночлег, только когда начинало подмораживать, вероятно, был сейчас открыт, но требовалось раздобыть входной билет.

Непонятно как, но, когда взошло бледное солнце, я очутился на промозглой и шумной небольшой площади возле тюрьмы Флит, куда сопровождал матушку месяц с лишком тому назад. Дата помнилась мне хорошо – зловещее 13 ноября, но какой день был сегодня, я в точности сказать не мог. Глядя на уродливый продолговатый холм, под которым лежала матушка, я гадал, скоро ли окажусь там рядом с нею. Однако от этих раздумий меня вскоре отвлекли мысли о предстоящих мне задачах. И к полудню с трудом я заставил себя покинуть это место.

Весь день я бесцельно блуждал по морозным улицам, дрожа от холода и прихрамывая: ноги были мучительно стерты башмаками неподходящего мне размера. Я не в силах был заставить себя просить милостыню, но стал пристально вглядываться в прохожих, чьи лица казались мне добрыми. Никто из них, впрочем, не остановился, чтобы предложить мне денег: мне сделалось ясно, что в окружении назойливых и опытных нищих в расчете на благотворительность нужно обратиться с прямой просьбой о ней, а вот к этому я никак не мог себя принудить.

Я перебрал в памяти людей, к кому можно было бы обратиться за помощью: миссис Фортисквинс и Момпессонов явно следовало исключить. Они мне не помогут, да я скорее бы умер, нежели о чем-то стал их просить. Мисс Квиллиам, от воли которой мало что теперь зависело, была в Париже. Раскусив Барни, я понимал, что встреча с миссис Дигвид не сулит мне ничего хорошего, даже если бы я ее отыскал. Оставался только Генри Беллринджер, но мне было известно, как он сам бедствовал, и идти к нему мне тоже не хотелось. Итак, больше некого было назвать, но решил бы я направиться к мистеру Эскриту? Помня о том, как он принял матушку, мог ли я нарушить ее прямой запрет? Так или иначе, где находится нужный дом, я не знал.

Ночью я пытался устроиться спать в дверных нишах и на ступенях домов на Друри-лейн, но меня всюду с руганью изгоняли тумками. Наутро, доведенный до отчаяния, опасно оглядываясь по сторонам, не видно ли поблизости полицейского или сторожа, я начал с протянутой рукой просить милостыню у прохожих. И уже минуту-другую спустя ко мне по тротуару направился воробьиным прискоком калека, ноги которого болтались между костылей. В нескольких шагах от меня он оперся на один костыль и, прежде чем я угадал его намерение, нацелился другим мне в лоб. Я увернулся и получил болезненный удар по плечу.

– Эй ты, я этот участок купил, – выкрикнул он. – И плачу взнос за то, чтобы тут работать. Пошел вон!

Пробуя побираться, я уже сталкивался с подобным обращением и вполне уяснил, что все приличные улицы распределены между полицейскими и сторожами и сдаются ими в поднаем.

– Ступай-ка в Гардинг, – бросил мне пешеход, заметив, как меня толкнула плотная женщина в лохмотьях. – Мальчикам вроде тебя там самое место. – Видя мое недоумение, он добавил: – Коммон-Гардинг.

Я последовал совету прохожего и добрался туда в сумерках. Дневная торговля закончилась: народ с рынка прибирал за собой и понемногу разбрелся, на перевернутых корзинах сидели две-три старухи и лушили горох. Всюду валялись следы ведшейся торговли – солома, стружки, сломанные ящики и прочий мусор; оборвыши шныряли в поисках гнилых овощей и фруктов. Когда я к ним присоседился, они велели мне проваливать, но один из них – немного младше меня, с изувеченной, бессильно висевшей рукой – за меня заступился.

Меня перестали замечать, и мне удалось подобрать пару яблок и помидор, на вид довольно съедобных. Вдруг мои партнеры замерли, а потом кинулись врассыпную.

Мальчишка, выказавший мне дружелюбие, крикнул:

– Драпай отсюда! Смотритель идет!

Завидев, как за рядом прилавков показалась внушительная фигура смотрителя рынка – в треуголке, с золотыми эполетами и с жезлом в руках, – я вместе со всеми пустился наутек.

Забежав в соседний проход, я потерял их из виду, но тут из-под пустого прилавка высунулась голова, и чей-то голос прошипел:

– Давай сюда.

Я нырнул под прилавок и зарылся в солому. Мой спаситель был тем самым мальчишкой с изувеченной рукой: пока мы лежали в укрытии, дожидаясь ухода смотрителя рынка, он сообщил мне, что зовут его Льюк.

– Давно ночуешь на улице? – спросил он.

– Несколько дней. А ты?

– Давно – уж и не упомню, сколько. С той поры, как удрал от хозяина. На три месяца, правда, меня засадили и два раза к тому же хорошенько выпороли – за то, что стянул две булочки и восемь печенюшек из кондитерской на Бишопсгейт. Это когда я жил на кирпичном заводе возле Хэрни. А еще раньше снимал немеблированные комнаты под арками моста Ватерлоо, но там не очень-то уютно.

– А где твои родители? – поинтересовался я, как только мы осторожно выбрались наружу и снова принялись разыскивать еду.

– Да я о них ничего и не знаю. Помню только, что служил помощником трубочиста в Ламбете. Все бы ничего, хотя дымоходы бывают жуть какие узкие, да вот хозяин умер – и меня с клиентами забрал к себе его сын. А он пьянчуга – и ни шиша в нашем ремесле не смыслит. Обращался со мной хуже некуда. По ночам я свечки грыз. Как-то стал меня бить – и руку мне сломал, вправить мне ее не вправили, и теперь толку от нее нет. Я терпел-терпел – и дал от него деру.

Я в ответ рассказал ему немного о себе, не умолчав о том, что за душой у меня ни пенни.

– Спорим, за это кое-что я бы выручил. – Льюк указал на кольцо, подаренное мне Генриеттой.

Усомнившись в этом, я предупредил Льюка, что цена кольцу пенс-другой, и без особых сожалений отдал кольцо в обмен на ломоть хлеба. Льюк исчез, и – не надеясь его больше увидеть – я снова занялся поисками еды, в чем преуспел мало. К полуночи, когда многие из возчиков и торговцев, явившихся из деревень, устроились спать под своими тележками – иные укрывшись одеялами и сюртуками, я стал раздумывать, где бы провести ночь, и тут кто-то дернул меня за рукав: это оказался Льюк, ухмылявшийся во весь рот.

– Ага, нашелся! – Он протянул мне два мясных пирожка и пару свиных колбасок.

– Так ты продал кольцо? – спросил я, беря пирожок. – Кому?

Льюк кивнул и куснул пирожок в знак того, что разговор на время откладывается. Когда мы поели (оставив колбаски на завтрак), Льюк предложил найти бесхозную тележку для ночевки.

– А нам не будет холодно?

– Мне не бывает холодно. Я обертываюсь «Тайзером». Другие газеты годятся меньше. – Льюк окинул взглядом раскиданные по земле газеты и подобрал одну: – Я распознаю «Тайзер» по кошке и лошади.

Я озадаченно всмотрелся в первую страницу и обнаружил наверху изображение льва и единорога. Примеру Льюка я последовал, но даже «Морнинг адвертайзер» не спас меня от бессонной ночи. Мысли терзали меня злее холода. Если мне предстоит такая жизнь, то лучше вовсе не жить. И все же я должен жить ради восстановления справедливости и наказания врагов. Генри Беллринджер – такой же бедняк, как я, – оставался моей последней надеждой. Сейчас, на краю голодной смерти, я наверняка вправе просить его о помощи?

Едва над темным куполом собора Святого Павла занялся туманно-бледный рассвет, я одолел сомнения, попрощался с Льюком и, на ходу поедая завтрак, направил стопы к жилью Генри.

На углу Чансери-лейн и Керситор-стрит я завидел знакомую фигуру. «Джастис!» – окликнул я, и старик повернул в мою сторону слепое лицо, словно животное, нюхом ищущее себе дорогу.

Он не изменился, разве что через плечо у него была перекинута кожаная сумка и отсутствовал поводырь.

Когда я подошел к нему, старик улыбнулся:

– Узнал вас по голосу, мастер Джон. Великое благо дает слепота тем, кто долго лишен зрения, – вроде меня.

Вспомнив слова, подслушанные от людей Барни, я спросил:

– А вы всегда были слепы, или же вас ослепили ребенком – чтобы сделать нищим?

– Это так говорят? Нет, на самом деле я потерял зрение в тюрьме – от лихорадки, темноты и плохой еды. Надзиратели дали мне прозвище «Блайнд Джастис» – дескать, я слеп как правосудие.

– Правосудие не слепо, – порывисто возразил я, расстроенный его признанием. – У правосудия завязаны глаза – показать, что оно беспристрастно.

– Да? – с мягкой улыбкой переспросил старик.

Неожиданно мне вспомнилось, как мистер Пентекост рассказывал мне, что старый нищий пожертвовал зрением за свои принципы: согласовать оба эти объяснения казалось мне делом затруднительным.

– А как вы теперь поживаете? Где Вулф?

– Ради него и побираюсь. – Джастис показал на сумку. – Каждый день обхожу людей, которые и меня, и его знают, и они нет-нет да и наскребут крох для старой псины. Вулф умеет будить в душах лучшие чувства. – Он замолк и, как ни дико это звучит, пристально

меня оглядел – я готов был в этом поклясться. – Вам, видать, любопытно, за что меня посадили. Что ж, раз вы в дружбе с мистером Пентекостом, я тебе расскажу. В молодости – а это, считай, лет тридцать с гаком тому назад, войны с Францией тогда только-только начинались – я, в числе других молодых парней, по большей части ремесленников и подмастерий вроде меня, состоял в обществе радикалов. Что мы делали? Да всего лишь собирались вместе и толковали о том, как поднять восстание по примеру французов. Но среди нас затесался правительственный шпион – джентльмен, который тоже выставлял себя радикалом. По правде говоря, еще радикальнее радикалов. Может, он им и был, да вот испугался того, что наделал. Откуда знать, почему человек поступает именно так? Ему подчас и самому невдомек. Как бы там ни было, по доносу нас схватили, а Тайный совет вынес нам приговор за государственную измену. Все, что доносчик сказал на суде, было сплошной ложью, но ему поверили. Двоих из нас повесили, а остальных отдали в матросы – то есть сослали на каторгу. Меня отправили в Халкс в Грейвзэнде на семь лет, но отпустили через три года из-за потери зрения. Но чуднее всего, юноша, вот что: сдается мне, слышал я голос этого предателя совсем недавно. Как раз когда встретил вас на улице с мистером Пентекостом.

Я онемел. Теперь слова мистера Пентекоста о принципах старика сделались мне понятны.

– Мистер Пентекост, я слышал, умер, – пролепетал я.

Старик, вздохнув, покачал головой:

– Добрее человека я не знал.

– Где вы сейчас живете?

– Сказать по правде, постоянно – нигде. Плачу кое-когда двухпенсовик за ночевку, а чаще под открытым небом располагаюсь. Ну а вы-то обеспечены, устроены? И вы, и матушка ваша?

– Да, – подтвердил я и, во избежание дальнейших расспросов, поспешил добавить: – Вот, возьмите это для Вулфа. Тут половина свиной колбаски.

Джастис, помявшись, тихо проговорил:

– Не могу вам врать, мастер Джон, хотя бы ради мистера Пентекоста. Нет больше старины Вулфа.

Я, все еще протягивая ему колбаску, не сразу собрался с ответом:

– Все равно возьмите.

Джастис взял колбасу, мы распрощались – и я двинулся в сторону Барнардз-Инн. На этот раз быстро прошмыгнуть мимо сторожки мне не удалось, из нее выскочил привратник и ухватил меня за воротник:

– Куда это ты, малец, наладился?

– Мистер Генри Беллринджер – мой друг. Я собираюсь его навестить.

– Ах, вон оно что! Мистер Генри Беллринджер – твой друг, и ты не прочь его навестить, – передразнил меня привратник, изрядно встряхнув. – А ты, приятель, сперва докажи мне, хочет ли он тебя видеть. А может, ваша милость соизволит послать визитную карточку?

– Не передадите ли вы ему, что...

– Ты что, воображаешь, я стану от тебя послания передавать? Умишком слабоват?

– Но кто же передаст?

– Я тут один. Но сегодня четверг, так? Попозже к нему прачка заявится. Вот она и передаст, если захочет.

Мне пришлось занять пост на холоде, а привратник время от времени поглядывал на меня через оконце сторожки, сидя у камелька с газетой в руках.

Часа через два прибыла жутковатая старуха с громадной бельевой корзиной на голове. Из-под грязного чепца у нее выбивались рыжеватые космы, а зубами они сжимала коротенькую трубку.

- Вот кто тебе нужен, – проговорил привратник, выглянув из оконца.
- Вы не сообщите обо мне мистеру Беллринджеру?
- А что мне от этого перепадет? – недоброжелательно покосилась на меня прачка.
- У меня ничего нет. Но я уверен, мистер Беллринджер будет вам благодарен.
- Он-то? – фыркнула прачка. – Кроме благодарности, я вряд ли чего от него дождусь.

Ладно, и что надо сказать?

- Передайте, пожалуйста, мистеру Беллринджеру, что его хочет видеть друг Стивена – Джон.

Прачка слегка кивнула и вошла в дом.

Я ждал и ждал: время тянулось, становилось все холоднее. Я расхаживал взад-вперед по тротуару напротив сторожки, обхватывая себя руками, чтобы согреться.

Наконец старуха-прачка показалась в дверях.

– Что, ты все еще ждешь?

– Что он сказал?

Прачка, оглядев меня, объявила:

– Его нет. Взял и уехал.

– Давно?

Прачка и привратник, ухмылявшийся из оконца, переглянулись.

– Откуда мне знать? Вроде бы несколько недель прошло, – кинула она мне через плечо, удаляясь с корзиной на голове.

Привратник приоткрыл оконце:

– Ну, что я говорил? Зря потратишь время, если снова придешь.

Я поплелся вдоль улицы, сам не зная куда. Близился вечер, летел снег. О том, чтобы коротать еще одну ночь голодным, без крова, и помыслить было страшно, но в сознании у меня, хотя и спутанном, четко вырисовался один план. Судьба, преградив мне все другие пути, силой толкала меня открыто пренебречь недвусмысленным предписанием матушки: все вынуждало меня отправиться в старый дедушкин дом и положиться на милость мистера Эскрита. В конце концов, я не давал ей слова, что не поступлю так. Вопрос сводился к тому, как этот дом найти.

Собрав остаток сил, я зашагал на запад, к Чаринг-Кросс. Несмотря на стужу, вечер выдался погожий: закатное солнце у меня перед глазами окрашивало яркую голубизну неба бледноватым пурпуром; оно прорывалось сквозь тонкую сеть облаков, темных в центре и светлевших лишь по краям. Окружающие здания были поэтому подернуты прозрачно-серо-ватой туманной дымкой, и я различал только их контуры.

Я оказался на Нортумберленд-Корт – узкой улочке с небольшими домиками, втиснутой между садовыми участками Нортумберленд-стрит с одной стороны и стеной громадного особняка с другой. Размеры домиков мало соответствовали матушкиным описаниям дедовского дома. Помня по карте, что по одну руку здесь должны находиться дворики, я миновал внушительное здание времен короля Якова и проник в узкий проход между двумя высокими старинными домами. На Тринити-Плейс, куда я попал, помещались убогие сооружения, состоявшие из отдельных жилищ. Пройдя дальше, я увидел перед собой дворик, окруженный задами домов на Тринити-Плейс и Чаринг-Кросс, однако фасадом ко мне был обращен большой дом, стоявший здесь, казалось, задолго до того, как были построены остальные. Перед домом была загородка, а пространство позади занимала живодерня: судя по доносившимся запахам, дом использовали для топки сала. Хотя в остальном увиденное отвечало моим ожиданиям, вестибюля дом не имел. Вокруг никого не было видно: только у выступа дома стоял какой-то человек в лоснящейся шляпе и лениво покуривал трубку с длинным чубуком.

Удрученный, я пошел навстречу ему, а потом завернул за угол дома. И вдруг заметил перед собой на задней стене большого дома в соседнем дворе два вырезанных из камня уродливых лица, явно пострадавших от времени. Мне вспомнились слова матери о каменных изваяниях в Митра-Корт: она спутала их с изображениями близ отцовского дома. Да, она имела в виду именно это место! Я повернул направо – и передо мной вырос второй большой дом, заслоненный первым. У него был вестибюль!

Вконец обессиленный, я едва сдерживал слезы при виде здания, в котором, по моим понятиям, произошло столько событий. Дом – высокий, вытянутый в длину – обветшал; от двора его отделяло проржавевшее ограждение; окна где были закрыты ставнями, где стояли с выбитыми стеклами; водосточные желоба покосились, у подножия стены лежали рухнувшие черепицы.

Я подошел к входной двери, выдававшейся вперед благодаря вестибюлю, забитые окошечки которого покрывал слой саж. Краска на двери пожухла и облупилась, так что виднелись голые доски. В огромную замочную скважину я мог бы свободно засунуть все свои пальцы, а выше находилось отверстие, также обрамленное металлической пластиной, которое я принял за глазок. На медной табличке имелась надпись, стертая почти до неразличимости – «№ 17»: мне она ничего не говорила. Тяжелый железный молоток был в форме знакомой мне четырехлепестковой розы. Сомнений не оставалось: именно этот дом я и искал!

Я поднял молоток и опустил его на дощечку. Гул от удара разнесся, казалось, по всему двору. Я подождал, но ничего не произошло. Ударил снова – с тем же результатом. С возрастающим отчаянием я продолжал колотить в дверь, вспомнив, как матушка подолгу не выпускала молотка из рук.

Наконец я услышал – или это мне почудилось – слабый шорох. Глазок как будто бы приоткрылся, но, заглянув в него, я ничего не увидел.

Тогда я шагнул вплотную к двери и заговорил, не выбирая слов, которые вырвались у меня сами собой:

– Меня зовут Джон Клоудир. Я – сын Мэри. Моя матушка умерла. За душой у меня нет ни пенса. Прошу вас, помогите мне.

Последовало молчание, затем крышка глазка очень медленно вернулась, как мне показалось, на прежнее место. Я ожидал, что дверь откроется, но она оставалась неподвижной.

Не знаю, как долго я простоял в ожидании – думаю, очень долго, – прежде чем уяснил, что дверь и не собираются открывать. Впадая в полубредовое состояние, я не вполне отчетливо воспринимал происходящее.

Помню, что бурно негодовал на такое пренебрежение к себе – иного слова у меня и не находилось. Нарушив последнюю волю матушки, я был готов столкнуться с подозрительностью, обидой, оскорблениями, открытием новых ужасных тайн, с опасностью для жизни, наконец, но полного равнодушия я никак не ожидал. У меня было чувство, что мистер Эскрит – а это он, как я полагал, стоял за дверью, просто не имел права не пускать меня в дом, которым наше семейство владело столь долго.

Помню, что молотил по двери, пока не изранил кулак. Наверное, и кричал – хотя понятия не имею, что именно, а потом, прижавшись всей тяжестью к двери, плакал до тех пор, пока не обессилен, не соскользнул на верхнюю ступеньку крыльца и не прижался к двери затылком.

Повалил густой снег: снежинки усеивали мне волосы, падали на курточку. Воображение у меня разыгралось: я усматривал поразительно уместное совпадение в том, что должен дожидаться смертного часа у двери дома, куда Господь явился навлечь на дедушку столь суровую кару, и набросил тем самым Свою тень на жизни отца, матушки, а следовательно, и мою. Линия Хаффамов, решил я, прекратится здесь. Замысел получит завершение.

Глава 69

Мне уже не узнать, сколько минут или часов просидел я, скорчившись, среди кружившего белого марева, бесчувственный к холоду, забыв об изнеможении, с единственным желанием уснуть, чтобы больше не просыпаться, но постепенно я начал ощущать, что за мной наблюдают. Передо мной стоял мальчишка примерно моих лет, глядевший на меня с любопытством и как будто с участием.

– Ты, похоже, совсем выдохся, – проговорил он.

У меня не нашлось сил даже кивнуть в ответ.

– Есть хочешь?

Он шагнул ближе и вынул из кармана булочку за пенни. Я не шевельнулся, и он поднес ее мне к самому носу, чтобы я почуял дразнящий запах свежеспеченного хлеба. Я безотчетно протянул к булочке руку и жадно запихал ее себе в рот – сухой и воспаленный настолько, что жевать и глотать было непросто.

– Ну и ну, – прокомментировал мальчишка, – здорово же ты проголодался! И, поди, не впервой уже тут ночуешь?

Я молча кивнул: говорить было слишком трудно.

– А сегодня где собираешься устроиться?

Я неопределенно мотнул головой.

– Деньжат у меня нет, – продолжал мальчишка, – но я знаю, куда можно пойти. Там тепло, постели настоящие и харч найдется.

При этих словах мне стал представляться сон наяву, подобный описанным в арабских сказках. В смутном, почти одурманенном состоянии мне казалось, что нужно только оставаться на месте, а все эти чудеса явятся сами собой. Незачем пускаться куда-то на поиски, как это мне предлагают. Все это – сплошной обман. Я умнее и лучше знаю жизнь, чем этот мальчишка. Пусть он садится рядом – будем ждать вместе.

– Монеты он и не спросит, – настаивал мальчишка. – Делает это из милости.

Я покачал головой.

– Верно тебе говорю, – не отступался мальчишка. – Он друг беднякам. Я сейчас к нему. Пошли вместе – сам увидишь.

У меня сил не было пальцем пошевелить.

– Пошли, – повторил мальчишка и встряхнул меня за плечо. А мне сделалось уютно и хорошо: муки голода унялись, и даже зябнуть я вроде бы перестал.

– Идем! – непреклонно заявил мальчишка и принялся дергать меня за руку.

Его явно сердило мое упрямое нежелание позаботиться о собственном благополучии. Он заставил меня подняться на ноги: и в самом деле, легче было ему уступить, нежели сопротивляться, легче стоять, нежели снова упасть в снег. Крепко вцепившись мне в руку, мальчишка потащил меня на улицу. Я волокся за ним, недоумевая, чем его заинтересовал, и, возмущаясь, что он меня растолкал, когда мне стало так спокойно и хорошо.

Ступая не в ногу, мы очутились в мире, внезапно притихшем: выпавший снег приглушал шаги редких прохожих и даже стук копыт и громыханье немногих повозок. Казалось, во всей вселенной нет больше ничего, кроме моих шагов и тихого падения снежинок.

Чутьочку погода мальчишка отпустил мою руку, и теперь я брел рядом, но он поминутно оглядывался, желая убедиться, что я не отстал. Улиц, по которым мы шли, я не узнавал: не без удивления догадывался только, что направляемся мы от реки в северную часть столицы.

Мальчишка меня обогнал и остановился, поджидая меня.

– Нам еще топать и топать, – сказал он. – Осилишь?

Я кое-как кивнул.

– Тебе бы подзаправиться надо. Жаль, у меня в кармане пусто – что было, тебе отдал. Слушай, заглянем по пути к кому-нибудь.

Я отрицательно замотал головой: случись нам угодить к нелюбезному хозяину – и сторож отправит нас в каталажку.

– Брось трепыхаться, – успокоил меня мальчишка, заметив мою встревоженность, – в беду мы не попадем. Я всегда выбираю подходящий дом. И ни разу не промахнулся.

Пререкался я был не в силах – и мы двинулись дальше мимо домов, к которым мой спутник внимательно присматривался и все отвергал. Теперь мы забрели в новоотстроенный район южнее и западнее Излингтона с его изысканными улицами и площадями. Во многих окнах горели высокие белые свечи, обвитые зеленью. Двери были украшены ветвями лавра и остролиста, не раз мы видели, как из повозок разгружали корзины с провизией.

Пока я волочился за моим новым другом, все окружающее – снег, стужа, голод, усталость, упрямый мальчишка, заманивающий ласковой встречей в незнакомом доме, – смутно напоминало мне о чем-то похожем, что либо происходило со мной в далеком прошлом, либо я слышал об этом или же прочитал в книге. Однако я был в таком состоянии, что не мог отличить действительность от вымысла и путал сон с воспоминаниями. Потом мне подумалось, что я, должно быть, припоминаю рассказ Сьюки о «привидении»: этот мальчишка был моим другим «я» и явился, чтобы повести меня на смерть. Но эта мысль не внушала мне ни тревоги, ни ужаса.

Наконец мальчишка замедлил шаг у дома на богатой улице, который, на мой взгляд, ничем среди других не выделялся. Поравнявшись с ним, я увидел, что он смотрит через оградку на окна комнаты в нижнем этаже, едва над нами возвышавшемся. Шторы, невзирая на поздний час, не были задернуты, комнату заливал яркий свет, и вся отчетливо представшая моим глазам картина напоминала сцену, хотя подобное сходство и не могло тогда прийти мне в голову, поскольку до того бывать в театре мне не доводилось. Сходство усиливалось еще и тем, что чувства мои были расстроены и я воспринимал все с особой остротой. Передо мной за обеденным столом сидело веселое любящее семейство; добродушные родители, нарядно одетые, сидя напротив друг друга, нежно любовались молодежью – очевидно, своими детьми: юная девушка и мальчик, двумя-тремя годами меня младше, обменивались улыбками.

Стол был беспорядочно уставлен разными вкусностями. Середку занимали остатки жареного гуся, а на буфете в глубине комнаты дожидались своей очереди фруктовые пирожные, сладкий крем, желе, апельсины, каштаны и фрукты из оранжерей. В эту самую минуту отворилась дверь, и миловидная пожилая женщина в опрятном белом платье внесла пылающий сливовый пудинг, который торжественно подняла над столом. Следом за ней появилась молоденькая служанка с дымящейся чашей пунша на серебряном подносе. Все присутствующие радостно заулыбались и от восторга захлопали в ладоши. Меня заворожил плясавший над пудингом язычок таинственно-голубого пламени. И тут я заметил висевшие под потолком веточки остролиста и омелы. Ну да, конечно же, сегодня – Рождество! На меня нахлынули воспоминания о прошлых рождественских Сочельниках, и не то под их действием, не то под влиянием голода голова у меня закружилась так, что пришлось ухватиться за оградку.

Когда пудинг со всеми церемониями водрузили во главе стола, отец семейства встал, направился к противоположному его концу и поцеловал супругу. Затем оба родителя расцеловались с детьми, их примеру последовали и брат с сестрой, после чего отец вернулся на свое место и принялся резать пудинг.

Мы с моим спутником, стоя в морозной тьме, обменялись долгим взглядом. Потом мальчишка взошел на крыльцо и, к моему удивлению, вместо того чтобы позвонить в колокольчик, потянул рукоятку около входной двери. Голова у меня кружилась все больше, но с улицы я все же увидел через окно, как члены семейства удивленно переглянулись, словно

недоумевая, кто из друзей мог бы нагрянуть к ним в этот праздничный час. Видеть, что происходит в комнате, мне становилось все трудней: по краям ярко освещенного окна появились темные тени.

Повернув голову, я увидел, что дверь открывает служанка постарше, и услышал, как она говорит с мальчишкой, но слова их мне было никак не разобрать. Я заметил, что оба бросают взгляды в мою сторону. Что дальше – не помню: свет в окне внезапно для меня померк, и гигантская черная волна накрыла меня с головой.

Прошло, должно быть, какое-то время: могу сказать только, что, очнувшись, оказался лежащим на снегу, а надо мной склоняются встревоженные незнакомые лица. Впрочем, незнакомыми лица были не все: я узнал семейство, за которым наблюдал через окно, – отца и мать, дочь и сына, а также служанок. Хозяйка дома и ее дочь набросили на плечи шали, а все прочие были в той же одежде, что и дома: их засыпал густой снег. Где-то за их спинами маячил и мой спутник, который меня сюда привел.

– Несчастный малыш, он, кажется, умирает от голода, – с состраданием проговорила мать.

– Да, – подхватила девушка. – Бедняжка, он совсем замерз. Поглядите-ка, как он плохо одет.

– Нужно как-то ему помочь, – сказала мать. – О, да ведь он немногим старше нашего Николаса. Что бы такое для него сделать?

– Внесем его в дом, – вмешался отец. – Нельзя оставлять его тут на погибель. Особенно в такой день, как сегодня.

Я старался держаться, но от слабости глаза мои невольно сомкнулись. Меня осторожно подняли и понесли к крыльцу. Открыв глаза, я увидел, что несут меня отец и старшая служанка. У входной двери я оглянулся и увидел, что мальчишка, меня сопровождавший, стоит у подножия крыльца и как-то странно на меня посматривает. Не то с тоской, не то с завистью: ведь меня заберут туда, где тепло и сытно, а он останется брошенным на холоде? Но нет, выражение его лица было другим.

– Благодарю вас, – проговорил я. – Благодарю. – Потом взглянул на хозяина дома: – Пожалуйста, пожалейте и этого мальчика. Он привел меня сюда. У него тоже ничего нет.

– Не тревожьтесь, – ответил мне отец семейства. – Он будет вознагражден.

– Спасибо, что привел меня сюда, – обратился я к своему проводнику.

Тот не сводил с меня глаз, но вид его казался мне загадочным.

– Я загляну попозже тебя навестить. Если, конечно, смогу, – быстро проговорил он.

Не успел я ответить, как меня внесли в дом, затем через холл в ту самую комнату, которую я видел через окно, и уложили на софу. Меня вновь охватила слабость; помню только, что вокруг меня хлопотало множество заботливых рук, а взволнованные лица выражали участливость. Мне дали отхлебнуть глоток подогретого вина, укрыли пледами, на мой лоб легла прохладная рука, а к губам приблизили чашку – по-видимому, с бульоном, горячим и крепким. Но я не в силах был его даже попробовать: столь внезапная перемена обстановки, обилие тепла и света, гул разговоров – все это необычайно на меня подействовало. Я снова лишился чувств: на этот раз словно провалился в бездонный колодец.

Глава 70

Далее долго длился смутный и странный период, когда грезы наяву невозможно было отличить от снов, а и те и другие – от того, что со мной происходило в действительности. То я глубокой ночью ехал в карете; то метался по палубе корабля, застигнутого штормом; то пробирался по снегу с кем-то, кто сначала оказывался моей матушкой, а потом не моей, но все же чьей-то; то вновь обнаруживал себя в зловонной комнате, где матушка умерла; и всюду меня преследовал страх чего-то ужасного, что либо случилось, либо должно случиться, либо совершается сию минуту. Порой я сознавал себя лежащим в постели в небольшой комнате с камином, однако временами огонь столбом выплескивался на меня через решетку и превращался в бушующий пожар, и мне приходилось бежать по дымным улицам пылающего города, спасаясь от длинных языков пламени.

Когда бы я ни пробуждался, надо мной постоянно, казалось, были склонены внимательные лица; чьи-то руки легонько гладили меня по щеке или поправляли постель. Многие лица я узнавал. Не раз мне улыбалось лицо матери, но его тут же искажала страдальческая гримаса. Иной раз из темноты – будто в театре, где яркими вспышками загораются огни рампы, – выплывали лица миссис Фортисквинс, мистера Барбеллиона, мисс Квиллиам или сэра Персевала и многих других, превращались одно в другое и вновь исчезали.

Часто мне являлось семейство, радушно принявшее меня под свой кров, но это явление неизменно сопровождалось одной странностью – их лица, глядевшие на меня, принимали образы животных: нос отца выпячивался и утолщался, ноздри сплющивались и делались плоскими отверстиями свиного рыла. Глаза девушки суживались в тонкие щели, затененные густыми черными бровями, а бледность лица напоминала холодную белизну мрамора.

Неоднократно наносил визиты доктор. О его профессии я догадывался по его взгляду, едва только он брал меня за запястье. Бездушно-жесткое лицо доктора внушало мне страх, а в особенности испугала улыбка, едва тронувшая его губы, когда он оглянулся на меня во время разговора с супругами.

То и дело мне представлялось, что в комнате толпятся другие люди. Из трущобы явилась Лиззи с подносом и оборотилась затем старшей служанкой. Над моей постелью склонился мистер Квигг, но я тут же опознал в нем хозяина дома. Однажды я проникся уверенностью, будто вместе с ним и его дочерью в комнату вошел мистер Степлайт (то есть, как я знал, мистер Сансью): все трое, глядя на меня, закивали головами и с улыбкой переглянулись. В другой раз вокруг моей постели закружился целый хоровод: леди Момпессон вальсировала с мистером Биглхоулом, бейлифом, Барни вел миссис Первиенс в кадрили, а мистер Избистер наяривал на скрипке. Не всех в толпе танцующих я мог распознать, шум делался все оглушительней, пока кровать, как мне почудилось, не оторвалась от пола и не поплыла на середину комнаты, и больше я ничего уже не помнил.

Самым реальным из воображавшихся мной персонажей, как я решил впоследствии, был отвратительный старикашка в обществе юной дамы, который ухмылялся и похлопывал себя по бокам. Взмахивая руками и ковыляя тощими кривыми ногами в тесных панталонах под раздутым брюшком, он жутким образом напоминал мне громадного пятнистого паука – в особенности тем, что разгуливал по комнате с видом злобного торжества.

* * *

Но однажды утром, проснувшись, я почувствовал, что выздоровел. Лежал я на благоухающих лавандой простынях, в уютной комнатке; над головой у меня висел мешочек с камфарой, а в камельке весело потрескивал огонь, там же на совке подогревался уксус. Именно

эта комната представлялась мне в моих жутких бредовых видениях. На стуле у камелька сидела молодая девушка и читала книгу.

Чуть погода она обернулась и, увидев, что мой взгляд больше не затуманен лихорадкой, воскликнула:

– Слава богу, вы пришли в себя!

Девушка показалась мне очень красивой: у нее было бледное лицо, голубые глаза, а блестящие черные волосы колечками спадали на отворот утреннего муслинового платья.

– Да, – отозвался я. – Думаю, я теперь поправился.

– Мы так за вас волновались, – проговорила девушка, пересаживаясь со стула на край моей постели.

– Вы так добры. Но скажите, почему вы так заботливо отнеслись ко мне – я ведь вам совсем незнаком?

– Нужны ли причины для того, чтобы проявить благотворительность? – с улыбкой спросила девушка. Заметив, что я собираюсь заговорить, она сказала: – Тише-тише, берегите силы. Отложим все расспросы на потом. Скажите мне только, как вас зовут.

– Джон, – сказал я, а потом добавил: – Или Джонни.

– И это все? – улыбнулась девушка.

Я еще недостаточно окреп, чтобы поразмыслить над тем, что именно намерен рассказать этим добрым людям о себе и о своей истории: назвать то или иное имя значило бы сделать выбор – готов я их обманывать или нет.

– Может быть, пока достаточно? Я устал.

– Конечно достаточно.

– А как вас зовут?

– Эмма.

– Красивое имя, – пробормотал я, чувствуя, как мой язык вдруг отяжелел. – А ваша фамилия? – кое-как выговорил я.

– Мой отец – мистер Портьюс.

– Мисс Эмма Портьюс?

– Пожалуйста, зовите меня просто Эмма.

– Эмма, – невнятно повторил я.

– Пospите сейчас, Джонни, – мягко сказала Эмма, но ее слова оказались лишними: сознание меня покинуло.

В последующие дни, стоило мне проснуться, Эмма всегда оказывалась у моей постели; она же кормила меня с ложечки – сначала хлебом, размоченным в молоке с медом, и это постепенно восстанавливало мои силы. Временами ее заменяла мать, но в комнате у меня они дежурили неотлучно: просыпаясь ночью, я знал, что увижу, как кто-то из них, сидя у камелька, читает или вышивает при его ярких отблесках. Меня очень трогало то, что все заботы обо мне они взяли на себя, а не препоручили служанкам. Старшая, Эллен, подавала еду и уносила посуду, и, кроме нее, никто из прочих домочадцев не показывался.

Когда я окреп настолько, что мог подолгу бодрствовать и поддерживать беседу, меня стали навещать и прочие члены семейства. Отец Эммы держался степенно и немногословно: глядя на меня небольшими глазками, он нервно играл пальцами рук, словно подыскивая темы для разговора, однако, несмотря на некоторую его чопорность, я чувствовал, как он старается выразить мне свое расположение и доброжелательность. (Позже Эмма рассказала мне, что он был очень озабочен какими-то трудностями в делах.) Его супруга проявляла ко мне горячее участие и отличалась словоохотливостью, что, признаться, немного меня утомляло. Их сын Николас относился ко мне дружески, но разница в возрасте – он был несколькими годами младше – мешала нам сблизиться, и мое общество быстро ему надоедало.

Особенно по душе мне пришлась Эмма: именно она заглядывала ко мне чаще и оставалась дольше всех.

Дня через два после нашего первого разговора Эмма, подавая мне стакан горячего лимонада с ячменным отваром, заметила:

– Я все еще не знаю вашей фамилии, Джонни.

У меня было достаточно времени обдумать, как ответить на этот вопрос. Мне претила мысль, что придется обманывать людей, которые отнеслись с такой участливостью к совершенному незнакомцу, и я внушал себе, будто нет разницы, как они будут меня называть, поскольку им ничего обо мне не известно. Я доказывал сам себе, что назвать любое имя не означало солгать, поскольку при данных обстоятельствах это не было бы прямой неправдой. Фамилию я выбрал себе сам, и почему бы не назваться сейчас иначе? И все же, несмотря на все мои выкладки, я не мог избавиться от чувства, что отвечу за доброту неблагодарностью.

И, однако, я понимал, что назваться Клоудиром для меня небезопасно: от матушки я слышал, что это имя в коммерческих кругах Лондона не просто хорошо известно, но пользуется дурной славой. Признание родства с Клоудирами вынуждало меня просить этих добрых людей хранить тайну моей личности, а для объяснения того, насколько это необходимо, мне пришлось бы рассказать почти всю свою историю. Именно этого мне и не хотелось – отчасти из-за нежелания ворошить прошлое, отчасти из-за неуверенности, как воспримут мой рассказ слушатели.

На сей раз Эмма не сводила с меня испытующего взгляда.

– У меня в жизни было столько разных фамилий, что я даже не знаю, какая из них настоящая.

– Как таинственно, – откликнулась Эмма. – И что это за имена?

Я замялся:

– Согласны с одним из них – Кавандер?

Я раз-другой воспользовался этим именем, которое запомнилось мне со времени моего бегства с фермы Квигга.

– Вы хотите сказать, – серьезно спросила Эмма, – что это не имя вашего отца? – Заметив, что я невольно нахмурился, и, как я уловил, неверно истолковав причину этого, она поспешила переспросить: – То есть при крещении вам дали другое имя?

Я кивнул.

– Вы мне не доверяете?

– Умоляю вас, не думайте так, – вскричал я в отчаянии. – Вы были так добры ко мне – ко мне, кто не вправе притязать на такое великодушие. Просто если я назвал бы вам свое настоящее имя, мне пришлось бы пуститься в пространные объяснения.

– Так почему бы нет? Вы боитесь, что мне наскучите? Вот уж глупости. – Эмма улыбнулась. – Я охотно выслушаю вашу историю, какой бы длинной она ни оказалась.

– Вы очень добры. – К глазам моим подступили слезы. – Но дело не только в этом.

– А, понимаю, – сочувственно произнесла Эмма. – Какая же я бестолочь и эгоистка! Вам будет тяжело рассказывать. – Она мягко добавила: – Вас предали те, кому вы доверяли, не так ли?

– Да. Отчего вы так сказали?

– Мне кажется, я вам по душе, однако вижу, что вы не уверены, можно ли мне доверять.

– Да, вы мне по душе! – воскликнул я. – И я вам доверяю. Я доверил бы вам свою жизнь. Вы и ваши родители приняли меня в дом и заботились обо мне, хотя я вам никто.

Эмма с улыбкой пожала мне руку:

– Я рада, что пришлась вам по душе. Но позвольте мне вас переубедить, раз уж вы так недоверчивы. На днях вы меня спросили, есть ли причина, по которой мои родители взяли вас в дом. Я вам сейчас отвечу. – Эмма помолчала, и на лицо ее набежала тень. – После моего

рождения и до рождения Николаса у моих родителей был еще один ребенок. Мальчик. Они называли его Дейвид. У него было слабое здоровье и... – Голос Эммы пресекся. – Теперь он был бы примерно того же возраста; я знаю, что они часто о нем вспоминают. Думаю, ради него они поступили так тем вечером.

На прекрасных глазах Эммы заблестели слезы, однако она, пересилив себя, улыбнулась:

– Что, разве это не доказательство себялюбия? Достаточно, чтобы удовлетворить ваш скепсис и мизантропию?

Я порывисто накрыл ее руку своей и проговорил:

– Я плохо отплатил вам за вашу щедрость и великодушие. Я открою вам свое настоящее имя, хотя оно мне ненавистно и мне мучительно его произносить. Это имя – Клоудир.

Мне показалось, будто Эмма вздрогнула.

– Вам оно знакомо?

– Да, я как будто его слышала. Но не более того.

– Пожалуйста, не называйте его никому, кроме ваших родителей. Я объясню, почему прошу об этом, когда окрепну.

– Обещаю. Но не скажете ли мне, если только это не причинит вам боли, где ваши друзья? Родители, прежде всего?

– Отец... не знаю. А моя мать умерла.

– Ох, Джонни! Я очень сочувствую. Это случилось не так давно?

– Да, совсем недавно.

– То есть сколько-то недель назад?

– Почти что так. В ноябре, двенадцатого.

– Это очень печально. Боюсь, я вас расстроила. Но скажите, если можно, где это произошло?

– Здесь. В Лондоне.

– Я хотела спросить, в каком приходе? Где ваша мать похоронена?

Вопрос был задан самым участливым тоном, но мысленно с необычайной четкостью мне представились темная комнатка в душном дворе и промозглое зловонное кладбище.

Вместо ответа я заплакал.

– Ничего-ничего. – Эмма погладила мне руку. – Я спросила по глупости. У нас будет много времени для разговоров, когда вы окрепнете.

Я сжал ее руку в своей. Слезы меня утомили – и, не выпуская ее руки, я уснул.

* * *

Недели две спустя сил у меня заметно прибавилось, и доктор Алабастер, часто меня навещавший, объявил, что скоро мне можно будет встать с постели. Члены семейства бывали у меня по-прежнему, а Эмма проводила в моей комнате большую часть дня: читала мне вслух, беседовала со мной или шила, пока я дремал. Через несколько дней после нашего последнего разговора я сказал Эмме, что могу теперь поведать историю своей жизни, и, хотя мне легче было бы довериться ей одной, нет оснований что-либо утаивать от ее родителей; и мы условились, что она подробно передаст им мой рассказ.

Итак, за неделю с небольшим Эмма узнала от меня почти все (я опустил только кое-какие подробности из жизни матушки): она оказалась замечательной слушательницей, очень чуткой. Я описал свои ранние годы, проведенные с матушкой в Мелторпе, и начало наших финансовых невзгод, возникших, как я пояснил, из-за чрезмерного доверия матушки к своему юристу – мистеру Сансю, который затеял интригу с целью ввести ее в обман.

Я упомянул о кодицилле, унаследованном матушкой от ее отца, и обрисовал его значение для семейства Момпессонов. Описал попытки матушки и мистера Фортисквинса получить от них долг в виде ежегодной ренты с их имения; а мой рассказ о том, какой прием сэр Персевал с супругой оказали матушке, когда мы очутились у них в доме, вызвал у Эммы взрыв возмущения.

Описав наше бегство в Лондон и холодное равнодушие миссис Фортисквинс, а также предательство Биссетт, которая выдала наш тайный адрес бейлифам, я все же не стал вдаваться в подробности нашей жизни с мистером и миссис Избистер и постарался всячески затушевать характер его ночной деятельности. Далее я рассказал о наших попытках зарабатывать себе на хлеб вместе с мисс Квиллиам; наше постепенное полное обнищание; попытку продать кодицилл Момпессонам; недоразумение, связанное с мисс Квиллиам и мистером Барбеллионом; уловку миссис Фортисквинс, хитростью подстрекнувшей нас передать кодицилл в руки мнимого мистера Степлайта, благодаря которому документом завладели наши враги. Эмма крайне огорчилась, услышав, что нашим врагом было семейство моего отца – Клоудир, и в особенности ее расстроили мои указания на причины, по которым они желали мне смерти: если теперь, как надо полагать, кодицилл предъявлен в суд, то, если я умру раньше мистера Сайласа Клоудира, он немедленно станет владельцем имения Хафем. Для пущей ясности я коротко изложил то, что вычитал в записях матушки: получение кодицилла дедушкой в комплоте с мистером Клоудиром; события, приведшие к браку моих родителей, и убийство дедушки, а также взятие под стражу моего отца как душевнобольного преступника.

Эмма, глубоко взволнованная моими откровениями, призналась, что вполне понимает теперь мое нежелание назвать свое подлинное имя. С нараставшим сочувствием слушала она мое повествование о школе, куда меня направил мистер Степлайт, хотя я смягчил в рассказе все связанные с ней ужасы и обошел молчанием историю Стивена Малифанта и обстоятельств, приведшие к его смерти. Ни словом не обмолвился я и о ситуации, в какой застал матушку по возвращении в Лондон: я сказал только, что нашел ее больной и в крайней бедности после того, как с ней жестоко обошлись миссис Фортисквинс и мистер Сансю и она была заключена в тюрьму Флит. Я был тронут вниманием, с каким Эмма следила за моим рассказом: когда я упомянул, что сэр Персевал отказал матушке в помощи, она выразила не меньшее, чем я сам, недоумение этим, поскольку, как представлялось, в интересах Момпессонов было поддерживать жизнь моей матушки – наследницы Хаффамов. О смерти матушки я едва нашел в себе силы рассказать совсем коротко, и мои чувства, которые я не сумел скрыть, глубоко затронули мою собеседницу.

– Где это произошло? – спросила Эмма.

Я назвал этот гнусный дворик.

– И чтобы ее похоронить, вам нужно было обратиться в приход?

– Да, – ответил я, стараясь не ворошить воспоминаний.

– И какое имя внесли в запись? – Я молча смотрел на Эмму, но она, глядя мне прямо в глаза, сказала: – Я спрашиваю об этом потому, что отец очень озабочен, как обеспечить вам безопасность, и попрошу его поговорить об этом с вами.

Чувствуя себя пристыженным, я проговорил:

– Вы обращаетесь со мной лучше, чем я того заслуживаю. Отвечу: имя, которое я назвал приходскому клерку, – Мелламфи.

Я продолжил рассказ, описав, как попал в «остов» и жил с Барни и его бандой, пока постепенно не уяснил, что они не остановятся ни перед чем – вплоть до убийства. Эмма, охваченная ужасом, была также не менее моего озадачена моим открытием – что Барни был тем самым взломщиком в Мелторпе много лет тому назад.

В заключение я описал свой побег из «остова», путешествие к дому бабушки, отказ старого мистера Эскрита впустить меня в дом и встречу с мальчишкой, который и привел меня к дому Эммы.

Должен уточнить, что мой рассказ не был столь же связным, каким выглядит здесь: порой те или иные обстоятельства требовали разъяснений, которые побуждали меня нарушать строгую хронологическую последовательность. Помимо смерти и похорон матушки, Эмму более всего интересовало ее описание той ночи, когда был убит мой дед. Мы не единожды перебрали все подробности, и Эмма разделила мои подозрения относительно того, что мотивом для убийства могло стать завещание, упомянутое бабушкой.

– Какая жалость, что у вас нет теперь его письма! – проговорила Эмма, и меня глубоко растрогало ее горячее участие в моих бедах.

По окончании моего рассказа Эмма сказала:

– Отец желал бы поговорить завтра о вашем будущем. Вы достаточно хорошо себя чувствуете?

Я ответил утвердительно и, оставшись один, поразмыслил о том, насколько более легким сделалось для меня бремя ответственности после того, как во мне принял участие сочувственный слушатель.

* * *

На следующий день Эмма вошла ко мне в комнату вместе с отцом. Пока он придвигал стулья для себя и для дочери поближе к моей постели и торжественно усаживался, у меня мелькнула мысль, что он – единственный из членов семейства, к кому я не в силах питать безоговорочного расположения. Говорил мистер Портьюс холодно и напыщенно, а сидевшая рядом Эмма улыбалась мне, словно желая выказать сердечную теплоту, которую ее отец питал ко мне, не умея выразить ее внешне.

– Моя дочь, – начал он, сложив вместе коротенькие толстые пальцы, – передала мне все, о чем вы ей рассказали, и я взялся поразмыслить, какие меры следует предпринять, дабы наилучшим образом оградить вас от лиц, могущих причинить вам вред. Для меня очевидно, что многое зависит от исхода различных тяжб, которые рассматриваются в канцлерском суде. Хотя, – добавил он с усмешкой, – будучи скромным адвокатом, я не имею доступа к тайнам суда лорд-канцлера. Посему я взял на себя смелость обратиться за консультацией к юристу-солиситору, мистеру Гилдерсливу, моему приятелю, которому я вполне доверяю, и изложил ему все ваши обстоятельства – разумеется, строго конфиденциально.

– Вы очень добры, мистер Портьюс.

– Вовсе нет, вовсе нет, – возразил мистер Портьюс, явно смущенный моей благодарностью. – Мистер Гилдерслив полагает, что вам как сироте (по крайней мере, в юридическом смысле) наилучшим способом защиты от махинаций других сторон явилось бы прямое обращение в канцлерский суд с просьбой об опекуновстве.

Обратиться в канцлерский суд! При одной мысли о возможности проникнуть в самое средоточие тайн, которые окутывали всю мою жизнь, меня охватило сильнейшее волнение.

– Что я должен сделать?

– Процедура, насколько мне известно, довольно простая. Вы попросту подтверждаете свою личность показанием под присягой – в данном случае устным, которое необходимо подкрепить показаниями свидетелей. Из числа тех, кого легко разыскать.

– Но не кажется ли вам, мистер Портьюс, что мое положение наиболее безопасно, если мои враги считают меня умершим, а именно в это они и поверят, если я просто-напросто исчезну?

– Совершенно неважно, что кажется мне, – сдержанно отозвался мистер Портьюс. – Мистер Гилдерслив полагает, что ситуация выглядит именно так, как я имел честь ее обрисовать.

– Но каким образом они смогут отыскать меня теперь? Никто не знает, что я здесь.

– Вы в этом уверены? Дочь сообщила мне, что предводитель банды, попавшейся вам в недостроенном здании в Нарядных Домиках, – тот самый человек, который много лет тому назад вломился к вам в дом. Можете вы гарантировать, что это всего лишь совпадение? А если нет, то не небезосновательна ли мысль, что этот человек является агентом ваших противников? В таком случае нельзя быть уверенным, что он снова вас не отыщет.

Мне пришлось признать справедливость этого довода и согласиться, что самый надежный для меня выход – это предстать перед судом лорд-канцлера. Однако мысленно мне тут же представилось неодолимое препятствие:

– Но ведь это очень дорого обойдется?

– Я оплачу гонорар мистера Гилдерслива, – заявил мистер Портьюс. – Вам незачем об этом тревожиться.

При этих словах глаза мои наполнились слезами. Мистер Портьюс, смешавшись, слегка отставил стул и кашлянул в платок.

– Вы очень добры, – промямлил я. – Вы для меня как родная семья.

Словно от избытка чувств, мистер Портьюс вынул из кармана соверен и торжественно вручил его мне.

– Теперь мы и есть ваша родная семья, Джонни. – Эмма придвинулась ближе и сжала мне руку. Оборотившись к мистеру Портьюсу, она спросила: – Отец, можно мне теперь ему сказать? – Мистер Портьюс кивнул, и она продолжила: – Если вы дадите согласие, мистер Гилдерслив обратится к судье с просьбой учредить для вас опекунство, передав попечение о вас моим родителям. Они усыновят вас, Джонни, и вы станете моим истинным братом. И тогда вам ничто не будет грозить.

– Согласен ли я! – вырвалось у меня восклицание.

Эмма меня поцеловала, а мистер Портьюс взял меня за руку и неловко ее потряс с несколько недовольным выражением на лице, словно смущенный чувствами, какие испытывал.

Мне сказали, что мистер Гилдерслив придет завтра для того, чтобы растолковать, что от меня требуется. Оставшись один, я лежал, не в силах заснуть от волнения и странных переживаний, связанных с внезапным обретением семьи. Я уже сильно привязался к Эмме и не сомневался, что мы с Николасом станем друзьями, а миссис Портьюс казалась мне исполненной материнской доброты. И все же на сердце у меня было не совсем спокойно. Наверное, решил я, это оттого, что мистер Портьюс держался, несмотря на всю свою щедрость, холодно, и мне нелегко было согласиться с его будущей властью надо мной в загадочной роли «отца».

На следующее утро мне разрешили встать с постели и встретить мистера Гилдерслива, сидя в кресле у огня. Он явился около десяти в сопровождении Эммы и мистера Портьюса: высокий, худощавый человек с острыми чертами лица. Он был близорук и часто прибегал к помощи лорнета, который висел на черной ленточке. Вскидывая его, он долго всматривался в меня через стекло и бормотал: «Замечательно! Замечательно!» Если бы он не был солиситором канцлерского суда, я бы счел его тупицей.

– Итак, вы – наследник Хаффамов. – Он вытянул руку. – Я, как и все представители юридического сообщества, слежу за этим процессом не первый год.

Мои посетители расположились вокруг меня, и мистер Гилдерслив начал:

– Председательствовать будет председатель Апелляционного суда. Прежде всего ему будет необходимо убедиться, что вы – действительно тот, кем себя именуете, с каковой целью

– подкрепить ваши показания, данные под присягой, – мы и вызвали на заседание свидетельницу, безукоризненно респектабельную.

– Сэр, могу я узнать, кто это?

Мистер Гилдерслив сверился с бумагами:

– Миссис Фортисквинс, вдова почтенного юриста.

– И вы уже вызвали ее в суд? – изумленно спросил я.

– Да, несколько дней тому назад.

Я взглянул на Эмму, и та пояснила:

– Видишь ли, Джонни, отец так стремился поскорее дать делу ход, что принялся действовать сразу же, стоило ему уяснить из моего пересказа твоей истории, какие именно меры необходимы.

Я молчал, и мистер Гилдерслив продолжил:

– Далее, вы должны позаботиться о том, чтобы ни словом не упомянуть перед председательствующим об опасности, якобы вам угрожающей с чьей бы то ни было стороны.

– Но ведь это же основная причина для учреждения надо мной опеки, разве не так?

Мистер Гилдерслив обменялся взглядами с присутствующими.

– Да, насколько мне известно, – согласился он. – Однако закон не руководствуется теми же критериями важности, что и мы. Мы не можем голословно обвинять противную сторону без неопровержимых доказательств. Иначе мы просто-напросто запутаем дело, что для нас вовсе нежелательно, правда?

Несколько озадаченный, я кивнул в знак согласия.

– Очень хорошо, – продолжал мистер Гилдерслив. – После того как мы установим факт кончины вашей матери – пустая формальность, уверяю вас, поскольку вы подтвердите его под присягой, а действительность одного подкрепят свидетели, мы заявим...

– Простите, пожалуйста, мистер Гилдерслив, – перебил я. Юрист ошеломленно уставился на меня, недоумевая, как это я осмелился прервать ход его изложения. – Мне неясно, зачем нужно поднимать этот вопрос. Я определенно предпочел бы этого не делать.

– Вы предпочли бы этого не делать, – монотонно повторил мистер Гилдерслив. – Мастер Клоудир, мне представляется, что вы недопонимаете: мы имеем дело с законом. Вашим склонностям и антипатиям в суде не место. Ваш юридический статус сироты необходимо подтвердить. Вам это ясно?

– Да, – кротко согласился я, заметив на лице Эммы ободряющее выражение.

– Теперь, с вашего позволения, – вновь заговорил мистер Гилдерслив, – я продолжу. Как только это будет установлено, мы обратимся к суду с просьбой о помещении вас под опеку и предоставлении прав опекунства мистеру Портьюсу. Особенно важно показать председательствующему, насколько вы счастливы находиться здесь, в этом доме. Вы счастливы находиться здесь, не так ли?

– Да-да, конечно. Давно уже я не был так счастлив.

– Великолепно. Затем советую вам назвать мистера и миссис Портьюс своими дядюшкой и тетушкой с целью продемонстрировать суду, что вы считаете себя членом семейства. Вам это понятно?

– Да, вполне. Я так и поступлю.

– Тогда это, собственно, и все, что я собирался сегодня вам сообщить, молодой человек. Вскоре увидимся на судебном заседании.

Мы пожали друг другу руки, и, к моему облегчению, мистер Гилдерслив удалился вместе с мистером Портьюсом.

– Итак, Джонни, – воскликнула Эмма, захлопав в ладоши, – через несколько дней вы станете моим братом!

Я улыбнулся ей в ответ, но, оставшись один, не в силах был подавить дурное предчувствие, стеснившее мне сердце. События развивались стремительно, и логика их развития ускользала от моего понимания.

* * *

Довольно скоро настал день, на который назначили мой выход. Эмму, с чем я радостно согласился, определили моей единственной спутницей, и потому сопровождать нас поручили слуге: он мог бы меня нести, если мне понадобится помощь. Меня закутали в теплую одежду – и при содействии Фрэнка, которого я до того не видел, усадили вместе с Эммой в нанятый экипаж.

Мы проезжали по улицам, где мне от шума и многолюдства сделалось после моего долгого заточения неуютно, мимо районов, названия которых навевали мучительные воспоминания: Холборн, Чаринг-Кросс, потом Вестминстер. Экипаж остановился перед грязноватой дверцей на Сент-Маргарет-стрит, и через этот невзрачный ход мы попали в здание, прилегающее к Вестминстерскому дворцу. Следуя указаниям мистера Гилдерслива, Эмма назвала свое имя привратнику, который повел нас через мрачные внутренние дворики и темные коридоры, мокрые стены которых покрывала зеленая слизь. Вокруг стоял грохот: как раз в эту пору на месте сносимых старинных галерей, где с давних времен располагались суд общих тяжб и суды казначейства, строилось великолепное новое здание сэра Джона Соуна.

В продуваемом сквозняками вестибюле нас встретил мистер Гилдерслив, без тени смущения на лице облаченный в самый экстравагантный костюм, какой здравый рассудком человек надел бы вне маскарада. Черная мантия с золотыми и пурпурными полосами волновалась на нем складками, неудобнейшие на свете рукава свисали почти до пола, белый галстук свободно ниспадал на грудь. Голову венчал напудренный парик, бриджи доставали до колен, на ногах красовались туфли с громадными золотыми пряжками.

Мы ждали, пока мистер Гилдерслив заговорщически совещался с джентльменами, одетыми сходным образом: участники совещания то и дело покачивали головами, многозначительно щурились и едва заметно кивали. Вскоре появилась некая особа в еще более нелепом наряде с подобием золотой скалки в руках и повела нас далее через путаницу плохо освещенных коридоров, словно бы намереваясь окончательно нас запутать. Наконец мы с Эммой очутились в небольшой затхлой приемной – и, пока пребывали там в ожидании, мистер Гилдерслив прошествовал в соседнюю, как мне показалось, залу.

Примерно через полчаса другой распорядитель предложил нам пройти в ту же самую дверь. К моему изумлению, перед нами открылось обширное пространство, наподобие гигантского сарая с консольными балками высоко над головой: в сумрачном свете зимнего дня я едва мог разглядеть дальний его конец. Эмма прошептала мне, что это и есть Вестминстер-Холл, и по спине у меня пробежал озноб при мысли, что справедливость будет вершиться надо мной в этих достойных почтения стенах, где перед судьями стоял собственной персоной Карл Первый.

В ближайшем от нас углу, обращенные к возвышению, находились ряды скамей и кресел. Посреди возвышения, на черном деревянном стуле с крайне неудобной по виду спинкой, сидел, как я догадался, председатель суда, а владелец золотой скалки, поместившись за небольшим столиком перед судьей, положил скалку на этот столик. Поверить, будто председатель суда напялил на себя этот костюм, полностью отдавая себе отчет в своих действиях, было настолько трудно, что никто из окружающих, как казалось, не обращает его внимания на это обстоятельство только благодаря заключенному между ними из соображений вежливости тайному сговору. Главными приметами были просторная алая мантия, расшитая золотыми нитями, и колоссальный парик, скрывавший шею и плечи: слишком резко повернув

голову, судья рисковал совершенно спрятать лицо от зрителей. Его торжественно-суровый вид, несомненно, объяснялся трудностями, связанными с необходимостью сохранять все эти предметы на должном месте, и я был поражен тем, что он еще способен был уделять толику внимания представленным ему юридическим вопросам.

Нас с Эммой направили в передний ряд тяжелых старинных сидений напротив председателя. Вокруг нас какие-то люди в причудливых одеяниях перешептывались, рылись в бумагах, изучали пухлые тома, делали записи, входили и выходили, и среди них я заметил знакомую фигуру – мистера Барбеллиона. Встретившись со мной взглядом, он слегка мне кивнул, и я постарался в точности скопировать его жест.

Собравшись с духом, я начал оглядываться по сторонам: древние стены были обшиты панелями, под резной каминной полкой за мощной решеткой тлели угли, а в противоположном углу на той же стороне необъятного зала проходило, как я понял, еще одно, похожее на наше, заседание суда. (Действительно, это был Суд королевской скамьи.) Горели свечи, слышался гул голосов, в полумраке сновали человеческие фигуры. Больше всего это напоминало большую классную комнату, где одновременно проводились уроки для разных классов.

Мистер Гилдерслив представил меня председателю суда, уже достигшему почтенных лет, и тот сполна удовлетворил себя долгожданным лицезрением наследника Хаффамов.

– Известно ли вам, – задал он мне вопрос, – что процесс начался, когда мой отец был еще очень молод? Он, в сущности, был немногим старше вас. Сколько вам лет?

Я ответил, и судья записал мой возраст, заметив извиняющимся тоном:

– Вам следует называть меня «милорд». Мне очень жаль видеть вас не в лучшем здравии, – добавил он. – Ваше самочувствие позволит вам принять участие в данном разбирательстве?

– Да, милорд. Я был нездоров, но теперь поправился.

Председатель обменялся значительным взглядом с мистером Гилдерсливом, который вежливо изобразил на лице *monce*,¹ словно извиняясь за мои слова.

– А сейчас, – объявил председатель, – вы будете приведены к присяге. Вам понятно, что это означает?

Я ответил утвердительно, и необходимые формальности были выполнены.

Затем мистер Гилдерслив, развеявая полы своего одеяния, поднялся с места и обратился ко мне так, будто мы видели друг друга впервые:

– Готовы ли вы сообщить суду, кем вы, по вашему мнению, являетесь; где, по вашему мнению, родились, и кем, по вашему мнению, были ваши родители?

– Сэр, я – Джон Клоудир, – начал я. Далее я назвал дату своего рождения и место – Мелторп, и продолжил: – Там меня воспитывала мать, и мы жили под именем Мелламфи, которое я считал настоящим, однако позднее матушка призналась мне, что оно вымышленное. Ее отцом, как она говорила, был мистер Джон Хаффам, проживавший на Чаринг-Кросс, в Лондоне.

– А под каким именем ваш отец занесен в приходские списки?

– Питер Клоудир, сэр.

– Все сказанное, милорд, – произнес мистер Гилдерслив, – может быть подтверждено документально, а также показаниями свидетеля, который находится здесь.

– Кто этот свидетель? – спросил председатель.

– Миссис Мартин Фортисквинс, милорд. Эта леди близко знакома с присягающим лицом и его покойной матерью и была представлена присягающему лицу его матерью около трех лет тому назад.

Председатель кивнул и обратил взор на мистера Барбеллиона, который сказал:

¹ Недовольная гримаса (фр.).

– Милорд, сторона, которую я имею честь представлять, безоговорочно признает, что присягающее лицо в самом деле является мастером Джоном Клоудиром, ранее известным под именем мастера Джона Мелламфи. Собственно говоря, мы собрали достаточно доказательств для подтверждения этого, и я признателен моему ученому собрату за действия, принятые им, по всей очевидности, не столько в интересах своих клиентов, сколько моих.

Тут мистер Барбеллион и мистер Гилдерслив обменялись короткими кивками, похожими скорее на язвительные немые выпады. Заявление мистера Барбеллиона подкрепило мою уверенность в том, что Момпессонам я нужен живым, однако его намек на невыгодность для меня установления моей личности меня озадачил. Значит ли это, что я в опасности? Эта фраза заставляла ломать голову.

– Из чего явствует, мистер Гилдерслив, – проговорил председатель, – что необходимость как в документах, так и в свидетельских показаниях отпадает.

– Весьма рад, милорд, – бесстрастно отозвался мистер Гилдерслив. Отложив свои записи в сторону, словно указывая, что с прежней темой покончено, он продолжал: – Теперь я попрошу присягающее лицо обрисовать обстоятельства кончины его матери.

Это было для меня ударом – и я с трудом, путаясь и заикаясь, сумел перечислить одни только голые факты, пока Эмма ободряюще пожимала мне руку.

– Вы зарегистрировали кончину матери у приходского клерка? – спросил мистер Гилдерслив. – Под каким именем?

Я ответил, недоумевая, почему этот вопрос мне задают вторично.

– Милорд, – обратился мистер Гилдерслив к председателю, – я прошу суд принять это свидетельское показание касательно кончины миссис Питер Клоудир, дочери мистера Джона Хаффама.

– Вы удовлетворены? – спросил председатель у мистера Барбеллиона.

– В данном случае нет, сэр: слишком многое с этим вопросом сопряжено.

– Очень хорошо, – заключил мистер Гилдерслив. – Позовите первого свидетеля, мистера Лимпенни.

К моему изумлению, в зал ввели приходского клерка, который выглядел куда наряднее, нежели тогда, за завтраком, в дезабилье. Я недоуменно повернулся к Эмме, но она смотрела в сторону.

Отвечая на вопросы мистера Гилдерслива, клерк подтвердил мои слова и после перекрестного допроса, учиненного мистером Барбеллионом, был отпущен. Затем пригласили второго свидетеля: им оказалась миссис Лиллистоун – та самая женщина, которая обряжала матушку перед погребением. Процедура допроса повторилась: заново переживать утрату – теперь на глазах посторонних – было для меня так невыносимо тяжело, что я закрыл лицо руками.

По удалении миссис Лиллистоун мистер Барбеллион заявил:

– Милорд, наша сторона принимает свидетельское показание относительно кончины владелицы неотчуждаемой собственности Хаффамов и последующего ее перехода присягающему лицу, мастеру Джону Клоудиру.

– Очень хорошо, – записав что-то, отозвался председатель. – В таком случае в истории собственности Хаффамов открывается новая глава. Позвольте выразить надежду, что она окажется более счастливой, нежели все предыдущие.

С места поднялся мистер Гилдерслив, подобрал полы мантии и, возвысив голос, медленно и нараспев, будто пастор, произносящий проповедь, провозгласил:

– Милорд, я ходатайствую о том, чтобы над несовершеннолетним присягающим лицом, умственное и телесное здоровье которого подорвано болезнью, была учреждена опека и он был передан на заботливое попечение супружеской пары: эти супруги преданно ухаживали за ним, когда он очутился под их кровом недужным и неимущим; этих супругов

он любит и почитает как ближайших родственников и привычно называет их тетушкой и дядюшкой.

Меня глубоко возмутила ссылка на мою болезнь, якобы подорвавшую мое умственное здоровье, и я был приведен в недоумение тем, что законникам позволено оскорблять клиентов, за содействие которым они получают плату.

Как только мистер Гилдерслив вновь уселся, председатель суда объявил:

– Это представляется как нельзя более уместным. Мистер Портьюс – в высшей степени уважаемый джентльмен, и, насколько мне известно, является доверенным сотрудником уважаемого банковского дома Квинтард и Мимприсс.

Однако при этих словах вскочил мистер Барбеллион:

– Милорд, наша сторона отвергает это ходатайство самым решительным образом.

Рука Эммы сильнее сжала мою руку.

– Не могу сказать, что ваш протест, мистер Барбеллион, для меня неожиданность, – проговорил председатель. – Тем не менее будьте добры оповестить нас, какими именно причинами вы руководствуетесь, выдвигая ваше возражение.

В эту минуту я заметил, что мистер Гилдерслив, повернувшись, подал знак приставу, который незамедлительно удалился. И прежде чем мистер Барбеллион, поднявшийся с места, успел заговорить, мистер Гилдерслив его опередил:

– Милорд, прошу извинения у вас и у моего ученого собрата за то, что его перебиваю, но я вынужден ходатайствовать перед судом о позволении мастеру Клоудир покинуть зал.

– Я не вижу, мистер Гилдерслив, никакой в этом необходимости, – отвечал председатель. – Продолжайте, мистер Барбеллион.

Мистер Гилдерслив, опустившись на сиденье, сердито взглянул на Эмму. Едва мистер Барбеллион открыл рот, как пристав вернулся вместе с Фрэнком.

– Милорд, – начал мистер Барбеллион, – при менее чрезвычайных обстоятельствах ни сторона, которую я представляю, ни я сам никоим образом не желали бы лишиться юношу опеки семейства, с которым он связан узами родства и привязанности.

В этот момент Фрэнк и пристав приблизились к нам, но Эмма жестом велела им отойти. Озадаченный словами мистера Барбеллиона, я попытался уловить смысл дальнейшей его речи, но тут мистер Гилдерслив опять встал с места и мистер Барбеллион запнулся, ошеломленно на него глядя, а затем повернулся к председателю с поднятыми в изумлении бровями, словно до глубины души потрясенный беспредельно наглым выпадом коллеги.

– Прошу прощения, милорд, – смело заговорил мистер Гилдерслив, – но еще до того, как последовали дальнейшие директивы, я уже имел честь доложить вашей милости, что присягающее лицо перенесло тяжкую болезнь и его умственные способности полностью не восстановились. В высшей степени желательно освободить его от необходимости присутствовать в зале суда.

Так вот что он втолковывает председателю! В целом происходящее мне не нравилось. И какие-то слова, только что услышанные, застряли в памяти. Почему это я связан с Портьюсами «узами родства»?

– Просьба представляется вполне обоснованной, – заключил председатель. – У вас есть возражения, мистер Барбеллион?

– Напротив, милорд. Что касается представляемой мною стороны, то прочное здоровье оставшегося наследника имеет решающее значение для наших интересов, а посему и вопрос об учреждении над ним опекуна обладает чрезвычайной важностью.

– Очень хорошо, мистер Гилдерслив. Мастер Клоудир может удалиться. Но прежде чем он покинет зал, мне хотелось бы услышать, каковы его собственные пожелания. – Он устремил взгляд на меня: – Скажите мне, мастер Клоудир, согласны ли вы с учреждением, в

соответствии с законом, опеки над вами со стороны семейства, которое в настоящее время взяло на себя заботы о вас?

Я молчал: мне требовалось время для того, чтобы обдумать только что услышанное.

– Итак, юноша, – после короткой паузы продолжил председатель, – охотно ли вы примете попечение над вами и отцовскую власть, вплоть до вашего совершеннолетия, со стороны вашего дяди?

– Он мне не дядя! – выкрикнул я. – И я этого не хочу!

– Джонни! – прошипела Эмма мне в ухо. – Что такое ты говоришь?

– Милорд, – подал реплику мистер Гилдерслив, хмуро взглянув на меня и одновременно выражая приподнятой бровью солидарность с судьей.

– Что именно вы имеете против? – поинтересовался у меня председатель.

– Они замыслили недоброе! – выкрикнул я. – Не знаю почему, но я им не доверяю.

Эмма обратила ко мне лицо, которое мне никогда не забыть: холодное, суровое, пылающее гневом.

– Вы достаточно ясно изложили свое мнение, мистер Гилдерслив, – с важным кивком объявил председатель. – Это весьма прискорбно. Юноша может удалиться.

Мистер Гилдерслив движением подбородка подал знак Фрэнку и приставу: те, схватив меня, заломили мне руки за спину. В ответ я начал сопротивляться и громко вопить, но Фрэнк зажал мне рот ладонью, поднял меня, перекинул через плечо и быстро понес к выходу, а пристав устремился вслед, придерживая меня за ноги.

До моего слуха донеслись обрывки речи мистера Барбеллиона:

– ...крайне необычные обстоятельства... близкое кровное родство... вероятный конфликт интересов...

Стоявший у выхода посыльный растворил перед нами дверь. Меня стали выносить, однако Фрэнк, шедший впереди, приостановился, чтобы пропустить входившего. Пристав не мог видеть происходящего и, полагая, что задержка вызвана моим противодействием, сильно толкнул вперед меня и Фрэнка: в результате произошла некрасивая *melee* – и наше продвижение застопорилось. Получилось так, что с новоприбывшим молодым человеком, из-за которого и случилось это замешательство, я оказался лицом к лицу – и сразу его узнал: это был Генри Беллринджер!

Он застыл в изумлении, а я, не имея возможности говорить, задержался изо всех сил в надежде, что он тоже меня узнает, хотя целиком моего лица видеть было нельзя.

– Что за дьявольщина тут творится? – воскликнул Генри.

– Скорее. В чем проволочка? – донесся до меня голос Эммы.

Генри взглянул на нее, и она поспешила опустить вуаль.

– Вот так так, – протянул Генри, – подумать только, встретить вас тут, мисс...

– Поторопись, Фрэнк! – оборвала его Эмма.

Повинуясь приказанию, слуга решительно ступил к двери, так что Генри пришлось посторониться и прижаться к косяку, чтобы освободить проход.

Пока мы протискивались наружу, я услышал напоследок голос мистера Барбеллиона:

– ...навлекает на эту особу – а, в сущности, и на других членов семейства – оскорбительные подозрения в случае прискорбного происшествия, которое, как все мы должны надеяться, не будет иметь места, однако вероятность такового сегодня получила подтверждение.

Больше я ничего не услышал: мгновение спустя мы оказались в вестибюле, и посыльный захлопнул за нами дверь.

Пристав провел нас обратно по уже знакомым коридорам, и меня запихнули в наемный экипаж, нас поджидавший, где на протяжении обратного пути меня крепко держал Фрэнк. Он больше не зажимал мне рот, но сказать мне было нечего, а Эмма, с лица которой исчезло

выражение, мелькнувшее передо мной на миг в суде, тоже молчала и лишь изредка со вздохом укоризненно приговаривала:

– Джон, Джон – это после всего, что мы для тебя сделали!

Мне было над чем подумать, когда я делал попытки разобраться в событиях этого дня. Почему мистер Гилдерслив из кожи лез, чтобы выставить меня тяжелобольным и намекнуть на мою умственную неполноценность? Почему судья подхватил высказывания мистера Гилдерслива и стал именовать мистера Портьюса моим дядей? Что означали странные слова мистера Барбеллиона, мной услышанные? Неужели я совершил страшную ошибку, открыто отвергнув великодушное предложение семейства Эммы, и тем самым повинен в преступной неблагодарности?

По прибытии домой Эмма велела Фрэнку отнести меня в мою комнату и уложить в постель. Он так и сделал: снял с меня одежду, оставив меня в ночной сорочке (я успел, однако, утаить в кулаке совершен, полученный от мистера Портьюса). Уходя, он запер за собой дверь. Я поспешил, пока никто на нее не покусился, спрятать монету за подшитым краем сорочки.

Остаток дня я провел лежа в постели, без конца проворачивая в голове речи и поступки, свидетелями которых стал утром. Как мне хотелось вникнуть в юридические процедуры канцлерского суда – с тем чтобы хоть как-то разобраться в том, что там на самом деле происходило. Мне вспомнился Генри. Узнал он меня или нет? Интересно, что он делал в суде – быть может, он изучает право? Если так, то он сумел бы объяснить некоторые загадки: почему Портьюсы так были заинтересованы предъявить меня суду? И почему такая важность придавалась обстоятельствам кончины моей матушки?

Мало-помалу в душу ко мне закралось некое подозрение: оно объясняло столь многое, что, оглядывая мысленно сцену в суде и пробуя истолковать ее в свете этой гипотезы, я без труда находил место каждой детали, словно удачно складывал головоломку. Эта гипотеза выглядела такой невероятной, такой крамольной, что меня пугало само ее возникновение. Как только мне могло нечто подобное взбрести на ум! Наверное, я еще не настолько здоров, как мне бы того хотелось.

Книга V Друг бедняков

Глава 71

Вновь сцена действия – парадная гостиная дома 27 на Голден-Сквер. Миссис Фортисквинс принимает посетителя, которому сердито выговаривает:

– Что бы мне раньше об этом узнать! Последствия могут быть хуже некуда.

– Вам следовало мне доверять. Расскажите мне все с самого начала.

– Доверять вам! Чего ради я, мистер Сансью, должна вам доверять, если ваш совет обернулся для меня так скверно? Я потеряла все вложенные деньги – до последнего пенни.

– И я тоже! А кто не потерял? Перед Рождеством даже Английский банк едва-едва не закрылся!

– Все это расчудесно, однако не вы, а я разорена благодаря тем самым акциям Квинтарда и Мимприсса, которые вы мне навязали!

– Только потому, дражайшая мадам, что мне самому не на что было их купить: у меня в карманах уже было пусто! Иначе бы я увяз точно так же. Меня убедили в их надежности лица, которым я полностью доверяю. Признаться честно, я теперь понимаю, что меня обманули, но что поделаешь. С вами, миссис Фортисквинс, я был совершенно откровенен, чего нельзя сказать о вас. Вы многое от меня утаили. А двуличия я не терплю.

Залившись краской от возмущения, вдова надменно бросает:

– Будьте добры объясниться.

– Недавно мне стало известно, что мальчика выследили на пути в Барнардз-Инн, – заявляет юрист. – Не изображайте невинность, миссис Фортисквинс. Я знаю, что Генри Беллринджер проживает именно там!

– Выследили? Кто же за ним следил?

– Хм-хм, коль скоро у вас есть от меня секреты, позвольте мне держать при себе мои. Итак, что вы от меня скрываете?

– Ровно ничего. Это простое совпадение, вот и все. Довольно необычное, однако несущественное.

– Видите ли, мадам, – настаивает мистер Сансью, – в простые совпадения я не верю. Есть тайные нити, которые связывают вас с мальчиком, стариком Клоудиром и Беллринджером: до конца они мне непонятны, хотя я осведомлен более, нежели вы предполагаете. – Миссис Фортисквинс принимает высокомерный вид, но юрист словно не замечает этого: – Да-да. Видите ли, когда вы предупредили, чтобы в разговоре с этим очаровательным старым джентльменом я о нашем с вами знакомстве не упоминал, меня это насторожило: наверняка, решил я, между вами существует какая-то связь. Я предположил, что это жалкое создание, Валльями, сможет этот вопрос прояснить. Я сумел оказать ему услугу, а взамен он постарался предоставить мне искомые сведения. Я только что с ним виделся, и он был чрезвычайно разговорчив. Чрезвычайно – даже более чем.

Леди не сводит с юриста глаз, полных холодной ярости.

– Не сомневаюсь, вы не прочь узнать, что именно он мне сообщил. – Не дождавшись ответа, юрист продолжает: – Прежде всего Валльями уведомил меня, что его хозяин поручил ему за мной следить. Следовательно, он знает о нашей с вами связи – и знает уже не первый день.

Миссис Фортисквинс, издав легкий вскрик, прикрывает рот рукой.

– Я опасался, что это известие повергнет вас в смятение, – спокойно говорит юрист. – Валльями, должен признаться, раскрыл мне и причину этого. Мне известна вся история, миссис Фортисквинс. Всякие сомнения относительно мотивов, которыми вы руководствуетесь, теперь для меня развеяны.

Миссис Фортисквинс вперяет в юриста столь свирепый взгляд, что тот вынужден наконец потупить.

– Вам нужно было рассказать об этом раньше. Вам следовало мне доверять. И даже сейчас – для нас еще не поздно прийти к новому взаимопониманию.

Молодая вдова окидывает юриста изучающим взглядом.

Глава 72

Вечером, в обычный для моего ужина час, замок неожиданно щелкнул – и в дверях показалась Эмма с подносом. Ее приход меня удивил: с тех пор, как силы мои восстановились, еду мне всегда приносила Эллен. Эмма, улыбнувшись мне прежней улыбкой, поставила поднос на столик и села рядом на стул.

– Джон, – заговорила она, когда я принялся за крепкий бараний бульон, – мои родители очень обижены, но я их убедила, что твои слова вызваны болезнью, от которой ты еще не совсем оправился. – Она ждала от меня ответа, но я промолчал. – И, пока ты спал, приходил мистер Гилдерслив сообщить, что после нашего ухода суд постановил поручить опекунство над тобой моему отцу. И теперь ты в самом деле – мой брат. Разве это не чудесно?

Я, не глядя на Эмму, кивнул и отложил ложку: аппетита у меня почти не было.

Эмма, заметив это, принялась меня уговаривать:

– Тебе нужно непременно поесть еще хоть немного.

Я отодвинул чашку в сторону.

– Да ты и половины не съел! – воскликнула Эмма, подвинув поднос ко мне. – Ты должен питаться, чтобы поправиться и окрепнуть.

– Я больше не могу.

Эмма села ко мне на край постели и взяла чашку.

– Давай я тебя покормлю с ложечки, как в самый первый раз, когда ты у нас оказался. Помнишь, какой ты был тогда беспомощный?

При воспоминании о ее прошлой доброте я почувствовал вину и, не в силах оттолкнуть протянутую мне с улыбкой ложку, заставил себя проглотить ее содержимое. Но горло стиснул спазм – и я отрицательно помотал головой.

– Ну, хорошо, – сказала Эмма, вставая и забирая поднос. На мгновение мне почудилось, будто на лице у нее мелькнуло то самое выражение, которое я видел в жуткий момент в зале суда. Но тут она улыбнулась и вновь стала сама собой: – Пойду приготовлю тебе бокал сиропа с камфарой, чтобы ты лучше спал.

– Спасибо, – отозвался я. – Это очень приятно.

Немного погодя она вернулась, но я опять ее разочаровал, сумев отпить всего два-три глотка. Когда я пообещал выпить сироп попозже, Эмма оставила бокал на столике у моей постели, ласково поцеловала меня в лоб, задула свечу и вышла из комнаты. Меня поразило, что замок в двери снова щелкнул.

Несмотря на слабость, к еде я все же испытывал отвращение – и, когда все затихло, выбрался из постели с намерением куда-нибудь выплеснуть сироп: обижать Эмму и дальше мне не хотелось. Окно было закрыто, поэтому я направился в угол, где ковер не покрывал половиц, окунул пальцы в бокал и принялся разбрызгивать сироп. Случилась странная вещь: жидкость показалась мне алой и немного липкой. Тем не менее непонятным образом я сознавал, что это вовсе не кровь: я не то спал наяву, не то бодрствовал во сне. Пробираясь обратно к постели, я начал твердо верить, что комната – хотя она выглядела в точности такой, как всегда, – на самом деле была той самой, где умерла матушка. А одеяло, которое я натянул на себя, было тем ворохом тряпья, под каким я лежал несколько месяцев тому назад ужасными ночами в Митра-Корт.

Закрыв глаза, я вдруг увидел, что смотрю через окно на громадную темную массу, протянувшуюся вплоть до горизонта и усеянную крохотными ярко-желтыми точками. Передо мной на фоне бледно-красного неба четко прорисовывались остроконечные шпили: значит, я находился почти на одном с ними уровне, на высоте в сотни футов. Внезапно, вопреки всякой логике, в окне появился некий смутный образ, и я, с нарастающим чувством ужаса,

постепенно различил, что это – чье-то бледное лицо, отдаленное, похожее на мраморное, с пустыми бесцветными глазами, на меня взиравшими. Как только охвативший меня ужас сделался непереносимым, картина переменилась: теперь я вихрем проносился сквозь видения потрясающей красоты, которые чередовались с самыми кошмарными сценами; из пучин страха меня возносило к мучительно-сладостным воспоминаниям об утратах, оставивших в памяти лишь смутный след.

Далее я оказался в карете, которая катила, покачиваясь, по улицам огромного города навстречу восходившему над горизонтом огненному солнечному диску. Выглянув из окошка кареты, я увидел густые черные клубы, которые крутились и завихрялись вокруг зданий, столь чудовищно высоких, что их верхушки терялись в дымной пелене: в городе бушевал сильнейший пожар. Напротив меня в карете сидела женщина, до странности мне знакомая, хотя черты ее лица скрывала опущенная вуаль. Пока я в нее вглядывался, вуаль становилась все темнее и темнее, пока вся голова не превратилась в смутную тень. Но тут внутри кареты, которая заворачивала за угол, скользнул солнечный луч, осветивший голову с другой точки, и перед моим взором проступили очертания черепа. Не желая узнавать, чье это было лицо, я истошно завопил и продолжал вопить, пробуждаясь – как мне чудилось – в доме мистера Портьюса, однако спальня представлялась мне теперь иной, незнакомой, потому что стены принялись вращаться, огонь выплеснулся из камина, а меня самого швырнуло в водоворот чудовищных видений.

Глава 73

Как долго сменялись передо мной эти фантастические сцены – не знаю: кажется, они преследовали меня всю ночь напролет. Очнувшись наутро – изнуренный, словно совсем не смыкал глаз, с пересохшим ртом и больной головой, – я, лежа в постели, задавался вопросом, не теряю ли рассудок; я силился припомнить, доводилось ли мне слышать, что подобные сны – признак подступающего безумия, но в то же время я не в силах был избавиться от смутной тяги к пережитому ночью.

Хотя час был ранний и в доме еще никто не вставал, за дверью вдруг послышался шорох – и, сам толком не зная почему, я прикрыл глаза, притворившись спящим. Дверь медленно распахнулась, выглянула голова Эммы. К ужасу моему, на ее лице было именно то выражение, что и вчера, в зале суда, когда я отверг притязания ее отца на опеку: холодное, жестокое, глаза прищурены. Подойдя к моей постели, она взяла пустой бокал и столь же бесстрастно осведомилась:

– Ты не спишь?

Захваченный врасплох, из опасения, что Эмма через неплотно сомкнутые веки увидит мои глаза, я ответил:

– Нет.

Мне это померещилось, или же она вздрогнула при звуке моего голоса?

– Как ты себя чувствуешь? – сухо спросила Эмма.

– Не слишком хорошо.

– А чего еще ожидать, – вдруг вырвалось у нее, – если ты не желаешь есть, глупый мальчишка!

В этот миг, когда я глядел на Эмму и слышал тон, каким были произнесены эти слова, на поверхность моего сознания всплыло что-то давно смутно мне знакомое и слилось с тем сном, который я видел ночью: молодая женщина в карете, лицо под вуалью, сердитая фраза... Эмма – вот кто пытался похитить меня много лет назад!

Теперь мне стало ясно все. Все, что озадачивало меня во время вчерашнего судебного заседания – слова мистера Барбеллиона об «узах родства и привязанности», упоминание судьей мистера Портьюса как моего дяди, – все теперь встало на свои места: Мистер и миссис Портьюс – это мои дядюшка и тетюшка! Дэниел Клоудир и его вторая жена!

Меня охватил такой ужас, что скрыть его было невозможно: я увидел, что Эмма сразу поняла, какое чудовищное открытие я сделал. Не сводя с меня глаз, она улыбнулась – вернее, попыталась улыбнуться, но у нее мало что из этого вышло.

– Теперь, Джонни, ты догадался об истинной причине, почему мы так ласково с тобой обходились?

Я кивнул.

– Назови ее.

– Ваш отец – Дэниел Клоудир, старший брат моего отца.

– Да, – подтвердила она. – Мы и вправду твоя семья. Отец при повторном браке взял фамилию своей нынешней жены. Как видишь, я немного лучше приемной сестры: я – твоя настоящая кузина!

Эмма наклонилась и поцеловала меня, но голова у меня шла кругом. Значит, она – Эмма Клоудир! Именно так Генри Беллринджер собирался к ней обратиться! (Хотя я и представить себе не мог, откуда он ее знает.)

– Тебе, должно быть, непонятно, почему мы это от тебя скрывали, – продолжала Эмма. – Я все тебе объясню – и ты поймешь. Но здесь должны присутствовать мои родители. Я их позову. Как они рады будут узнать, что теперь мы можем открыть тебе правду.

По-прежнему улыбаясь, Эмма вышла из комнаты. Немного погодя она вернулась, ведя с собой родителей, и с порога воскликнула:

– Какой умница Джонни, что сам обо всем догадался!

– Отлично, дружище, – проговорил мой дядя, шагнув вперед и протягивая мне большую розовую руку. Я коснулся ее, внутренне содрогнувшись при воспоминании о том, что писала мне о дяде матушка. – Сообразительности тебе не занимать.

Супруга дядюшки обняла меня и расцеловала, а я задался вопросом, знает ли она о том, что известно двум другим.

– Удивление на нем так и написано! – воскликнула миссис Портьюс.

– Тебе, вероятно, любопытно, почему я переименовал фамилию, – сказал дядюшка, бросив взгляд на Эмму. – Меня слишком взволновало то, как мой отец обращался с братом.

– То есть с моим отцом? – спросил я.

Дядюшка опять посмотрел на Эмму.

– Видишь ли, Джонни, – вмешалась Эмма, беря пожилую леди за руку, – моя мама на самом деле мне не мама, а просто вторая жена отца.

Значит, трогательную историю об умершем брате она выдумала!

– Тебе, конечно, интересно, почему мы это от тебя скрывали, – проговорил дядюшка.

Я кивнул.

Дядюшка вновь повернулся к Эмме:

– Мы собирались в самом скором времени обо всем тебе рассказать, но условились подождать, пока ты окрепнешь. Возможно, мы поступили неверно, однако опасались последствий: ты был еще очень слаб.

– Вы были правы, вы были правы, – пробормотал я.

– Ты ведь понимаешь, чего мы опасались, так? – спросила Эмма.

Я снова кивнул. Больше всего мне хотелось остаться одному, чтобы хорошенько надо всем подумать.

– Мы предположили, что твоя бедная матушка настроила тебя против нас, – пояснила Эмма. – И доказательство тому – твой рассказ о злых, несправедливых словах, которые она написала о моем дорогом папе.

Еще одна новость: Эмма слушала меня часами, возмущаясь тем, что я рассказывал о поведении ее отца, и тут же в соседней комнате передавала ему все мои слова!

– Твою матушку прискорбным образом ввели в заблуждение, – заметил дядя. – Мы разъясним тебе всю подноготную, как только ты окончательно выздоровеешь.

– Тебе, должно быть, непонятно, каким образом могло выйти, – проговорила Эмма, – что ты с нами воссоединился. Как могло случиться, что из всех лондонских домов ты в поисках милости выбрал именно этот, а он оказался домом твоего давно потерянного неведомого дядюшки!

Я выразил на лице недоумение.

– Это воля Провидения, – вскричала тетушка. – Хвала Господу!

– Да, Джонни, – подхватила Эмма. – Хотя это и кажется необычным, но к нашим дверям тебя привела простая случайность. Такое ожидаешь только в романах, да и то, если знаешь, что автор ленится придумать что-нибудь получше.

Случайность? Нет, этому я не мог поверить. Если некий Автор и выстраивает мою жизнь, то я не в силах был подумать о нем так плохо.

– Я очень скоро обо всем догадалась. Помнишь, как я вздрогнула, когда ты назвал свое имя «Клоудир»? – спросила Эмма.

Я кивнул: мне вспомнилось, как я сказал, что это имя для меня – самое ненавистное.

– Я тогда поняла, кто ты есть, потому что отец часто говорит о жене своего бедного брата и ее ребенке. О своих подозрениях я не смела заикнуться – боялась, как ты будешь

потрясен, когда обнаружишь, что находишься в доме «врагов». – Я вспыхнул, а Эмма продолжала: – У меня не было оснований не верить мнению твоей матери. Но мы тебе все объясним: ты поймешь, где правда, и избавишься от страхов и недоверия. Помни, Джонни: у нас впереди уйма времени.

– Нам пора уходить, Джонни устал, – вставила тетушка.

– Да, мне хотелось бы уснуть, – сказал я.

– Конечно, конечно, – заторопилась Эмма. – Поспи, а попозже я принесу тебе овсянки.

Я остался один за запертой дверью, терзаемый страхами и сомнениями. Можно ли было верить тому, что семейство скрывало свое родство со мной из желания меня уберечь? Неужели матушка заблуждалась, когда писала мне о дядюшке? Необходимо было принять решение: если она права, то мне грозит страшная опасность; предположим, кодицилл представлен в канцлерский суд, и если ему дан ход, тогда единственным препятствием для унаследования Клоудирами (или все-таки Портюсами?) имения Хафем является существование непресекаемой линии Хаффамов. Этим, несомненно, и объяснялось все то, что происходило в моем присутствии на заседании суда: факт кончины моей матушки был засвидетельствован с тем, чтобы утвердить мой статус наследника собственности Хаффама! И дабы удостоверить мою личность, упоминалось, что в приходских списках Мелторпа моим отцом был записан «Питер Клоудир».

Таким образом, только моя жизнь мешала Сайласу Клоудиду немедленно вступить во владение поместьем! Более того, поскольку ему следовало меня пережить (а возраст его, надо думать, уже весьма преклонный), то его наследники – Эмма и мой дядюшка – должны с величайшим нетерпением ожидать подобного поворота событий. Неудивительно, что мистер Гилдерслив делал такой упор на состоянии моего здоровья! А мистер Барбеллион возражал против учреждения надо мной опеки в лице моего дядюшки!

Какая удача, подумалось мне, что во сне мне было послано предостережение. Я вдруг понял, почему меня посетили видения: что-то было подмешано мне в пищу! Сердце у меня заколотилось, когда я вспомнил, как однажды мисс Квиллиам рассказывала о лаудануме: в малых дозах он вызывает глубокий сон, с увеличением дозы провоцирует необузданное буйство фантазии, а в больших дозах служит ядом, следы которого нельзя обнаружить. Не подмешала ли Эмма опиум в мой ужин и снотворный напиток? И я остался в живых только потому, что едва его пригубил? Или же я схожу с ума, заподозрив нечто подобное?

Не успел я дойти до этой мысли, как в дверь тихонько постучали. Ключ в замке повернулся почти бесшумно – и вошла Эмма, улыбаясь с прежней непринужденностью; в руках она держала тарелку овсянки.

– Ты спал?

Я кивнул.

– Теперь тебе нужно поесть, – сказала она, протягивая мне тарелку.

Я машинально мотнул головой: в этом доме я твердо решил ничего не брать в рот. То, что за этим могло последовать, обдумывать было некогда, но пока из дальнейшего мне было ясно только это одно.

Эмма, бросив на меня колючий взгляд, со словами: «Хорошо, я оставлю это для тебя здесь», поставила тарелку на столик возле кровати.

– Бедняжка Джонни, – обронила она. – Какой ужас оказаться вдруг в таком злом семействе!

Ее насмешливая реплика прозвучала так естественно, что я невольно улыбнулся. Как бы мне хотелось верить, что я могу положиться на Эмму и что все мои фантазии – следствия неизжитой болезни!

– Поспи еще, а когда проснешься, постарайся это съесть, – заботливо проговорила Эмма. – Я уйду.

Снова оставшись один, я постарался сосредоточиться на другой загадке: каким образом я сюда попал? Предложенное объяснение меня не устраивало: перебирая мысленно запутанный клубок событий, в которые был вовлечен, я вспомнил, что сюда меня привел мальчишка, встретившийся мне возле старого дома на Чаринг-Кросс. На меня нахлынул целый поток недавних переживаний: вот я устало бреду по заснеженным улицам. Откуда я это знаю? Мне представилась другая картина: в теплой кухне сидит тучная веселая женщина. Да это же кухня дома в Мелторпе! А эта женщина – миссис Дигвид! Мальчишка, который меня сюда привел, – это ее сын Джоуи!

Пытаясь разгадать одно необычайное совпадение, я тут же наталкивался на новое. И дальше окончательно попадал в тупик, не в состоянии уяснить, как и почему Джоуи Дигвид связан с моим дядюшкой. Точно таким же необъяснимым выглядело и другое совпадение: Барни и есть тот самый взломщик. Но – задался я вопросом – нет ли связи и между этими двумя совпадениями: мне вспомнилось, как я заключил, что визит миссис Дигвид в дом матушки не случайно состоялся после кражи со взломом. Распутать все нити мне было не под силу, однако события, несомненно, выстраивались в определенный ряд: это указывало на то, что против меня действовал некий тайный заговор. То, что со мной происходит, – не следствие слепого случая, а продуманного плана. Теперь я знал, что в этот дом меня привело не простое стечение обстоятельств, и Эмма с ее отцом лгали мне именно по этой причине.

Ход логического рассуждения, позволившего мне сделать этот вывод, меня взбодрил. Я не помешан: мне и в самом деле расставлена хитроумнейшая ловушка. В чем бы ни заключалась подлинная суть дела, я понимал одно: от этих людей нужно спастись бегством – и как можно быстрее.

Я выбрался из постели и подбежал к окну: оно было заграждено засовом, который я не мог снять. К тому же комната моя находилась на втором этаже, и спуститься на землю было никак нельзя: даже если бы мне это удалось, я оказался бы во двореике, напоминавшем колодец, и выбираться оттуда пришлось бы только через дом.

Бежать нужно было не откладывая: я порешил не брать в рот ни крошки. Нельзя было и допустить, чтобы родичи заподозрили мою боязнь быть отравленным; поэтому я приподнял край ковра у кровати и спрятал там большую часть овсянки, притоптав ковер для сокрытия неровностей. Потом снова залез в постель – и хотя в продолжение вечера дверь не один раз отворялась и кто-то ко мне входил, я притворялся спящим, не смея даже чуть-чуть разомкнуть веки.

Прислушиваясь к затихавшим в доме шагам и голосам, я перебирал в уме свои возможности. Одежду у меня забрали вчера по возвращении из суда, после болезни я все еще чувствовал слабость; других денег, кроме соверена, у меня не было. Мог ли я холодной январской ночью надеяться убежать далеко босиком, в ночной сорочке? Да и куда мне было бежать: ведь я не знал никого, к кому можно было бы обратиться за помощью? Однако выбора у меня не оставалось: здесь меня ждала неминуемая смерть.

Я решил не шевелиться часов до четырех утра, когда все в доме погрузится в глубокий сон, а рассвет будет близок: уличный холод грозил мне гибелью. Борясь с дремотой, я прислушивался к бою часов на лестничной площадке: полночь, час ночи, два часа.

Глава 74

Наконец часы пробили четыре. Я свернул одеяла с тем, чтобы в них закутаться: стать вором я не боялся. К моему удивлению, дверь на этот раз не заперли, и я облегченно перевел дыхание. Я осторожно прокрался на лестничную площадку, погруженную в полную темноту, и очень медленно, со всеми предосторожностями, стал спускаться вниз по ступеням. Здесь темноту немного рассеивал только свет газовой горелки за калильной сеткой; зная, что слуги спят на верхнем этаже дома, а семейство – на втором и третьем, я чувствовал себя в относительной безопасности. Черный ход вел прямо на задний двор, и мне ничего не оставалось, как только бежать через парадную дверь. Я потихоньку снял один засов, потом другой: еще немного – и я, казалось мне, буду на свободе.

Но тут внезапно краем глаза я увидел, как сбоку, совсем близко от меня, отворилась другая дверь, и в проеме показалась чья-то фигура.

– Так вот твоя благодарность? – проговорил дядюшка. – Тебя настроили против нас? – Он протянул руку и прибавил газ в горелке у нас над головами. От вспыхнувшего огня по лицу его заплесали тени. – Какая удача, что я заработался допоздна и услышал шорох.

– Неправда! – вскричал я, мгновенно осознав всю свою наивность. – Вы меня подстерегали. У вас в комнате было темно – иначе я бы заметил отсвет в щели под дверью. И вот почему вы не заперли меня на ключ!

Понимая, что усилия мои напрасны, я все же потянул парадную дверь на себя, однако она не подалась.

– Ключ у меня в кармане, – коротко бросил дядюшка.

В отчаянии я забарабанил по двери кулаками, крича:

– На помощь! Выпустите меня! Караул!

Дядюшка с бранью схватил меня. Поднятый мною шум перебудил весь дом. На лестнице послышались голоса, внесли свет, и я, лягая дядюшку по ногам, пронзительно завопил. Единственное, на что я надеялся, это вызвать сочувствие у кого-нибудь из слуг. Глянув вверх, я увидел на лестнице Эмму и тетушку, стоявших там в ночных одеяниях. За ними показалась Эллен – подумать только, когда-то в ее лице мне чудилась доброжелательность! – и молодая служанка, которую раньше я видел лишь мельком. Слуга Фрэнк явился с нижнего этажа полностью одетым и, с первого взгляда оценив ситуацию, бросился дядюшке на помощь.

– В чулан его! – скомандовал дядюшка Фрэнку, и оба они поволокли меня в глубь дома.

– Мерзкий негодник! – воскликнула Эмма. – После всего, что мы для тебя сделали!

– Не вини его, дорогая, – проговорил дядюшка. – Разве ты не видишь, что он за свои поступки не отвечает?

– Нет, это неправда. Я не сумасшедший, – кричал я, обращаясь к служанке, взиравшей на меня в ужасе. – Они хотят меня убить! Они подсыпают мне отраву! Умоляю вас – обратитесь к правосудию, расскажите там обо всем.

Меня без промедления впихнули в каморку возле дальнего коридора. При свете свечи, с которой кто-то стоял у двери, я успел только разглядеть, что внутри нет ни мебели, ни ковра, ни камина, зато железная решетка загораживает единственное окошко, смотревшее, очевидно, на задний двор. Дверь тут же захлопнулась, и я остался один, в холоде и мраке.

Итак, пытаюсь бежать, я угодил в ловушку. Холод пронизывал меня до костей: сопротивляясь, я растерял одеяла, а постельные принадлежности отсутствовали, и мне предстояло провести всю ночь в одной рубашке с возможной опасностью для жизни. Я улегся на голые доски, стараясь сжаться в комочек и даже не помышляя о сне. Они стремятся меня убить. Но я не поддамся.

Когда едва-едва забрезжил рассвет, дверь отворилась и вошла Эмма в сопровождении Фрэнка, с едой и питьем. Не сводя с меня взгляда, в котором страх и отвращение странным образом мешались с жалостью, она поставила тарелки на пол.

– Я ничего не возьму в рот, пока вы сами не попробуете, – заявил я. – И пить буду только воду.

– Я надеюсь, что тебе станет лучше, – сказала Эмма, – и ты поймешь, насколько нелепы и несправедливы твои подозрения.

– Мне очень холодно, – добавил я.

– Отец говорит, что боится дать тебе одеяла и разжечь огонь.

С этими словами она вышла, а Фрэнк запер за ней дверь.

Часа через два – следить за временем сделалось трудно – Эмма вернулась вместе с отцом. При виде нетронутых еды и питья дядюшка заявил:

– Ты собрался себя уморить. И все из-за того, что тебя сбила с толку эта глупая и злобная тварь – твоя мать.

– Не смейте так говорить о моей матери! – закричал я.

– Думаю, тебе нужно узнать правду, – сурово проговорил дядюшка. – Именно на твоей матери лежит вина за все беды, которые постигли моего несчастного брата Питера. Она всячески стремилась заполучить власть над этим невинным слабоумным созданием.

– Замолчите! – воскликнул я. – Я не желаю слушать ваши выдумки!

Я попытался заткнуть уши, однако слова дядюшки продолжали проникать в мой слух.

– Она и ко мне примерялась, но со мной было не совладать. Поэтому закобалила вместо меня Питера – небу известно, каким легким это было делом при его-то невинности – и взяла над ним полную власть. Зачем ей это было нужно? Я частенько недоумевал: полагаю, она со своим папашей зарилась на долю богатства моего отца.

– Молчите!

– Мы рассказываем тебе это ради твоего же блага, Джон, – вмешалась Эмма. – Правда колет глаза, но ты должен ее знать.

Глядя на бледное лицо Эммы, которое все еще казалось мне красивым, я видел в нем одну лишь ненависть и не мог решить, верит ли она тому, что говорит. Если да, то что могло быть ужасней?

– Твоя мать и ее отец, – безжалостно продолжал дядюшка, – надеялись использовать моего брата в собственных целях, но перемудрили. Они свели его с ума, пытаясь настроить против родной семьи. Вот почему он ополчился против твоего дедушки и убил его.

– Я не верю, что он помешанный! – выкрикнул я. – Это злостная ложь. Мистер Эскрит сказал матушке, что отец говорил правду: ссора между ними на самом деле была розыгрышем.

– Сказал матушке, – с издевкой повторил дядюшка. – Предупреждаю: ты ни на грош не должен верить речам этой женщины. Мне известно одно: именно она толкнула Питера на убийство. Одному Богу известно, с какой целью. Впрочем, удивить она меня не может ничем. – Сощурившись, он окинул меня изучающим взглядом. – И вот что еще тебе следует знать. Не уверен, понятно ли тебе, что Фортисквинс... – Он умолк и, посмотрев на дочь, заключил: – Но подождем с этим.

– Нет, – возразила Эмма, и на лице ее мелькнуло торжество. – Расскажи ему обо всем.

И вот теперь я услышал нечто такое о матушке – а вернее, о моем отце, – чему не мог поверить и, однако, не мог выбросить из головы.

Не дослушав, я кинулся на дядюшку с кулаками, и он меня грубо отшвырнул. Лежа на полу, я заливался слезами гнева и отчаяния, а Эмма с отцом удалились со смехом.

Могло ли хоть что-то из этого быть правдой? При одной мысли о подобном земля уходила у меня из-под ног. Моя мать – обманщица? Лгунья? Или еще того хуже? Под маской вну-

шающего доверие простодушия она скрывала глубоко порочную двуличную натуру? Верно, что она таила от меня сумму капитала, вложенного в роковую спекуляцию. Тайком от меня купила тот кусок вышивки. И позднее становилась все более замкнутой и подозрительной, хотя и, конечно же, под влиянием обстоятельств. Что касается намеков мистера Портьюса на... Я не в силах был заставить себя даже думать об этом.

Спустя какое-то время – когда именно, определить я не мог – Фрэнк внезапно отпер дверь и кинул мне груды одеял, в которые я после его ухода завернулся. Мысли мои начинали путаться, и я переставал понимать, где нахожусь и что со мной происходит. Знал только, что попал в ловушку; и тут мне пришлось в голову поднять шум – достаточный для того, чтобы привлечь внимание прохожих. Пока я, вцепившись в железные прутья, выкрикивал что-то через грязные оконные стекла, за которыми ничего не было видно, дверь вновь отворилась, и вошел отец Эммы. Его сопровождали доктор Алабастер и два незнакомых джентльмена, а следом Фрэнк внес поднос с какими-то блюдами.

– Умоляю, вызволите меня, – воскликнул я. – Они хотят меня убить.

Я вдруг заметил, что язык плохо меня слушается и что мне трудно на чем-то сосредоточить взгляд: лица вошедших расплывались передо мной бледными лунами, и я едва-едва различал их черты.

– Почему вы так говорите? – мягко спросил один из незнакомцев.

– Они хотят уморить меня голодом и холодом.

– Но разве ты не укрыт одеялами, Джон? – продолжал незнакомец. Он указал на поднос, который Фрэнк поставил на пол передо мной: – А это что, разве не еда?

Я попытался объяснить, что одеяла мне дали совсем недавно, но слова не выговаривались.

– Еда отравлена, – пробормотал я. – Я до нее не дотронусь.

– Ну-ну, без глупостей. Возьми хоть кусочек, – произнес мой так называемый дядюшка тоном, какого я от него еще не слыхивал.

– Не возьму, пока вы сами не попробуете.

Мистер Портьюс переглянулся со своими спутниками, те важно кивнули.

– Что ж, Джонни, отлично, – весело улыбнулся он. – Если это тебя успокоит, я докажу, что тебе ничего не грозит.

Он попробовал еду с ложечки, потом наполнил стакан и выпил.

– Ну да, конечно же, яду теперь здесь нет, – вскричал я.

Придвинув к себе тарелку, я стал жадно, будто голодный пес, поглощать съестное под внимательными взглядами незнакомцев.

– Итак, мастер Клоудир, – обратился ко мне доктор Алабастер.

– Не называйте меня так! – воскликнул я.

– Почему же нет? Разве это не ваше имя?

– Нет, мне оно ненавистно!

– Очень хорошо, Джон, – невозмутимо продолжал доктор Алабастер. – Присутствующие здесь джентльмены намерены задать тебе несколько вопросов. Ты готов на них ответить?

Я кивнул.

– Скажите нам, пожалуйста, – заговорил второй незнакомец, – кто вот этот джентльмен (он указал на отца Эммы) и как вы оказались в его доме?

– Говорят, будто он мой дядя, но я не уверен в этом. Как я сюда попал, тоже не знаю. Против меня составлен заговор. И уже давно – с того времени, как в наш дом вломились ночью, а я тогда был ребенком. Взломщик живет сейчас в недостроенном здании в Нарядных Домиках. Думаю, именно он меня сюда и доставил.

Я умолк: два незнакомца переглянулись, но их лиц я не мог различить – они представлялись мне смутными пятнами.

– У меня очень простой вопрос, – произнес первый незнакомец. – Скажите, пожалуйста, сколько получится, если к шести шиллингам и трем пенсам прибавить один шиллинг и восемь пенсов, а затем вычесть четыре шиллинга, девять пенсов и три фартинга?

Голова у меня разламывалась, на ногах я едва держался и потому озадаченно протянул:

– Не знаю, сэр. Но я в своем уме. Знаю многое другое. Знаю, что вот это – стул, – я указал на него, – а вот это – человек, – я указал на Фрэнка.

– Он может отличить одно от другого, и только, – покачивая головой, проговорил первый незнакомец.

– Полагаю, мы видели достаточно, – вмешался второй. – Ордер будет простой формальностью.

– Другого вывода я и не ожидал, – заметил доктор Алабастер.

– Надеюсь, мистер Портьус, – продолжал второй незнакомец, – что вы не обойдетесь сурово с вашей служанкой. Она поступила так, как считала нужным.

– Не извольте беспокоиться, – ответил мистер Портьус. – Думаю, я известен своим великодушием.

– Весьма кстати, – произнес первый незнакомец, – что вы оборудовали эту комнату, руководствуясь соображениями безопасности: решетка на окне, отсутствие очага гарантируют, что бедный мальчик не сбежит и не причинит себе вреда.

– Это вызвано крайне прискорбным обстоятельством, – ответил отец Эммы. – Именно здесь нам пришлось держать под замком моего бедного брата, отца этого мальчика. Сын унаследовал отцовский недуг.

– Нет, – закричал я. – Это было не так! Вы лжете! Или лгали раньше.

Незнакомцы, переглянувшись, покачали головами – и все вышли, оставив меня за запертой дверью. Так, значит, отсюда Питер Клоудир бежал в дом к моему дедушке!

Остаток дня и наступившая ночь вспоминаются мне прерывистой чередой состояний, которые нельзя было назвать ни сном, ни бодрствованием: сознание от меня то уходило, то возвращалось. К еде я больше не притрагивался, чувствовал нарастающую слабость и лихорадку.

Помню, что потом во тьме забытья в глаза мне вдруг ударил свет: меня схватили, завязали рот зловонной тряпкой и, чуть не вывернув руки из суставов, стиснули их так, что я не мог ими шевельнуть.

Меня подняли, пронесли через весь дом и впихнули в карету, где, совершенно беспомощный, я очутился между двумя сильными мужчинами. Карета двинулась с места, я забился в тисках и попытался крикнуть, но мне мешала повязка.

Тут меня ударили по голове, и послышался голос доктора Алабастера:

– Умолкни, Клоудир, не то хуже будет.

Я затих. Когда карета въехала на широкую, ярко освещенную улицу – по-видимому, Нью-роуд, я различил лицо доктора Алабастера, который с каменным выражением глядел в окошечко. Повернувшись к другому моему провожатому, сидевшему по другую сторону от меня, я с ужасом его узнал: это был тот самый верзила, прыгнувший в карету во время давней попытки Эммы меня похитить; позже он принимал участие в нападении на меня и матушку, когда мы возвращались из ломбарда!

Глава 75

Мне подумалось, что я и в самом деле душевно болен. Доказательство тому – постоянные поиски связей и совпадений. От этой мысли всякая воля к сопротивлению меня покинула, и я заключил, что даже хорошо, если меня везут туда, куда везут. Это выглядело неотвратимой неизбежностью: к такой именно участи вела меня вся моя жизнь, и я испытывал облегчение, что я наконец у цели.

Человек, которого я узнал, гнусно хихикнул:

– Тут, похоже, прямой продолжатель семейной традиции – так ведь, сэр?

– Да, – ответил доктор Алабастер. – Самый что ни на есть законный наследник.

Оба рассмеялись, и больше ни слова не было сказано, пока карета после долгого путешествия не въехала через ворота на усыпанную гравием дорожку. Ночное небо уже начинало понемногу светлеть, и на его фоне я мельком увидел очертания большого дома. Выглядел он странно: мне припомнился виденный однажды пес с бельмами на глазах, поскольку окна верхних этажей были густо забелены.

Карета остановилась, и меня вытолкнули на гравий, потом подхватили и со связанными за спиной руками потащили через вестибюль в дом.

Доктор Алабастер без дальнейших церемоний удалился, а к его помощнику присоединился крупный уродливый человек, который уставился на меня с насмешливой улыбкой, будто давний знакомец. Вглядевшись в его скошенные глазки и брови, постоянно вздетые словно в знак презрения ко всему окружающему, квадратное плоское лицо, в точности походившее на красный кирпич, я вдруг понял, что и в самом деле его встречал: он помогал верзиле в том самом нападении! Судя по связке ключей, свисавшей у него с пояса, он исполнял здесь должность тюремного надзирателя.

Меня ухватили за плечо и, пихая в спину, повели по темному, мощенному камнем коридору, из которого мы попали в просторную комнату. Это была мужская больничная палата, и в этот ранний час пациенты просыпались и одевались. На лицах вокруг меня были запечатлены все разновидности вырождения, идиотизма и маниакальности: носившие печать унижения и страданий, одни выказывали ожесточенность, другие – сломленность, иные горели жаждой справедливости, многие выражали только тупое безразличие. На некоторых пациентах, как и на мне, была надета смирительная рубашка. Я поискал лицо, которое светилось бы чуткостью и пониманием, но не обнаружил ни одного, и только в самом дальнем углу поймал на себе взгляд седовласого старика, сидевшего на низкой постели: он рассматривал меня с интересом и сочувствием.

Покинув эту комнату, мы прошли через еще один коридор, спустились по стертým ступеням в какой-то подвал и остановились перед железной дверью. Надсмотрщик выбрал из связки громадный ключ. Тяжелая, снабженная множеством засовов дверь со скрипом распахнулась, и меня втолкнули внутрь.

Поначалу в полной темноте, ощущая под ногами толстый слой соломы, я не мог ничего различить, кроме небольшой решетки высоко под потолком, через которую проникал слабый свет. Дверь за мной незамедлительно заперли, однако оба мои провожатые с минуту понаблюдали за мной сквозь узкий сетчатый проем в верхней части двери.

– Не подходи близко, – предупредил надсмотрщик. – Цепь не очень длинная.

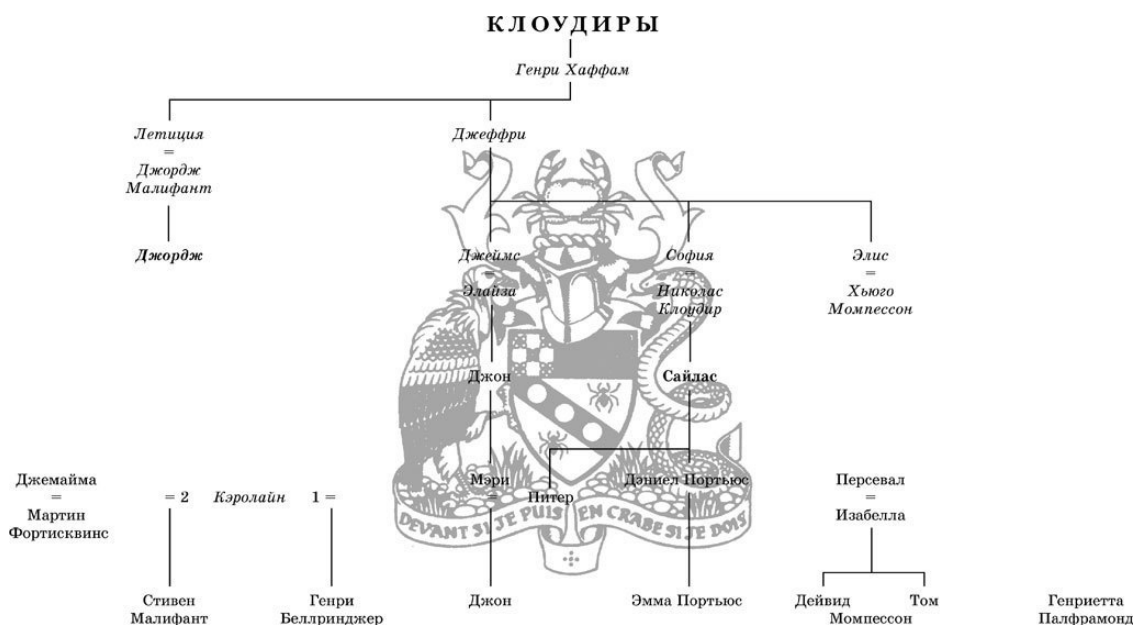
– Трогательная сцена, – заметил помощник доктора Алабастера. – Будто последний акт в пьесе.

Оба удалились со смехом, перебрасываясь шутками. В наступившей тишине я услышал, как в противоположном углу камеры слегка зашуршала солома. Я напряг слух – и, как мне показалось, уловил чье-то размеренное дыхание. Меня охватил страх. Неизвестно,

находилось ли там животное, а если да – то какой породы: с руками, до сих пор связанными за спиной, я был совершенно беспомощен.

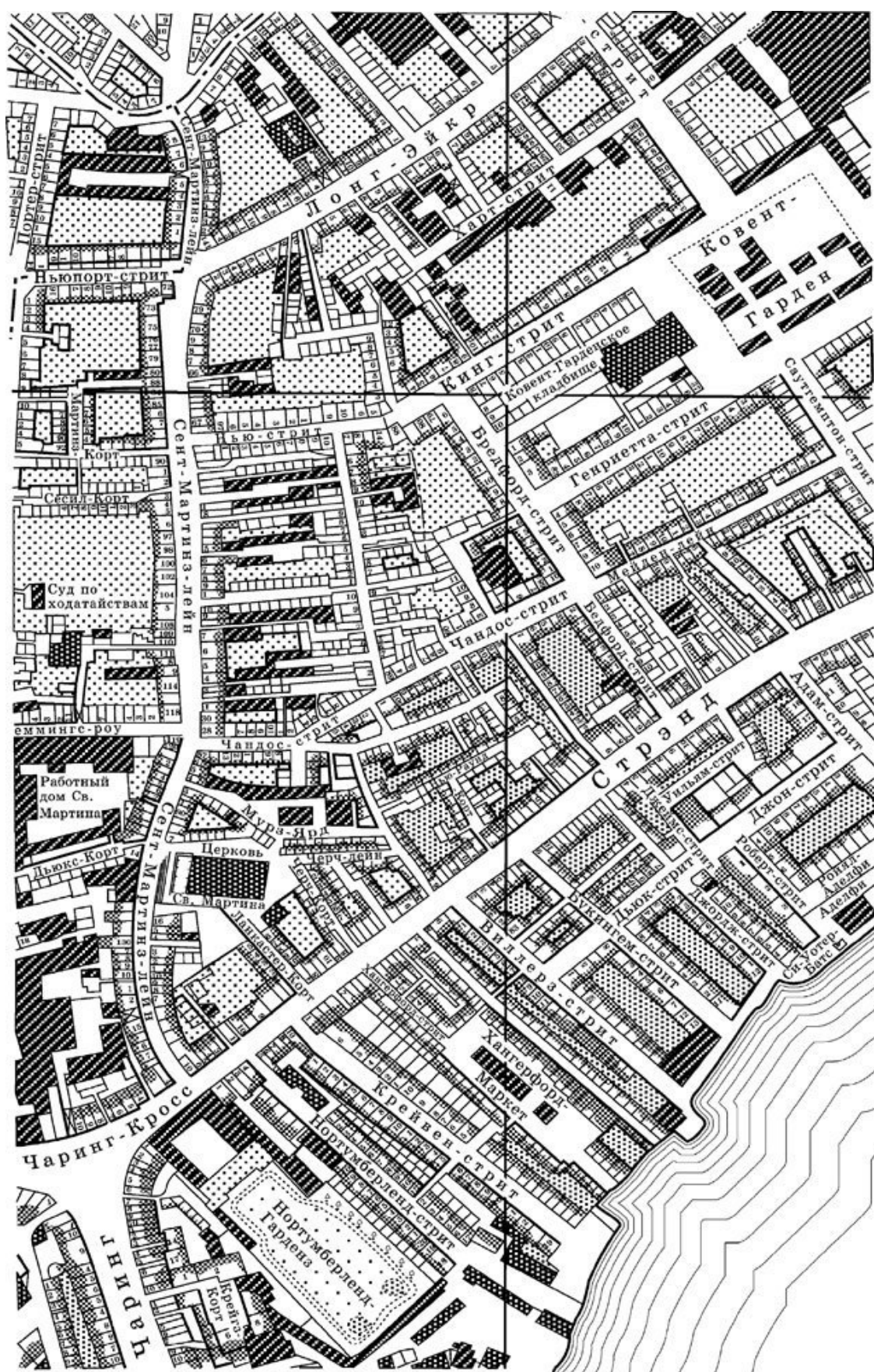
Когда мои глаза приноровились к темноте, я различил у дальней стены неясную фигуру, сидевшую на полу на корточках. Теперь я увидел, что она походила на человеческую. Звяканье металла позволило определить, что это существо приковано к стене за шею цепью.

Чуточку ободренный, я сделал шаг вперед, и существо, повернувшись ко мне с вываленным из раскрытого рта языком, вжалось в стену. Густые всклокоченные волосы, перепутанные с бородой, почти скрывали лицо, дико вытаращенные глаза озирали меня в растерянности. И это лицо – к полному моему ужасу – я узнал, узнал, несмотря на запущенный вид и свирепую гримасу: оно совпадало с образом, который запечатлелся в моем внутреннем зрении с детства. Да, добрые карие глаза и тонкие черты, на которые я взирал подолгу и столь часто, словно пытался отыскать в них смысл собственной жизни, принадлежали тому самому лицу, которое гримасничало передо мной во мраке: этот жалкий безумец, скорчившийся на грязной соломе, был точным подобием того, кто был изображен на миниатюре в медальоне матушки.

Персонажи, непосредственно не участвующие в событиях романа, обозначены *курсивом*. Те, кто мог бы владеть имением, если бы вступил в силу утаенный кодицилл Джеффри Хаффам, обозначены **жирным** шрифтом.

Часть четвертая Палфрамонды

Чаринг-Кросс и Ковент-Гарден (масштаб 1:3600) N ↑

Книга I Лучшие намерения

Глава 76

Приглашаю вас посетить в воображении салон дома на Брук-стрит и представить себе, как все это могло обстоять.

Старший баронет полулежит на оттоманке в гостиной и распекает своего наследника; его супруга глядит на них, сидя на софе у окна.

– Возмутительно! Совершенно возмутительно! Мало чем уступил этому негоднику.

– Ваш отец подразумевает, что ваше поведение лишь немногим менее предосудительно, чем поведение вашего брата, – хладнокровно поясняет леди Момпессон. – И менее извинительно, поскольку я и ваш отец не считаем, что он несет ответственность за свои действия.

– Я отрекаюсь от него, – восклицает баронет. – Отрекаюсь всецело. – Он увольняется из полка с позором. Никогда в жизни никто из Момпессонов...

Баронет умолкает, но за него продолжает жена:

– С ним необходимо что-то делать. В любом случае это будет стоить денег. Вы, по-видимому, не имеете представления о серьезности ситуации. Мы все больше и больше залегаем в долги.

– На грани банкротства! Проклятые жида!

– Акцепты вашего отца никто не берет, – разъясняет леди Момпессон, – поскольку теперь, когда кодицилл предъявлен в суд, наш кредит подорван, и нам грозит потеря имения.

– К тому же чертовски плохие новости от Ассиндера.

– Ах, Ассиндер, – начинает было Дейвид, но мать бросает на него предостерегающий взгляд.

Однако уже поздно.

– Не желаю больше об этом слышать! – кричит старший баронет. – Он племянник человека, который прослужил мне и моему отцу сорок лет! И чертовски преуспел благодаря мне!

– Ему великолепно удалось снизить налог в пользу бедных, – примирительным тоном замечает леди Момпессон, – поскольку он избавился от многих приписанных к приходу бедняков. И огораживание общинных земель тоже прошло успешно.

– Возможно, и так, отец, но Барбеллион...

– Я знаю, о чем Барбеллион думает, – гремит сэра Персевал. – И твоя мать тоже знает. – Он кидает на нее взгляд. – Но это чепуха. Я бы жизнь ему доверил.

Задыхнувшись, он хватается за грудь.

Помолчав, леди Момпессон спокойно произносит:

– Не касаясь этого вопроса, следует признать тот факт, что он отстранил главных нанимателей и во многих случаях их плата просрочена. – Не дожидаясь протестов мужа, она обращается к сыну: – Вот почему дела вашего отца в таком плачевном состоянии.

– А ты делаешь их еще хуже! – восклицает баронет. – Растрачиваешь свое время и мои деньги в гнусных игорных заведениях. Вроде того, которое на днях ограбили. И поделом владельцам! К чертям дурацкие забавы! Мне страшно подумать, сколько ты там промотал. Ответь честно, сколько у тебя долгов?

Мистер Момпессон смотрит на мать, та поджимает губы.

– Чуть больше двух тысяч фунтов.

Услышав эту сумму, баронет немного смягчается:

– Что ж, плохо, но не через меру. У тебя единственный выход – жениться.

– Именно об этом я и думал, сэр.

– Очень хорошо. Но тебе известно, кого я имею на примете.

– Отец, когда мы в прошлый раз об этом беседовали, я сказал: мне нужна невеста с наличностью. И думаю, я такую нашел.

– Я говорил тебе и раньше, что первейшее условие – сохранить имение.

– Но не в том случае, отец, если мы не сможем его содержать. Так ли важно, что мы потеряем землю, если мы такой ценой удержимся на плаву?

– Черт побери! – вопит баронет. – Ты лишен фамильной чести? Момпессоны владели этой землей сотни лет.

– Успокойся, отец. Ты ведешь речь о гордости, но правду-то знаешь. Мы приобрели имение весьма сомнительными средствами. Твой дед подчинил себе это жалкое существо, Джеймса Хаффамы, и пособил ему обманным путем лишиться наследства собственного сына.

Баронет багровеет от гнева – и, пока его супруга сердитыми жестами велит сыну покинуть комнату, возможно, и для нас наступает удобный момент расстаться с этой домашней сценкой.

Глава 77

Долгими часами, проведенными в темной камере, я не сводил глаз с несчастного создания напротив меня, пытаюсь уяснить, что же все-таки происходит. Так это то самое Убежище, о котором упоминала матушка в своем повествовании?

Я думал о том, как протекали годы (моя жизнь насчитывала их меньше) для здешнего затворника. Не сразу мне пришло в голову, что я заперт лицом к лицу с убийцей моего дедушки: все питавшиеся мною надежды на его невиновность развеял дикий вид этого существа, скорченного у стены; теперь если он и мог представлять опасность, то только для себя самого.

В первые часы мой сокамерник потрясал цепями, словно рвался к бегству, однако прочные оковы едва позволяли ему двигаться. Потом он принялся стонать и тереться головой о запястья – воздеть руки выше ему мешали оковы, и меня посетила жуткая мысль: а не плачет ли он. Мне хотелось с ним заговорить, но мешало то, что я не знал, как к нему обратиться.

Помедлив, я задал простой вопрос:

– Вы меня понимаете?

При этих словах мой сокамерник еще сильнее вжался в стену, взирая на меня в ужасе и пытаюсь заслонить лицо. И еще долго он не мог успокоиться.

Ночь тянулась и тянулась. Откуда-то из глубин дома доносились разные звуки, слышалось что-то вроде тонкого непрерывного плача, который можно было принять за отдаленные завывания ветра, если бы я не знал, что погода стоит тихая.

Так мало света проникало в камеру, что нельзя было понять, занялось ли утро, но в очень ранний, как мне показалось, час к дверной решетке приблизился доктор Алабастер в сопровождении надзирателя, который доставил меня сюда накануне вечером.

Мой бедный сокамерник, слышав голос доктора, съежился и еще теснее прижался к стене.

– Доброе утро, мастер Клоудир.

Я шагнул к решетке и взгляделся в нездоровые черты доктора Алабастера.

– Не называйте меня так!

– Полагаю, вы провели приятную ночь, – продолжал он, – воссоединившись после столь долгой разлуки с вашим достопочтенным родителем. – Он поднес фонарь вплотную к

решетке и осветил мне лицо. – Вид у вас, однако, утомленный. Боюсь, вам не давало уснуть его красноречие. Вам, надо думать, было о чем поговорить. Он поведал вам о вашем выдающемся дедушке, который, полагаю, скончался до того, как вы имели удовольствие завязать с ним знакомство, а также о том, как глубоко ваш родитель был привязан к этому джентльмену и какое практическое выражение нашла эта привязанность?

Доктор знаком велел надзирателю отпереть дверь и, едва она приоткрылась, сделал вид, будто намерен обрушиться на закованного в цепи пленника, который отшатнулся в ужасе. Не раздумывая, я кинулся на нашего мучителя, боднув его в живот головой, поскольку руки у меня были связаны. Его спутник, однако, мигом оттащил меня в сторону и ударил по лицу с такой силой, что я, оглушенный, растянулся на полу, лишь кое-где немного прикрытом соломой.

– Поосторожней, Рукьярд, не оставляй на теле следов! – воскликнул доктор, брезгливо отряхивая одежду и бросив на меня взгляд, исполненный глубокой ненависти. – Меня предупреждали, что он буен. Придется применить успокоительное или отправить в карцер.

Рукьярд, раздумывая, усмехнулся.

– Посади его в нижний подвал, – распорядился доктор Алабастер и, повернувшись ко мне, с едкой улыбкой добавил: – А теперь должным образом попрощайтесь с отцом, как и положено почтительному любящему сыну.

Я не пошевелился, и Рукьярд с такой силой толкнул меня вперед, что узник вновь со страхом вжался в стену.

– Что за трогательная картина! – съязвил доктор Алабастер.

Он двинулся по коридору, но, оглянувшись, бросил мне:

– Покажите себя достойным сыном своего отца, мастер Клоудир, и постарайтесь не обмануть возлагаемые на вас семейные надежды.

Рукьярд грубо захохотал, и к нему присоединился тот самый верзила, который, как я сообразил, поджидал в коридоре. Они толкнули меня в сторону, противоположную той, куда удалился доктор.

Пройдя по коридору, мы поднялись по каменным ступеням – пока я взбирался, надзиратель пинал меня и ставил мне подножки, – а потом миновали другой коридор, опять спустились вниз по лестнице и очутились, по-видимому, в подвальной части здания. Здесь верзила отпер очередную дверь с решетчатой сеткой, и Рукьярд втолкнул меня внутрь с такой силой, что я опять распластался на полу. Приподнявшись, я огляделся вокруг: эта камера показалась мне во всем похожей на первую, разве что никто в ней не обитал; пол покрывала солома, высоко под потолком виднелось крошечное зарешеченное окошечко. Предметы обстановки отсутствовали: только в углу лежал узкий соломенный матрас, а возле кувшина с водой стояла деревянная плочка с остатками холодной каши.

Рукьярд освободил меня от смиренной рубашки и с грохотом захлопнул за собой дверь. Взглянув на еду и питье, я из опасения быть отравленным решил, несмотря на голод и жажду, ни к чему не прикасаться, какие бы последствия мне ни грозили.

Единственную свою надежду я возлагал на побег – и с этой мыслью исследовал темницу. До окошечка было никак не дотянуться, да и не протиснуться через железные прутья. Судя по слабому свету, проникавшему снаружи, я находился, как видно, ниже уровня земли, на безлюдной стороне дома. Через небольшую сетчатую решетку, которая увенчивала окованную железом дверь, я мог рассмотреть отрезки коридора по обе стороны от себя при слабом мерцании отдаленной газовой горелки. Уцепившись за опоры решетки, я подтянулся повыше – и смог тогда увидеть нижнюю часть окна в противоположной от меня стене. За окном виднелся край пустыря, лужайка с пожухлой травой, на которой валялась сломанная тачка, а чуть подальше – запущенный кустарник и обширный пруд, окаймленный топким болотом. Никаких путей к бегству эта картина мне не сулила.

Потянулись долгие часы: в подвале было точно так же холодно, а я по-прежнему оставался в одной ночной сорочке. (Соверен, запятанный мной в кромке сорочки, впрочем, никуда не девался.) К полудню меня обуяли такие муки голода и жажды, что я едва не поддавался внезапному искушению наброситься на застывший комок каши и мутную воду. Но это было бы равносильно отказу как от стремления призвать Клоудиров к ответу за все ими содеянное надо мной и моим семейством, так и от попытки распутать обступившие меня тайны.

Лежа на матрасе, я начал задремывать, как вдруг встрепенулся от шороха и вовремя успел заметить некий предмет, просунутый сквозь решетку: он упал на солому. Я ринулся к двери, но ограниченный угол зрения позволил мне лишь мельком увидеть фигуру, почти бесшумно удалявшуюся от меня по коридору.

Подобрав находку, я обнаружил, что это половина хлебного батона, завернутая в кусок муслина, насквозь промокшего. Вот еда и питье, в которых я так отчаянно нуждался! Однако тут же меня охватили подозрения. Возможно, это уловка – с целью приманить меня отравой, раз уж я отказался от предложенного угощения. Но, подумал я, что я теряю, опасаясь риска, если так и так погибать?

Я постарался растянуть пиршество, медленно пережевывая пропитанный влагой хлеб, потом закинул голову и выжал тряпку себе в рот. Ни один напиток – до того и позже – не казался мне таким сладостным, как эта вода, отдающая прелой грязной материей.

День, вероятно, клонился к вечеру: спустя час-другой стало темнеть – вернее, сумрак сгустился еще больше, и я, отыскав себе уголок посуше, попытался настроиться на сон.

Глава 78

Сквозь беспокойную дрему мне чудилось, будто кто-то меня зовет. Голос был мне незнаком – и, поскольку он звал: «Джон Клоудир, Джон Клоудир!», а признавать это имя своим я отказывался, я оставлял зов без внимания. Однако голос продолжал меня звать все более и более настойчиво, так что я наконец очнулся и лежал в стылой полутьме с бьющимся сердцем, не имея понятия, где нахожусь. Затем я осознал, что кто-то наяву называет меня ненавистным мне именем, повторяя его громким упорным шепотом, и в это мгновение мне сразу вспомнилось, где я и что со мной происходит.

Неизвестный обращался ко мне через дверь. Я поднялся с матраса и, осторожно к ней подкравшись, при тусклом свете из коридора различил сквозь решетку очертания чьего-то лица. Стоявший за дверью человек просунул мне в руки сверток: это снова оказался ломоть хлеба – упакованный, как и прежде.

– Вы – Джон Клоудир, верно? – спросил тихий голос. Ошеломленный, я ответил не сразу, и мой посетитель – судя по голосу, бывший уже в годах, повторил вопрос: – Вы приходите сыном Питеру Клоудиру?

– Да, я Джон Клоудир, – неуверенно и с неохотой признался я. – Но вы кто такой?

– Мое имя вам ничего не скажет. Меня зовут Фрэнсис Ноллот.

Посетитель отступил на шаг назад, и слабый отсвет газовой горелки из конца коридора упал ему на лицо. Это был невысокий, лысый человек старше шестидесяти с кроткой внешностью квакера, смотревший на меня с участием, и я его узнал: именно в нем, единственном покуда, кто встретился мне под этим кровом – в мужской спальне палате, через которую мы проходили, я распознал признаки ума и сострадания.

– Благодарю вас, – проговорил я, кусая хлеб.

Гость снова шагнул ближе и прошептал в прорези решетки:

– Они хотят вас отравить. Не берите ничего из их рук.

– Откуда вам это известно?

– Я назначен здесь смотрителем, и мне доверяют. – Заметив мое смятение, он поспешил добавить: – Да, я здешний обитатель, но в здравом рассудке – как и вы.

– Это не так, – возразил я. – Мне кажется, я схожу с ума.

– Именно этого они и добиваются. Мне это известно, потому что меня не замечают, а я по долгу службы бываю здесь всюду во всякое время и многое слышу.

– Вы могли бы бежать?

– Бежать? Зачем? Вне этих стен у меня ничего нет. Мне придется просить подаяние на улицах.

– Как так? Вы давно здесь?

– Долше всех остальных. Долше даже самого доктора Алабастера, которому я достался от его предшественника. – С оттенком гордости он уточнил: – Я здесь уже свыше двадцати пяти лет.

– Неужели такое возможно?

– О, это довольно обычная история. Сейчас нет времени ее рассказывать, хотя мы пока и в безопасности: ночной сторож все еще в кухне. Мы услышим его шаги, и я успею уйти. Что до того, как я сюда попал, то достаточно сказать одно: мне не посчастливилось оказаться законным наследником большого имения.

– Это может быть несчастьем?

– Да, в случае моего отсутствия право наследования переходило к моему брату и моей сестре, они не погнушались изыскать к этому средства и отстранить меня от дела. Нашелся и медик, за взятку готовый на лжесвидетельство. Как видите, мой случай весьма походит на ваш, на случай вашего отца и еще многих других. Однако времени у нас в обрез. Слушайте меня внимательно. Как я уже сказал, мне удалось подслушать разговор о вас – и узнал, что жизнь ваша под угрозой. Сколь долго смогу – буду приносить вам еду. Но нам нужно постараться вас отсюда вызволить.

– Но с какой стати вам подвергать себя опасности?

Я гадал про себя, не подослан ли этот человек доктором Алабастером с целью втереться ко мне в доверие, и хотя внешность его заставляла в этом усомниться, я не решался на кого-либо полагаться.

– Неужели у меня должна быть для этого причина? Но если вы в таковой нуждаетесь, отнесите ее на счет моей любви к вашему отцу. – Мистер Ноллот многозначительно добавил: – Я слышал, что вы с ним виделись.

Я хотел это подтвердить, но слова застряли у меня в глотке.

– Прошу прощения, – продолжал мистер Ноллот. – Но уверяю вас, что он не всегда был таким, как сейчас.

– То есть?

– По прибытии сюда он полностью владел всеми своими способностями.

– Он был в здравом уме? – чуть не выкрикнул я.

– Совершенно, – кивнул мистер Ноллот.

У меня от сердца отлегло, когда я это услышал. Однако тут же до меня дошло значение сказанного: если он не был сумасшедшим, убивая дедушку, то, следовательно, совершил убийство. Однако если мистер Эскрит не кривил душой, уверяя матушку, что ее супруг не страдал психическим расстройством, были ли столь же правдивыми его слова о ссоре как розыгрыше? И если так, то, выходит, Питер Клоудир в самом деле невиновен?

– Да, он был в здравом уме, – медленно проговорил мистер Ноллот. – Но душевный недуг его мучил.

Он умолк, и я поспешил вставить:

– Говорите смелее. Я знаю – знаю уже не первый месяц, что моего дедушку убил... – Голос мой пресекался.

– Ваш отец? – вскричал мистер Ноллот. – Вы так думаете? Позвольте же мне снять это бремя хотя бы с ваших плеч. Ваш отец нимало не замешан в этом чудовищном злодеянии.

Я никак не отозвался на эту фразу, поскольку в голове у меня мелькнула новая мысль: быть может, этот пожилой джентльмен и не *agent provocateur*,² подосланный доктором Алабастером, а просто-напросто безумец, преисполненный лучших намерений?

Впрочем, следующие слова мистера Ноллота несколько развеяли мои подозрения:

– Чувствую по вашему молчанию, что вы мне не верите. Да и с какой стати? Вот если бы у меня достало времени, чтобы все вам объяснить. Я уже сказал, что вашего отца вовсе не следовало сюда водворять. И этого не случилось бы – не заяви его отец и брат о невменяемости подозреваемого с целью обелить его перед большим жюри, дабы присяжные не постановили предать его суду. Но, разумеется, это была уловка, юридический трюк.

– Да, – согласился я, – но этим предполагалось спасти отца от... от последствий признания его виновным.

– Нет, – возразил мистер Ноллот с невеселой усмешкой. – Намерение состояло не в том, чтобы спасти его от виселицы, но в том, чтобы передать его под опеку отца, а затем заботам доктора Алабастера – участь, вероятно, похуже казни. Ручаюсь, что, дойди дело до суда, вашего отца никогда не признали бы виновным. Улики против него были крайне ничтожными, и судья соответственным образом наставил бы присяжных. Верьте мне: я это говорю как юрист.

– Вы – юрист?

– Да, поверенный в суде. Полагаю, вас удивляет, что знание законов не помогло мне самому избежать здешних стен. Дело в том, что законы и процедуры, касающиеся умопомешательства – в особенности применительно к канцлерскому суду, – начисто лишены логики, несправедливы и с легкостью могут быть перетолкованы в недобросовестных целях. Подобно вашему отцу, я имел несчастье подпасть под канцлерский суд в качестве помешанного – горше судьбы и не представить, поверьте мне.

– Но откуда вам так хорошо известна история моего отца?

– По прибытии сюда он рассказал мне все – причем столь убедительно, что я ни на секунду не усомнился в его правдивости.

– Однако если тогда он находился в здравом уме... – Тут я запнулся.

– Как это согласуется с несчастным существом, которое вы видели вчера вечером? – мягко продолжил пожилой джентльмен. – Ответ более чем прост. Алабастер с прислужниками поставили задачу свести его с ума: это Хинксман – тот самый, высоченный, – Рукьярд и прочие, хотя Стиллингфлита я исключаю – в нем, по-моему, какие-то крупинки человечности еще сохранились.

– Что? – переспросил я. – Как здорового человека можно лишить ума?

– Как? Не спрашивайте. Поверьте мне на слово: сводить с ума умственно полноценных для блюстителей психиатрических заведений не менее прибыльно, нежели пользоваться действительно больных. С ума сводить удается куда чаще – и гораздо легче, так что я то и дело спрашиваю себя: быть может, мы все безумны, а здравомыслие есть не что иное, как всеобщая договоренность о правилах безумного поведения. В голове вашего юного отца ясный рассудок и помрачение ума мешаются самым причудливым образом.

Юного? Я был потрясен. Ему должно быть не меньше тридцати пяти-тридцати шести лет!

– Но даже у него, – продолжал мистер Ноллот, – бывают периоды относительного просветления. – Дрогнувшим голосом он добавил: – Лучше бы их не было.

– Почему вы так говорите?

² Провокатор (*фр.*).

Помолчав, мистер Ноллот пояснил:

– Тогда он вспоминает о супруге, вашей матери. Вас не слишком опечалит, если вы мне расскажете, жива она и что с ней случилось?

На эту краткую просьбу я не мог не отозваться – и в немногих словах рассказал историю матушки.

Мистер Ноллот вздохнул:

– Очень вам сочувствую, очень. Надеюсь, Питер никогда об этом не узнает. И даже о вашем существовании – уж простите мне такие слова: знаю, он радовался тому, что его короткий брак остался бездетным, и его отпрыскам не угрожают беды и позор. Боюсь только, что доктор Алабастер и Хинксман выложат ему все и о вас, и о вашей матушке, едва разум его прояснится. Ваше присутствие поможет им осуществить сразу несколько целей, – с горечью заключил мистер Ноллот.

– Каких целей? Что они против меня замышляют?

Мистер Ноллот ответил не сразу:

– Вы понимаете, насколько выгодна родственникам вашего отца ваша смерть?

– Конечно понимаю! – воскликнул я. – Именно благодаря кодициллу, приложенному к завещанию моего прапрадеда, которое мистер Эскрит...

К моему удивлению, мистер Ноллот меня перебил:

– Мне известно в подробностях, каким образом ваш дед приобрел его через посредство мистера Эскрита. Но скажите мне, что с ним случилось после того, как ваш отец вверил его на сохранение вашей матушке в гостинице в Хартфорде.

– Думаю, что кодицилл лишь совсем недавно перешел в руки семейства Клоудиров. – Я растолковал, каким обманным путем матушку удалось вынудить передать его мистеру Сансью (под маской Степлайта); я сказал, что не сомневаюсь в его пособничестве Клоудирам на пару с миссис Фортисквинс.

– Так, теперь мне понятно то, что я случайно подслушал. Они, должно быть, представили кодицилл в канцлерский суд, поскольку председатель Апелляционного суда менее чем через неделю намерен назначить над вами судебную опеку.

– Так, выходит, я не ошибся! – вскричал я, вспоминая свои догадки о важности моего появления в зале суда.

Мистер Ноллот попросил пояснений, и я вкратце изложил историю матушки и свою собственную вплоть до ее кончины, затем описал, каким образом попал в западню у дома Дэниела Портьюса и его жены; как меня обманом заставили поверить, будто я повстречал их по чистой случайности; как меня препроводили в зал суда, где многое из услышанного и увиденного повергло меня в замешательство; как Эмма лживо заверяла меня, что я волей закона определен под опеку их семейства; как мне удалось установить их действительные имена; как я пытался бежать, но был пойман и привезен сюда.

– Тогда вам должно быть понятно, – задал мне вопрос мистер Ноллот, – что по вашей кончине ваш дедушка, Сайлас Клоудир, незамедлительно унаследует имение Хафем? – Я кивнул, и он продолжил: – Вот почему Питера всегда так заботила безопасность вашей матушки. План Клоудиров близок к осуществлению: из того, что мне удалось подслушать, ясно, что они поручили доктору Алабастеру либо с вами разделаться, либо гарантировать подлинность вашего умопомешательства до того, как председатель суда подпишет судебное распоряжение, а иначе Момпессоны предложат ему передать вас на попечение другого доктора. Посему на разрешение вопроса остается всего неделя.

– Но неужели у судьбы не зародятся подозрения, если я... – возразил я, не сумев докончить фразы.

– Не зародятся, – задумчиво проговорил мистер Ноллот. – Взгляните на дело его глазами. Он видел вас в зале суда больным и растерянным. Позднее два мировых судьи обсле-

довали вас, что и требовалось, и подписали заключение о вашем содержании под замком, факт вашего безумия они готовы засвидетельствовать. Ибо как вы себя вели? Бросали собственному семейству нелепые обвинения, отказывались от еды, утверждая, будто вас собираются отравить!

– И что же, по вашему мнению, меня ждет?

– Комиссия по случаям умопомешательства, назначенная канцлерским судом, вероятно, вас освидетельствует и, надо думать, признает душевнобольным, о чем, полагаю, доктор Алабастер непременно позаботится, и если прошение Момпессонов будет отклонено, вам придется оставаться здесь неопределенно долго. Впрочем, не думаю, что при таком обороте событий вам позволят слишком долго задержаться на этом свете.

Оба мы какое-то время помолчали, потом мистер Ноллот произнес:

– Вам во что бы то ни стало нужно отсюда бежать – и как можно скорее. Но вот как?

Я собирался с ответом, но мистер Ноллот прошептал:

– Тише!

Поначалу я ничего не услышал, а потом различил донесшийся издали слабый звук, похожий на лязг металлической двери.

– Яллоп начал обход, – пояснил мистер Ноллот. – Мне нельзя задерживаться. Постараюсь прийти снова завтра вечером.

– Прошу вас, подождите одну минутку, – настойчиво попросил я.

– Да-да, я подумаю над планом вашего побега, – торопливо отозвался мистер Ноллот.

– Я не об этом. Скажите мне, почему вы верите в невиновность Питера Клоудира?

– Этот вопрос для вас важнее бегства?

– Да! Я не верю, что для меня найдется способ отсюда вырваться, но я должен знать правду, прежде чем...

Голос мой прервался.

– Я понимаю, – проговорил мистер Ноллот. – Постараюсь прийти к вам еще раз.

Не добавив больше ни слова, он отодвинулся от решетки – и, хотя я приник ней лицом вплотную, пытаясь проводить его взглядом, он уже исчез в дальнем конце коридора. Я чувствовал себя обессиленным, однако волнение и встревоженность прогнали сон.

* * *

Новый день был похож на предыдущий: Рукьярд принес еду и воду, до которых я не дотронулся, отдав предпочтение хлебу, который мистер Ноллот просунул мне через решетку.

Поздно вечером он, к моей радости, опять появился у двери с хлебом и водой для меня.

– Я пытался придумать, как устроить ваш побег, – начал он, – но пока без толку.

– Мистер Ноллот, умоляю вас: расскажите мне все, что вы знаете о смерти моего дедушки.

– Если вы этого желаете... Но сначала опишите, что вам известно о происходившем в ночь убийства?

Я передал то, о чем прочитал в матушкином дневнике, и добавил, что хотя читал его только один раз, но он прочно запечатлелся в моей памяти.

– Тогда я не мешкая внесу для вас в дело полную ясность. Вы припоминаете, что за подарок ваш дедушка получил в тот вечер от мистера Фортисквинса?

Я кивнул.

– Вы имеете представление о том, что это был за подарок, или, вернее, что именно ваш дедушка ожидал получить?

– Не знаю, – неуверенно ответил я, но с возрастающим волнением поведал о своей догадке: причина, по которой дедушка потерял интерес к кодициллу, заключалась в том, что он надеялся получить в свои руки документ, гораздо более действенный.

– Вы совершенно правы, – подтвердил мистер Ноллот. – В тот вечер ваш дедушка ожидал обрести документ огромной важности. Ни больше ни меньше, как завещание Джеффри Хаффама, вашего прапрадеда, которое имело более позднюю дату, нежели официально утвержденное судом.

Моя догадка оказалась верной!

– И если, как следует предположить, оно было не подделкой, – продолжал мистер Ноллот, – то, поскольку завещание не теряет силы независимо от срока, в продолжение которого оно находилось вне досягаемости, по утверждении его судом оно заменило бы как первоначальное завещание, так и кодицилл, вокруг которого было поднято столько шума.

– И каковы тогда были бы последствия? – нетерпеливо спросил я.

– Весьма и весьма далеко идущие для очень многих людей. Завещание лишало наследства вашего прадеда Джеймса в пользу несовершеннолетнего внука Хаффама.

– Моего дедушки! – воскликнул я.

– Именно. Джон, которому тогда было всего несколько месяцев, по праву становился владельцем собственности своего деда. И потому продажа Джеймсом имения Хафем бесспорно становилась незаконной в силу обратного действия, поскольку Джеймс не мог распоряжаться не принадлежавшим ему имением. Короче говоря, если бы это завещание было официально подтверждено в суде, то ваш дедушка немедленно становился полноправным владельцем имения.

– Он был так близок к своей заветной цели! – пробормотал я. – Момпессонов бы выселили, а планы Клоудиров были бы разрушены. – В голове у меня завертелось множество мыслей, однако на первый план выступила следующая: – И где же находилось завещание все эти годы?

– Очевидно, у Момпессонов, поскольку кто-то из их семейства написал вашему дедушке и взял на себя труд передать это завещание в его руки.

– Письмо с гербом Момпессонов! – вскричал я. – Матушка о нем упомянула! – В самом деле, стало ясно, почему тотчас по получении этого письма дедушка утратил всякий интерес к возможному предъявлению кодицилла в суд и отказался от планов выдать матушку замуж за Дэниела Клоудира. – Но почему же кто-то из тех, кто пользовался у Момпессонов доверием, пожелал их предать? Кто этот наш сторонник, имевший доступ к их тайнам? И с какой стати завещание так долго хранилось под спудом, хотя оно представляло столь серьезную угрозу для их интересов?

– Поломать голову над этими вопросами, мой юный друг, у нас с вашим отцом досуга было предостаточно, но проку из этого не вышло.

– Простите, что я вас прервал. Пожалуйста, продолжайте. И что же произошло в тот роковой вечер?

– Не будем спешить. Необходимо вернуться приблизительно на неделю назад, когда ваши родители известили вашего дедушку о своем желании заключить брак. Ваша матушка говорила вам, что ваш дедушка назначил дату свадьбы неделей позже, а пригласить на церемонию предполагал своего старого друга – Мартина Фортисквинса, с которым прежде рассорился, и его новую супругу?

– Да, матушка была сильно этим озадачена.

– Вот здесь и скрыта разгадка. Ваш дедушка конфиденциально переговорил с вашим отцом и мистером Эскритом – и сообщил им о полученном обещании, хотя и не назвал доверенного лица Момпессонов. Он пояснил, что этот неведомый помощник предложил использовать мистера Фортисквинса в качестве ни о чем не подозревающего агента для переправки

документа из дома Момпессонов в его руки. Замысел состоял в том, чтобы утром в день бракосочетания изъять завещание из тайника сэра Персевала и через неведомого пособника передать его мистеру Фортисквинсу, которому внушили бы, что это подарок для вашего дедушки, предназначенный для немедленного вручения. Мистер Фортисквинс, и понятия не имевший о значимости посылки, вечером того же дня доставил бы ее по назначению. Таким образом, приглашение на свадебный пир было необходимым предлогом для того, чтобы мистер Фортисквинс явился в дом к вашему дедушке.

– Но почему матушку не поставили об этом в известность?

– Позвольте мне пересказать всю эту историю в том виде, в каком я слышал ее от вашего отца, и тогда, надеюсь, все станет ясно. Ваш дедушка, несомненно, понимал, что, как только сэр Персевал обнаружит пропажу завещания, его охватит боязнь – не попало ли оно каким-то образом в руки того единственного человека, который от этого выигрывал: вашего дедушки. И более того: отец Питера впервые узнал бы о существовании подобной бумаги – этот секрет тщательно оберегался.

– Но как он узнал бы об этом? И почему это должно было его заботить?

– Среди доверенных лиц Момпессонов у отца Питера был, по крайней мере, один осведомитель. Ваш дедушка также полагал, что новая нареченная мистера Фортисквинса получала от него плату за донесения.

Мы с мистером Ноллотом поразмыслили над мотивами ее действий, а также о недоверии к ней со стороны моего дедушки, однако к определенному выводу не пришли. После прочтения записной книжки матушки я часто задавался недоуменным вопросом, в силу каких причин миссис Фортисквинс питала к ней столь острую неприязнь.

– Очевидно, что отец Питера проявлял пристальный интерес к делам вашего дедушки, – продолжал мистер Ноллот. – И, разумеется, утрата завещания сделала бы кодицил для него бесполезным и отняла даже малейший шанс унаследовать имение. Ему, подобно Момпессонам, сделалось бы ясно, что в первую голову тут выигрывает ваш дедушка, и он заподозрил бы, в чьих руках оно оказалось. Он уже с раздражением и недоверием относился к тому, что ваш дедушка медлит с предъявлением кодицилла в суд. И, несомненно, заключил бы одно: ваш дедушка, всецело поглощенный тяжбой, избегает воспользоваться кодициллом только потому, что располагает более весомыми претензиями на наследство.

– Но почему же мой дедушка не поспешил предъявить кодицилл в суд ради того, чтобы развеять его подозрения?

– Тотчас после этого жизнь вашей матушки и его собственная оказались бы на волоске. Как ваша сейчас.

– Но разве опасность не угрожала им с того момента, как Момпессоны и Клоудирь узнали, что завещанием владеет дедушка? Наверняка ни Клоудирь, ни даже Момпессоны ни перед чем бы не остановились, лишь бы это завещание уничтожить или же вновь его пополнить?

– Совершенно верно. И если бы Клоудирь расправились с вашими дедушкой и матушкой и взяли под опеку вашего отца, с их точки зрения это было бы лучшим выходом. Поэтому главной заботой вашего дедушки стало обеспечение безопасности ваших родителей и обеспечение документа, который ему доставили. Именно этот вопрос они – ваш дедушка, ваш отец и мистер Эскрит – и обсуждали втроем в тот вечер, когда ваши родители выразили согласие на брак. Именно тогда они заключили сговор, которому суждено было возыметь столь роковые и непредвиденные последствия.

– Сговор? – вскричал я. – Против кого?

– Против вашей матери, прежде всего. Ваш отец и ваш дедушка были твердо намерены утаить от вашей матушки возможно больше, дабы ее не волновать.

– Но они не подумали о том, какие страдания это ей причинит!

– Но им и в голову тогда не могло прийти, что их план так чудовищно провалится. И, кроме того, принять в нем участие со всей необходимостью означало сыграть роль, на которую вашу матушку они не считали способной. Для понимания происшедшего вы должны представить себе, как выглядела для них ситуация в тот вечер. Перед ними стояли вот какие цели: вашу матушку следовало держать в полном неведении – по крайней мере до тех пор, пока опасность не минует; вашего отца нужно было тайно переместить туда, где его не могли бы найти его отец и доктор Алабастер, который, вспомните, был вооружен предписанием комиссии по делам умалишенных, позволявшим им немедленно взять его под опеку, едва только он покинет дом вашего дедушки; Момпессонов и Клоудиров необходимо было обманом уверить в том, что ваши родители не получили от вашего дедушки ни завещания, ни кодицилла; и, наконец, если внушить это им не удастся, оба документа – кодицилл и завещание – следовало переправить в такое место, где они находились бы вне досягаемости и Момпессонов, и Клоудиров, а также их многочисленных агентов и осведомителей.

– Каким образом они надеялись справиться со всеми этими задачами?

– Видите ли, мистер Эскрит разработал весьма изобретательный способ. Он подал идею о том, чтобы ваши отец и дедушка изобраили сцену мнимой ссоры в присутствии мистера и миссис Фортисквинс и вашей матушки, а в итоге ваши родители должны были поспешно покинуть дом.

– Тот самый розыгрыш, о котором отец говорил в гостинице в Хартфорде! – воскликнул я.

– Да, розыгрыш. Именно так. Видите, почему вашу матушку нельзя было предупредить? Она не сумела бы обмануть проницательную миссис Фортисквинс. Ваш дедушка великолепно справился с задачей, мистер Эскрит тоже держался вполне естественно, однако ваш отец часто сетовал, что провалил роль.

– Да, матушка записала, что, по ее мнению, он вел себя странно, но дедушка и мистер Эскрит ловко ввели ее в заблуждение.

– Вынужденный обман вашей матушки имел плачевный результат – ввиду того, что затея внезапно приняла такой ужасный оборот. Однако все делалось из лучших намерений. Полагаю, цель розыгрыша вам ясна? Необходимо было убедить мистера и миссис Фортисквинс в том, что между Питером и его новообретенным тестем произошел бесповоротный разрыв. Решающее значение имело то, чтобы мистер Фортисквинс, докладывая о встрече – без всякого злого умысла, – упомянул бы, что вручил подарок только после того, как Питер покинул дом. Тогда сэр Персевал пришел бы к выводу, что похищенное у него завещание через невольное посредничество мистера Фортисквинса попало в руки вашего дедушки. Мистер Фортисквинс слыл человеком, не способным даже на малейшее притворство. Его утверждение, что молодожены покинули дом немедленно после разыгравшейся сцены и отбыли неизвестно куда, предотвратило бы всякие попытки поиска, да их Момпессоны и не имели бы повода предпринимать, зная, что завещание находится у вашего дедушки.

– А миссис Фортисквинс сообщила бы то же самое Клоудирам?

– Именно так. Они также отвергли бы мысль о том, что ваш дедушка препоручил завещание – и заодно кодицилл – своему зятю, отказались бы от попыток учредить над ним опеку по причине умопомешательства и вместо того направили бы все свои усилия на вашего дедушку, дабы заполучить кодицилл – для предъявления его в суд и завещание – с целью его уничтожить.

– И, по вашим подозрениям, то, что с ним случилось...

– Я должен вас сейчас оставить, – прервал меня мистер Ноллот. – Яллоп еще не начинал свой обход и вот-вот явится.

– Побудьте еще немного, умоляю вас!

– Только минуточку. Не дольше. Вернемся к моему рассказу. Затеянная мистером Эскритом хитрость имела еще одно важное достоинство: при худшем исходе – если бы даже врагов вашего семейства не удалось убедить в разрыве отношений между вашим отцом и вашим дедушкой – ваши родители с двумя документами на руках оказались бы в безопасности за пределами Лондона, и о их местонахождении знали бы только ваш дедушка и мистер Эскрит. Поэтому за неделю до бракосочетания ваших родителей втайне были сделаны все необходимые приготовления. Ваш дедушка вручил вашему отцу кодицилл и письмо, в котором изложил всю важность перехваченного завещания. Он написал это письмо, зная о том, как вы верно предположили, что жизни его угрожает смертельная опасность. Весьма настоятельной была и необходимость проследить, чтобы по прибытии мистера и миссис Фортисквинс последняя видела бы собственными глазами, что ее супруг передал привезенный пакет вашему дедушке только после того, как ваши родители покинут дом. В ту минуту она вряд ли обратила бы особое внимание на это обстоятельство, однако позднее, когда утрата завещания Момпессонами сделалась бы очевидной, оценила бы всю его важность. Было условлено, что ваш дедушка откажется принять подарок до того, как ваши родители покинут дом после ссоры. Предметом мнимого раздора избрали деньги – как наиболее правдоподобный в глазах Момпессонов и Клоудиров предлог для распри между тестем и зятем в день бракосочетания последнего. Только после отбытия ваших родителей ваш дедушка попросил бы у мистера Фортисквинса пакет. Он украдкой передал бы его мистеру Эскриту, а затем ваш отец...

– Тайком вернулся бы в дом, чтобы забрать пакет! – торжествующе воскликнул я.

– Именно так, – подтвердил мистер Ноллот. – Мистер Эскрит должен был оставить черный ход незапертым, а поскольку слуги, празднуя событие у себя на кухне, помешать не могли, то вашего отца никто бы не увидел.

– Однако мистер Фортисквинс его заметил, – сказал я. – Хотя в тот момент и не узнал.

– Да, многое пошло наперекосяк.

– Прошу вас, расскажите, что же произошло! – Я едва не задыхался от волнения.

– Нет, мне больше нельзя задерживаться. Светает. Меня обнаружат, и тогда я лишусь возможности вам помогать.

– Неважно. Я должен знать о случившемся.

– Завтра, если мне удастся, – прошептал мистер Ноллот и бесшумно удалился.

Я улегся на жесткую соломенную подстилку, понимая, что долгие часы проведу без сна: услышанное от мистера Ноллота породило во мне целую вереницу мыслей, для уяснения которых требовалось время. Итак, мой дедушка обладал неоспоримым правом собственности на имение. Тогда, выходит, я – наследник? Моя заветная мечта может сбыться! Впрочем, об этом нельзя помышлять: все зависит от завещания, если оно вообще когда-либо существовало. Могу ли я быть в этом уверенным? Если оно действительно существовало, то что с ним случилось? По-видимому, оно уничтожено. Как странно, что я понимаю гораздо больше, чем моя бедная матушка, и лучше нее разбираюсь в событиях того рокового вечера, а особенно в благих целях разыгранного спектакля. Исходя из услышанного, могу ли я утверждать, что ее страхи перед тем, что ее муж убил ее отца, вполне беспочвенны? С одной стороны, стремление завладеть перехваченным завещанием казалось вполне достаточным мотивом для убийства, однако непонятно было, что Питер Клоудир от этого должен был выиграть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.